

ВСЕ ПЕРРИ МЕЙСОН

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ДЕЛО
О ФАЛЬШИВОМ
ГЛАЗЕ

ВЕСЬ ПЕРРИ МЕЙСОН

ERLE STANLEY GARDNER

THE CASE
OF THE COUNTERFEIT EYE

THE CASE
OF THE STUTTERING BISHOP

THE CASE
OF THE LAME CANARY

ВСЕ ПЕРРИ МЕЙСОН

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

Любовь
Москва

ДЕЛО
О ФАЛЬШИВОМ ГЛАЗЕ

Романы

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)
Г20

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Весь Перри Мейсон»
выпускается с 2002 года

Выпуск 1

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Гарднер Эрл Стенли
Г20 Дело о фальшивом глазе: Детективные романы /
Пер. с англ. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. —
496 с.— (Весь Перри Мейсон).

ISBN 5-9524-0104-X (Вып. 1)
ISBN 5-9524-0106-6

Адвокат Перри Мейсон, защищая потерпевших, попадает в самые невероятные ситуации и вынужден сам стать детективом, чтобы разобраться в убийстве на почве невыполнения долговых обязательств («Дело о фальшивом глазе»), в запутанных обстоятельствах смерти миллионера («Дело заикающегося епископа»), в подозрительном поведении ограбленной дамы («Дело о хромой канарейке»).

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)

ISBN 5-9524-0104-X (Вып. 1)
ISBN 5-9524-0106-6

© Состав, перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2002
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2002

Предисловие

Издательство с готовностью откликается на многочисленные просьбы своих постоянных читателей опубликовать романы популярнейшего американского писателя Эрла Стенли Гарднера и предлагает новую серию «Весь Перри Мейсон», посвященную несравненному адвокату-детективу.

Большую часть детства Эрл Стенли Гарднер провел в поездках с отцом, горным инженером, по отдаленным уголкам Калифорнии, Орегона и Клондайка. Еще подростком он всерьез увлекся боксом и сделал его одним из источников своего заработка, став как непосредственным участником боев, так и организатором полулегальных соревнований. Вскоре после поступления в колледж Гарднер был исключен из числа студентов за то, что, как он сам признавал, врезал одному из преподавателей за какую-то обидную реплику. Впрочем, образование он все же получил, а право научился отстаивать не только кулаками: в 1911 г. в г. Окснард (штат Калифорния) Гарднер открыл собственную адвокатскую контору, где защищал права китайского населения штата, причем немало преуспел на данном поприще, в первую очередь благодаря своей яркой манере ведения судебного расследования. В начале 20-х гг. XX в. он стал писать вестерны и детективные рассказы для журналов, причем вскоре настолько «набил руку», что каждые три дня выдавал на гора новый рассказ — и это не отрываясь от повседневной юридической практики.

В 1933 г., после выхода в свет первого романа, Гарднер оставил юриспруденцию и полностью переключился на писательскую деятельность. Главными действующими лицами про

изведений стали адвокат-детектив Перри Мейсон, его верная секретарша Делла Стрит, его правая рука шеф частного сыскного агентства Пол Дрейк, а также хитрющая тройка розысчников — сержант Голкомб, лейтенант Трэгг и окружной прокурор Гамильтон Бюргер, бурная деятельность которых снискала Гарднеру славу одного из наиболее преуспевающих авторов детективных романов всех времен.

Следует признать, что большинство его произведений — а всего их насчитывается 82, начиная с «Дела о бархатных коготках» («The Case of the Velvet Claws» — 1933 г.) до напечатанного уже после смерти автора «Дела об отсроченном убийстве» («The Case of the Postponed Murder» — 1973 г.), — не представляют собой выдающихся творений с точки зрения высокой литературы. Проработка персонажей довольно поверхностна, отчего создается впечатление, что они перекочевывают из одной книги в другую; фразеология, за некоторым исключением, также не блещет разнообразием. Но в чем автору никак нельзя отказать, так это в поразительной читабельности его романов, умении увлечь динамикой сюжета, создать головокружительную интригу и перенести ее в зал суда, построив хитроумную словесную дуэль оппонентов (в чем и сам Гарднер немало преуспел за годы своей адвокатской практики).

Первые девять романов про Мейсона выдержаны в крутых традициях журнала «Черная маска»: жесткий реализм, грубоватый юмор, шепотка сентиментальности и обязательный хеппи-энд, столь нужный читателю на исходе последних лет жесточайшей экономической депрессии. Мейсон в этих романах предстает таким тигром в общественных джунглях, полагающимся исключительно на самого себя, не требующим никаких скидок, презирующим слабаков, которые только и ждут, чтобы общество о них позаботилось, и готовым на любой риск ради клиента вне зависимости от того, насколько порядочен клиент в отношении его самого. В ответ на вопрос, чем он зарабатывает на жизнь, Мейсон отвечает: «Я дерусь» либо «Я работаю платным гладиатором...» Он не остановится перед подкупом полицейского, от которого нужно получить важную информацию; готов напустить на ценного свидетеля такого праха, в том числе и угрозой обвинения в убийстве, что тот расскажет обо всем на свете, может так перетасовать полученные улики, что заведомый преступник (но его клиент) будет оправдан, и внести сумятицу в счета компании, торгующей

недвижимостью, в результате чего такой же преступник (но не его клиент) навсегда лишится доступа к ее капиталам. Кульминация сюжета в романах Гарднера наступает в зале судебных заседаний, где блестящая работа адвоката Мейсона, в совершенстве изучившего нюансы американского законодательства, судебной практики и человеческой психологии, помогает исправить ошибки или непреднамеренные передержки следствия и спасти невиновного человека от электрического стула либо, наоборот, обратить внимание суда на ускользнувшие от туповатых следователей детали обстоятельств, изобличающие кого-то другого...

Гарднер умеет с живым динамизмом передать атмосферу судебного процесса, в котором защита и обвинение сталкиваются в жестком противоборстве. Интеллект, пронизательность и гибкость Перри Мейсона, его умение склонить на свою сторону присяжных и посеять сомнения относительно самых, казалось бы, неоспоримых улик обвинения позволяют ему неизменно выходить победителем в совершенно безнадежно «испорченных» ситуациях.

Поверив в невиновность своего клиента — как правило, жертвы трагического стечения обстоятельств, человека, вовлеченного помимо его воли в убийство или другое тяжкое преступление, — Мейсон берет его под защиту и не отступает от своего ни под каким видом, какими бы «железными» ни выглядели улики, которыми оперируют полиция и прокурор. Так или иначе, но из всех перипетий Мейсон неизменно выходит победителем, укрепляя веру читателя в торжество справедливости и правосудия. Не считая «Дела о бархатных коготках», самыми заметными романами про раннего Мейсона являются, пожалуй, «Дело о воющей собаке» («The Case of the Howling Dog») и «Дело любопытной новобрачной» («The Case of the Curious Bride») — оба вышли в 1934 г.

С конца 30-х до конца 50-х доминирующее влияние на творчество Гарднера оказывала уже не «Черная маска», а скорее «Сатердей инвинг пост», опубликовавшая большинство романов про Мейсона еще до их выхода в свет в виде книг. Здесь крутой нрав главного героя несколько приглушен, на первое место выходит «любовный интерес», да и сам Мейсон не проявляет особой прыти по части обхода закона любыми средствами. Словесные перепалки по-прежнему остаются чертовски увлекательными и завораживающими, темп повествования не

падает ни на секунду, а сюжет все так же головоломно закручен. Правда, теперь рассказ ведется чаще о хитроумных и алчных дельцах, стремящихся установить свой контроль над капиталом. Мейсон и здесь остается тенью своего создателя, его вторым «я», хотя в его образе начинают проступать черты некоего героя-отшельника, поселившегося в глухой и дикой местности и своей отрешенностью от внешнего мира демонстрирующего презрение к царящим в нем корыстным и жестоким нравам. Лучшими романами этого периода, пожалуй, можно признать «Дело о ленивом любовнике» («Lazy Lover»), «Дело о краже на дороге» («Hesitant Hostess»), а также «Дело счастливого неудачника» («Lucky Loser») и «Историю куклы-непоседы» («Foot-Loose Doll») с их на удивление закрученными сюжетами.

С 1957-го по 1966 г. Гарднер активно работает над сценариями многосерийной телеверсии своих произведений «Перри Мейсон», причем экранный герой отчасти повлиял на характер его книжного прототипа: в последующих романах адвокат предстает умудренным опытом, но при этом чуточку скуповатым борцом за законность и нравственность, сюжеты отчасти теряют остроту, на смену которой приходит известная хаотичность, а хитроумные судебные дебаты нередко превращаются в обычную словесную перепалку.

Американские критики считают, что при всем тематическом разнообразии творчества Эрла Стенли Гарднера на протяжении его долгой жизни в литературе своей славой мастера остросюжетного детектива писатель обязан прежде всего Перри Мейсону. В большинстве романов этой серии, как и во многих других его книгах, читатель конечно же оценит богатство таланта этого остроумного и неистощимого на выдумки рассказчика, который, похоже, будет привлекать к себе внимание читающей публики еще много лет.

**ДЕЛО
О ХРОМОЙ
КАНАРЕЙКЕ**

THE CASE OF THE LAME CANARY

Глава 1

Перри Мейсон, адвокат, сидел за огромным письменным столом своего кабинета. В уголке наискосок пристроилась его секретарша Делла Стрит. Кресло же для посетителей было занято довольно миловидной особой — Ритой Свейн.

На зеленом сукне стола стояла проволочная клетка с ярко-желтой канарейкой, которая скакала по жердочкам, хромая на одну лапку.

Перри Мейсон только закончил нашумевшее дело «о воющей собаке», которое отняло у него массу сил и напряжения. Сейчас он собирался дать себе хотя бы маленькую передышку и поэтому долго не соглашался принять девушку. Но любопытство, почему Рита явилась в его контору с канарейкой, победило, и он пригласил ее к себе в кабинет. Девушка принялась сбивчиво и непоследовательно объяснять причину своего визита.

Оказалось, что ей понадобилась помощь адвоката из-за своей сестры Розалинды, или Розы, как она ее называла.

Рита рассказывала:

— И вот Розы вышла замуж за Вальтера Прескотта. Он работает в страховом агентстве и женился на ней ради денег. Человек он шустрый, вертелся, крутился и, наконец, выкачал у нее большую часть капитала. А теперь он грозит Розы крупными неприятностями...

— Какого рода неприятностями? — спросил Мейсон, видя ее нерешительность.

— Из-за Джимми.

— Кто такой Джимми?

— Джимми Дресколл. Розы встречалась с ним до того, как вышла за Прескотта.

— Мистер Дресколл по-прежнему в нее влюблен?

Девушка решительно покачала головой:

— Нет, он любит меня.

— Отчего же скандалит ее муж?

— Джимми написал ей письмо.

— Какого содержания?

— Сначала Рози написала Джимми, жалуясь на то, что несчастлива с Вальтером. Джимми посоветовал немедленно развестись. Объяснил, что Вальтер женился на ней только ради денег и что ей следует смотреть на свое замужество исключительно как на своеобразное вложение капитала, причем весьма неудачное, повлекшее за собой крупную потерю денег. — Девушка нервно засмеялась. — Джимми во всем остается бизнесменом. Он был в курсе финансовых дел Рози еще до ее замужества и знает, сколько ей стоил Прескотт. Поэтому он так и написал.

— Теперь он больше не ведет ее дела?

— Нет.

— Письмо мистера Дресколла попало в руки Вальтера Прескотта?

— Совершенно верно. Понимаете, Рози не знает о наших с ним отношениях. Я никогда в ее присутствии не упоминала имени Джимми. У меня имеются собственные средства. После замужества Рози я поручила ведение своих дел Джимми Дресколлу. И мы с ним подружились.

— Об этом ваша сестра не знает?

— Нет. Во всяком случае, мне так кажется.

— Каковы намерения Прескотта в отношении письма?

— Он собирается возбудить дело о разводе под предлогом того, что она сохраняет любовную связь с Джимми. Он хочет отомстить ему за откровенное письмо.

Мейсон покачал головой:

— Я не занимаюсь бракоразводными процессами!

— О! Но этим вы должны заняться. Ведь я вам еще всего не рассказала.

Мейсон глянул через стол на Деллу Стрит, слегка улыбнулся и сказал:

— В таком случае расскажите все.

— Вальтер выманил у Рози около двадцати тысяч долларов, пообещал, что вложит их в какое-то выгодное дело, где она сможет получить более десяти процентов прибыли при возможности по первому требованию изъять основной капитал. А теперь он отрицается от всего, божится, что он не должен ей ни одного пенни.

— Может ли она доказать, что давала ему деньги?

— Боюсь, что нет. Вы же знаете, что ни одна женщина не станет требовать расписку у своего мужа! У Розы были кое-какие акции, она отдала их Вальтеру и велела продать, чтобы вложить деньги в то прибыльное дело. Вальтер не отказывается от того, что продал ее бумаги, но утверждает, что все деньги отдал Розы. Партнер Вальтера Прескотт сказал, что Вальтер не только не вложил деньги в дело, но, наоборот, востребовал часть капитала. Вальтер обманул Розалинду, а теперь он еще собирается с ней развестись, предъявив позорное обвинение.

— Понятно, — кивнул Мейсон. — И все же я считаю, что вам разумнее обратиться к другому адвокату, специалисту по семейным тяжбам...

Но Рита прервала его:

— Нет, в данном случае вы один можете помочь. Как вы не понимаете, может случиться бог знает что!

— Это вы меня не понимаете. Меня не интересуют бракоразводные процессы. Я люблю загадки, кипение страстей, люблю распутывать сложные ситуации. Я искренне сочувствую вашей сестре, однако ее дело не по моей части. В городе сотни опытных адвокатов, которые охотно возьмутся защищать интересы миссис Прескотт.

У девушки задрожали губы.

— Я бы хотела, чтобы вы хотя бы выслушали меня до конца.

Потом, видимо осознав тщетность своих просьб, она поднялась и потянулась за клеткой с канарейкой.

Мейсон ее остановил:

— Подождите минуту, меня заинтриговала ваша канарейка. Вот уже полчаса я ломаю себе голову над тем, чего ради вы принесли ее в мою контору.

— Как раз об этом я и хотела вам рассказать, только вы никак не даете добраться до этого момента.

— Так не медлите же! А то мне придется мучиться весь день, пытаясь отыскать логическое объяснение.

— Утром я была в квартире Розы, подстригала канарейке коготки маникюрными ножницами. Это приходится делать довольно часто. Как раз когда я занималась этим делом, пришел Джими. Он сказал мне, что любит меня. И крепко меня обнял. Канарейка вырвалась у меня из рук. В этот момент перед самым нашим домом произошла авария, столкнулись две машины. Я выглянула из окна и заметила, что за нами с Джимом наблюдает миссис Надоеда. При аварии был

ранен человек. Джимми побежал туда помогать. Полицейские записали номера столкнувшихся машин, а заодно и номера водительских удостоверений. Теперь Джимми могут вызвать в качестве свидетеля. Полиция выясняет виновника аварии и размеры полученных повреждений. И получится, что Вальтер узнает из газет, что Джимми без его ведома приходил к нему в дом, обвинит его в... и... и... пропади все пропадом! Я ненавижу такие сплетни!

Она раскрыла сумочку, вынула из нее маленький платочек и принялась с ожесточением вытирать слезы.

Мейсон поудобнее устроился в кресле и удовлетворенно вздохнул:

— Дорожная авария, любовная история, хромая канарейка и миссис Надоеда. Что может быть лучше? Мне все-таки кажется, что в конце концов я возьмусь за дело вашей сестры. Во всяком случае, мне необходимо знать все подробности. Перестаньте плакать и расскажите мне про миссис Надоеду.

Рита Свейн высморкалась, выдавила из себя подобие улыбки и сказала:

— Я терпеть не могу плакать. Обычно из меня слезинки не выдавишь, а вот сегодня... Только не думайте, мистер Мейсон, что я разревалась специально, чтобы вас разжалобить. Просто не сумела справиться с собой.

Мейсон кивнул и спросил:

— Кто такая миссис Надоеда?

— Это мы ее называли Надоедой, потому что она обожает совать свой нос решительно во все дела. Вообще-то ее зовут Стелла Андерсон. Она вдова. Живет в соседнем доме. Она постоянно находится на своем наблюдательном посту возле окна или же собирает сплетни по всей округе.

— Джимми вам сказал, что любит вас?

— Да.

— Это случилось в доме Розалинды?

— Да.

— Как получилось, что Джимми явился туда со своими признаниями, и где в тот момент была сама Розалинда?

— Понимаете, — Рита вытерла с лица последние следы от слез, — когда Вальтер нашел письмо Джимми, он стал закатывать невероятные сцены. Вопил, что Джимми — любовник Розы. Вальтер грозился ее убить, изуродовать и так далее. Розы показалось, что он сдержит свои угрозы. Поэтому она потихоньку улизнула из дома и не смела вернуться назад.

— Когда все это было?

— Точно не скажу. Утром, около девяти или десяти часов. В начале двенадцатого Роза позвонила по телефону, рассказала, что случилось, и попросила меня отправиться в это логово разъяренного льва, уложить кое-какие вещи в чемодан, находящийся в кладовке возле спальни. Живет она в доме номер 1396 по Эльзас-авеню. Вальтер купил этот дом, когда они поженились. Я живу в квартале от них.

— У вас есть ключ от дома?

— Нет.

— Как же вы попали в дом?

— Роза выскочила из дома и не закрыла за собой дверь. Вальтер ведь грозился ее прикончить, тут уж было не до ключей и замков!

— Ну а канарейка?

— Это любимица Розы, она живет у нее много лет. Роза хотела, чтобы я увезла ее к себе. Вальтер, конечно, свернул бы канарейке шею, чтобы досадить Розе. Он просто взбесился, когда узнал, что Роза удрала.

Мейсон понимающе улыбнулся:

— Все ясно. Мое любопытство удовлетворено. Вы понимаете, что я удивился при виде девушки, разгуливающей по городу с канарейкой в клетке. После вашего объяснения загадка превратилась в обычную скучную историю..

Рита вспыхнула:

— Вопрос о счастье и благополучии моей сестры вы называете «обычной скучной историей»! После этого мне остается только извиниться за напрасно отнятое у вас время.

Адвокат усмехнулся:

— Не надо кипятиться. Я честно заплачу за свое любопытство. Так что продолжайте свой рассказ.

— Так вы согласны защищать Розу?

Мейсон кивнул.

У девушки просветлело лицо.

— Прекрасно! Огромное вам спасибо!

— Не стоит благодарности, — устало ответил Перри Мейсон, — меня заинтересовала канарейка, я сам стал приставать с расспросами. Теперь придется расплачиваться. Но я могу выступить по бытовым вопросам только в качестве вашего поверенного. То, что меня это мало интересует, пусть вас не беспокоит... Итак, мистер Дресколл сказал вам, что он вас любит. Не так ли?

Рита молча кивнула.

— Говорил ли он вам об этом раньше?

— Нет, никогда, — ответила девушка, не отводя глаз от канарейки.

— Но вы, разумеется, догадывались о его чувствах?

— Вполне уверенной я не могла быть, — тихо ответила девушка. — Он мне очень нравился, и я надеялась, что тоже нравлюсь ему. Однако объяснение произошло столь внезапно.

— А каким образом он попал в дом миссис Прескотт?

— Джимми сначала заехал ко мне в пансионат. Он когда-то помог тамошнему клерку, дав ему стоящий совет в отношении денег. Поэтому клерк рассказал ему, что я разговаривала по телефону с сестрой, сильно волновалась и сразу поехала к ней. Поэтому Джимми и поехал следом.

— Иными словами, клерк подслушал ваш разговор?

— Не уверена. Он знает голос Розы, а когда я выходила, то сказала, куда еду.

— Таким образом, мистер Дресколл отправился в дом Прескотта?

— Да. Я же говорю, дом этот находится за квартал от моего пансионата.

— Вы уже были там?

— Да.

— Что случилось потом?

Рита избегала глаз адвоката.

— Ну, мы поговорили о разных разностях. Я держала в руках канарейку, подрезала ей коготки. А тут Джимми как схватит меня в объятия. Он стал говорить о том, как он меня любит. Канарейка, разумеется, вырвалась. А потом, когда я пыталась ее поймать, раздались ужасный скрежет и треск. Естественно, мы оба подбежали к окну общей комнаты — до этого мы были в солярии. На дороге столкнулись две машины: крытый грузовик и легковая. Разумеется, легковая была сильно повреждена. Водитель был ранен. Джимми выскочил из дома, чтобы помочь раненому выбраться из машины. Шофер грузовика страшно испугался. Он сказал, что лучше он сам доставит пострадавшего в больницу, чем дожидаться «скорой». Так что они с Джимми уложили его в кузов грузовика, и тот уехал.

— Джимми вернулся домой?

Рита кивнула.

— Что случилось потом?

— Мы обсудили сложившуюся ситуацию, и я сказала, что Джимми лучше поскорее уехать, потому что Вальтер и без того зол на него, а если еще и узнает, что в его отсут-

стве Джимми приходил к ним, тогда вообще на него не будет никакой упрavy. Вы ведь понимаете: если придет полиция, то Джимми непременно вызовут в качестве свидетеля. И потом, мог вернуться водитель грузовика, чтобы уговорить Джимми. Так или иначе, но Джимми непременно угодил бы в эту историю. Не говоря уже о миссис Надоеде, которая видела, как мы с Джимми...

— Короче, Джимми поспешил уйти?

— Да, но миссис Надоеда, по-видимому, позвонила в полицию и сообщила об аварии. Случилось так, что в тот самый момент, когда Джимми выходил из ворот, он прямоком угодил в объятия двух полицейских, только что подъехавших на радиофицированной машине. Они, естественно, приняли его расспрашивать, записали его имя, адрес, даже велели показать водительские права.

— Когда это было?

— Два или три часа назад. По-моему, авария произошла где-то около полудня.

— А когда вам звонила Розалинда?

— Где-то между десятью и одиннадцатью. Точно не помню.

— Хорошо. Если вы хотите, чтобы я защищал интересы вашей сестры на бракоразводном процессе, нам для начала надо с ней встретиться.

Рита кивнула. Потом с таинственным видом наклонилась к Мейсону:

— Послушайте, мистер Мейсон. Не лучше ли было бы устроить все таким образом, чтобы Вальтер вообще ничего не узнал про визит Джимми? Понимаете, Роза ведь ушла из дома и Вальтер может решить, что Джимми имеет к этому самое непосредственное отношение.

— Будучи влюбленным в вас?

— Но ведь Вальтер этого не знает!

— Почему же вам не объявить о вашей помолвке?

— Потому что люди могут подумать, что тут дело нечисто: что это все придумали, чтобы обмануть Вальтера и спасти Розалинду.

— Ага, значит, вы тоже подумали о такой возможности, не так ли?

— Подумала. Понимаете, это логическое умозаключение делает любой человек. Вот я и решила: главное — это уладить дело с аварией. Если виновник столкновения — владелец легковой машины, он не станет предъявлять иска. Если же виноват шофер грузовой, то нельзя ли уладить дело мир-

ным путем, предложив уплатить за поломку. Тогда Джимми не фигурировал бы на суде в качестве свидетеля. Тогда никто не узнает, что он приходил в дом Розалинды.

— Пострадавший получил серьезную травму?

— Не знаю. Он был без сознания, когда Джимми помогал водителю уложить его в грузовик.

— Вы не знаете, чей это был грузовик?

— На нем была надпись: «Компания торговых перевозок».

— А что вы запомнили о легковой?

Девушка сообщила номер машины — 6Т-299.

Мейсон поручил Делле Стрит соединить его с частным сыскным бюро Пола Дрейка, сам же продолжил свои расспросы о сестре Риты.

— Я не знаю, откуда мне звонила Роза. Но как только я получу от нее весточку, я дам вам знать, — пообещала девушка.

Она записала свой адрес и номер телефона, спросила у Мейсона, не надо ли заплатить аванс за ведение дела.

Мейсон отказался, сказав, что составит счет по завершении дела.

В этот момент он заметил у нее в сумочке толстую пачку денег.

— Господи, вы всегда таскаете при себе такие суммы?

— Нет, конечно, но я решила, что принято платить вперед. Поэтому по дороге сюда я заехала в банк и взяла две тысячи фунтов.

Мейсон расхохотался:

— Дорогая леди, такие деньги не требуются даже для ведения самого запутанного дела об убийстве!

Глава 2

Пол Дрейк прислонился к дверному косяку. Его слегка выпуклые глаза были затуманены, туман как бы скрывал затаенные мысли этого внешне заурядного человека. В короткие минуты отдыха рот у него слегка приоткрывался, и он становился похожим больше на пропойцу, чем на опытного детектива.

— Боже мой, Перри, — заговорил он, растягивая слова, — неужели ты принимаешься за новое дело?

Мейсон кивнул.

— Как бы я хотел, чтобы ты наконец отпустил себя в отпуск за мое здоровье, если можно так выразиться.

— Что случилось, Пол? Ты не хочешь со мной работать?

Пол подошел к большому кожаному креслу, сел поперек него, перевесив длинные ноги через один подлокотник и опершись спиной о другой.

— Мы знакомы уже пять лет, — сказал он с упреком, — но я ни разу не видел, чтобы ты торопился.

— Ну что ж, я и сейчас не намерен отступать от своего правила, Пол. Сегодня около полудня на углу Четырнадцатой улицы и Эльзас-авеню крытая грузовая машина компании транспортных торговых перевозок врезалась в легковую «паккард»... Водитель «паккарда» был травмирован. Шофер с грузовика переложил его к себе в кузов и повез в ближайшую больницу. Узнай, в какую именно больницу, характер и количество ран, сильно ли поврежден «паккард» и на какую сумму он застрахован, застрахован ли грузовик, что шофер сообщил об аварии, несет ли транспортная компания ответственность и можно ли все урегулировать частным образом.

— Разумеется, все это должно быть сделано как можно скорее?

— Да, все сведения нужны мне через час.

— Больше тебе ничего не нужно?

— Почему? Вот второе задание. Вальтер Прескотт, проживающий в доме 1396 по Эльзас-авеню, собирается возбудить дело о разводе со своей женой. Мне нужно знать имя его подруги.

— Почему ты думаешь, что у него таковая имеется?

— Он выудил у супруги двадцать тысяч и не вложил их в дело, как обещал.

— Зацепки есть?

— Ничего стоящего. Он работает в страховом агентстве «Прескотт и Рей». Их контора расположена на Лоран-Билдинг. Загляни в цветочные магазины, проверь книги доставки на дом. Пошли кого-нибудь в контору Прескотта с известием, что молодая леди, ехавшая на машине Прескотта, налетела на этого человека, повалила забор и даже не остановилась. Необходимо не прозевать, по какому номеру он будет звонить, проверяя достоверность этой истории. Приставь к нему хороший хвост, чтобы точно узнать, где он проводит свободное время.

— Предположим, он не такой простак и никуда не поедет?

— Напиши анонимное письмо, что, дескать, у его зазнобы есть другой приятель, который ее навещает каж-

дый день часов в двенадцать. Он помчится к ней как миленький.

Дрейк записал имена и адреса в кожаную книжечку.

— Это еще не все. Рядом с домом Прескотта живет некая Стелла Андерсон. Очевидно, она основной источник местных сплетен. Загляни к ней. Посмотри, не поможет ли она подобрать тебе ключик к Прескотту. Она наверняка знает, сидит ли ее сосед по вечерам дома или пропадает «на работе». Ну и о жене Прескотта у нее тоже найдутся какие-нибудь пикантные сведения.

— Одним словом, тебе нужно все!

— Точно. Пошли своих ребят побегать по моим делам. Сам же начни с миссис Надоеды, ну а потом организуй встречу Прескотта с его зазнойбой. Анонимное письмо, телефонный звонок, одним словом, все средства хороши.

— Что это еще за миссис Надоеда?

Мейсон подмигнул:

— Красноречивое прозвище миссис Андерсон.

— Что еще?

— Добывая неофициальную информацию у миссис Андерсон, заодно узнай у нее о нежной парочке, которую она видела сегодня утром в соседнем доме.

— Что именно нужно выяснить об этих голубках?

— Описание свидания, как все происходило. То, что мне рассказали, звучит несколько неправдоподобно.

— Разве люди никогда не обнимаются среди бела дня на глазах у других соседей?

— Дело не в этом. Меня несколько смутили подробности дневного свидания. Ладно, Пол, не теряй времени даром.

— Сколько людей я могу включить в эту работу?

— Столько, сколько нужно, чтобы раздобыть все сведения в самое короткое время.

— Как в отношении расходов?

— Можешь не ограничивать себя, это моя забота.

— Что такое, уж не занялся ли ты благотворительностью?

— Нет, мне понравилась хромая канарейка. Она навела меня на кое-какие мысли. А теперь я только хочу проверить, прав ли я.

— Очередной заскок, — вздохнул Дрейк, — ох уж эти твои «мыслишки». Чувствую, ты меня снова загоняешь до упаду.

— Возможно, старина. И сообщай мне все интересное, как только что-то прояснится. Если меня нет на месте, передавай Делле.

— В отношении канарейки... — Детектив нахмурился. — Что-то я не слышал еще, чтобы в преступлении участвовали канарейки... Куда ты клонишь, Перри?

— Пока мне самому далеко не все ясно. Скажи, Пол, из-за чего канарейка может хромать?

— А черт ее знает.

Мейсон шутливо подтолкнул его к двери:

— Иди, иди, от тебя здесь мало толку.

Пол демонстративно громко вздохнул:

— Я почувствовал огромное облегчение.

— Это еще почему?

— Потому что ты не потребовал, чтобы я приставил наблюдателя к канарейке. Я ужасно боялся, что ты выпустишь ее на свободу, велишь мне сесть на самолет, вооружиться морским биноклем и дать тебе полный отчет о поведении пичуги.

Приоткрыв дверь в коридор, он боком протиснулся через узкую щель и бесшумно исчез.

Мейсон потянулся за шляпой:

— Я еду в зоомагазин, Делла.

— Вижу, вас и вправду здорово заинтересовала канарейка.

Адвокат кивнул:

— Почему захромала канарейка? Чего ради нужно было нести канарейку в адвокатскую контору?

— Потому что ее сестра просила найти для канарейки безопасное место.

— Похоже, что сестрица собирается пересечь подальше отсюда. А если задуматься, Делла, то ведь мы даже не знаем, где сейчас находится эта самая миссис Прескотт.

— Девушка говорила, что сама не знает этого.

— В том-то и дело. Здесь все не так банально, как кажется с первого взгляда. Черт возьми, я решу-таки эту головоломку с помощью канарейки, даже если для этого мне придется воспользоваться прессом!

Глава 3

Зоомагазин встретил Мейсона настоящей какофонией. Адвокат кивнул клерку и прошел к конторе, расположенной в глубине магазина.

Переливающийся всеми красками попугай что-то прокрипел приветливо. Сидящая на цепи обезьянка вцепи-

лась адвокату в рукав. За стеклянной дверью кабинета, находящегося несколькими ступеньками выше магазина, сидел толстый субъект с бледным бесстрастным лицом. Его лысина была старательно прикрыта черной шапочкой, какую носят почтенные профессора.

Увидев Мейсона, он вышел ему навстречу.

— Это ведь сам Конселор! Какая честь видеть вас в моем магазине!

Мейсон подал протянутую руку и сказал:

— У меня нет времени на долгий разговор, Карл. Приехал кое-что выяснить.

— Да-да-да. О девушке, которая приходила с канарейкой? Она мне говорила, что это вы ее сюда послали. Наверное, вас заинтересовала эта птичка?

Мейсон кивнул.

— Прекрасная канарейка. Вернее сказать, кенар. У него замечательный голос. Он стоит больших денег.

— Но он хромает на одну лапку.

— Да. Это пустяки. На правой лапке слишком коротко подстригли коготки. Сегодня птица еще похромает, а завтра уже не будет.

— А левая лапка?

— На левой коготки подстрижены правильно, только один совсем не срезан. Не понимаю почему.

— Коготки подстригали сегодня?

— Да-да. На правой лапке были видны крохотные следы крови, оттого что ножницы прихватили коготок слишком глубоко. Да-да, это было сделано сегодня.

— Молодая леди попросила вас подержать птичку у себя?

— Да.

— Сколько времени?

Толстяк пожал плечами:

— Не знаю, этого она мне не сказала.

— День или два?

Хозяин даже широко раскрыл глаза от удивления:

— Вы шутите, не правда ли? Кто же оставит своих любимцев на один день? Какой бы тогда у меня был пансионат?

— Мне это очень важно знать. Девушка ничего не говорила о сроке?

— Ничего. Я ей назвал плату за месяц, и она уплатила деньги. Понимаете, Конселор, не за неделю, а за месяц.

— О'кей, Карл, но как раз это я и хотел выяснить.

— Благодарю вас за то, что вы ее направили именно ко мне, — сказал герр Хелмелд, — я надеюсь, что когда-нибудь смогу вам отплатить любезностью за любезность.

— Возможно, Карл. Как девушка себя назвала?

Карл зашел в свою контору, порылся в толстой книге и сообщил:

— Ее зовут Милдред Свенс, адрес: Рино, до востребования. Она уехала в Рино, а через некоторое время кого-то пришлет за птичкой. Но не раньше, чем через месяц.

Адвокат улыбнулся.

— Я вижу, что это для вас приятные известия, — сказал герр Хелмелд, поглядывая на Мейсона поверх очков.

— Очень приятные. Понимаете, Карл, я уже начал подумывать, что мои предположения ошибочны. Теперь я чувствую себя куда уверенней. Пожалуйста, позаботьтесь об этой птичке получше, Карл.

— Не беспокойтесь, не хотите ли пойти взглянуть...

— Не сегодня, Карл. Я еще к вам загляну. Сейчас я страшно занят.

Хелмелд понимающе закивал и проводил адвоката до самых дверей, приговаривая:

— Как только вам что-нибудь от меня понадобится, сразу же обращайтесь ко мне. Я с радостью вам помогу. Разговоры о хромой канарейке — это такой пустяк. Я бы хотел оказаться действительно полезным для вас.

Мейсон улыбнулся, пожал руку хозяину зоомагазина, который правильнее было бы назвать зоопансионатом, и пошел в парикмахерскую. Там его подстригли, побрили и сделали массаж.

Обычно теплые компрессы на лице вызывали у него удивительное полусонное состояние, при котором его воображение начинало работать еще энергичнее. В такие минуты он начинал видеть многое с необыкновенной ясностью. Однако на этот раз компрессы не помогли.

Хромая канарейка. Один коготок на левой лапке вообще не срезан, остальные подрезаны совершенно правильно. Правая же лапка была подстрижена слишком коротко. Из-за этого канарейка стала хромать.

Рита Свейн, отвезшая канарейку в магазин к Карлу Хелмелду, сказала хозяину, что направил ее Перри Мейсон, но сообщила вымышленные имя и адрес.

Зачем?

Выходя из парикмахерской, Мейсон поправил галстук, с одобрением посмотрел на свое помолодевшее лицо и ленивым шагом направился к себе в контору.

В конце коридора он сразу увидел фигурку Деллы Стрит, которая стояла на пороге его личного кабинета и махала ему рукой, показывая, что нужно идти быстрее.

Она даже побежала ему навстречу.

— Скорее, шеф. Пол Дрейк у телефона, он говорит, что ему нужно срочно поговорить с вами.

Длинные ноги Мейсона зашагали с такой скоростью, что Делле снова пришлось бежать.

— Я узнала ваши шаги в коридоре и выскочила вам навстречу.

— Это его первый звонок?

— Да.

— Наверное, что-то важное, Делла. Не уходи домой, пока мы все не выясним.

Он схватил телефонную трубку и сразу же сказал:

— Пол, в чем дело?

По несколько изменившемуся голосу детектива Мейсону стало ясно, что Пол держит трубку возле самого рта.

— Мне кажется, будет лучше, если ты сам сразу приедешь сюда, Пол.

— Куда «сюда»?

— Я нахожусь как раз напротив дома миссис Андерсон, на Эльзас-авеню. Звоню из аптеки, встречу тебя возле моей машины.

— Что случилось?

Дрейк заговорил тише:

— Слушай. Двое мужчин подъехали на полицейской патрульной машине к дому Прескоттов, отворили отмычкой боковую дверь и вошли внутрь. Минут через пятнадцать появился сержант Голкомб из отдела убийств. С ним еще двое полицейских. Как всегда, вой их сирены был слышен за три квартала. Удивительно шумный человек! Ну, а через несколько минут после них прибыл и коронер.

Мейсон присвистнул:

— Вот тебе и дело о разводе! Пол, ты успел раздобыть что-нибудь для меня?

— Немного. Выяснил, что сигнал поступил от миссис Вейман, которая живет на Четырнадцатой улице к западу от дома Прескотта.

— А кто убит? Женщина, мужчина?

— Не знаю.

— Я выезжаю. Жди меня напротив дома миссис Андерсон. И позволь дать один совет — не смейся больше над моим пристрастием к хромой канарейке. Нам еще эта птичка сослужит хорошую службу!

Глава 4

Машина Дрейка стояла возле закоптелого и грязного домика, расположенного немного севернее большого двухэтажного особняка, перед которым сгрудилось с полдюжину машин.

Мейсон аккуратно поставил свою легковую впритык к машине Дрейка. Детектив ждал рядом.

— Пол, они знают, что ты здесь?

— Пока нет. Еще не заметили.

— Начали расспрашивать соседей?

— Нет. Пока рыскают в доме и в саду.

— Газетчики есть?

— Да. Две машины принадлежат прессе. Про миссис Вейман сказал один из репортеров.

— О'кей, у нас времени в обрез. Пошли. Ты идешь к миссис Вейман. Изобрази из себя кого хочешь: продавца стиральных машин, страхового агента или же агента, расследующего дорожную аварию. Я займусь миссис Надоедой. Встретимся на этом же месте. Действуй поэнергичнее.

Дрейк кивнул и скрылся за углом, а Мейсон двинулся по узкой зацементированной дорожке к дому миссис Андерсон, поднялся по скрипучим ступенькам крыльца и нажал кнопку звонка.

Дверь отворилась лишь на третий звонок. Высокая костлявая дама с удивительно длинным носом, прекрасно гармонирующим с бегающими глазами, спросила скрипучим голосом:

— Чего вы хотите?

— Я расследую автомобильную катастрофу, которая недавно произошла прямо перед вашим домом.

— Входите, входите, вы детектив?

Мейсон отрицательно покачал головой.

На минуту на лице миссис Надоеды появилось разочарование, но все же она провела Мейсона в старомодную приемную. Старинные стулья с мягкими подлокотниками и специальными подушечками под голову были расставлены на одинаковом расстоянии один от другого.

Понятие «уют» было несовместимо с этим помещением.

— Садитесь, — пригласила она. — Святые угодники, я так волнуюсь! Я до сих пор вся дрожу из-за столкновения этих машин. А потом, что они нашли в доме Прескотта? Я никак не могу успокоиться. Уже два раза пила валерьянку, и все не помогает.

Мейсон уселся в кресло у окна и вытянул шею, стараясь рассмотреть, что творится в соседнем доме.

— А что же они нашли в доме Прескотта? — спросил он у миссис Надоеды.

— Точно не знаю, но мне кажется, что там произошло убийство. Меня страшно беспокоит, правильно ли я поступаю, не рассказав офицерам полиции про то, что видела. Я думаю, что они придут ко мне и расспросят. Как вы считаете?

Мейсон спросил с улыбкой:

— Что же вы видели, миссис Андерсон?

— Многое, — ответила почтенная вдова, многозначительно наклонив голову. — Я видела очень многое. Я сама себе сказала: «Послушай, Стелла, в соседнем доме что-то творится, не лучше ли сообщить в полицию?»

— Но ведь вы ее не вызвали?

— По этому поводу — нет. Я звонила им по поводу автомобильной катастрофы.

— Но не рассказали им о том, что видели в соседнем доме?

Она покачала головой, поджав губы, и сказала с видом оскорбленной королевы:

— Они меня не спрашивали. Даже не вошли в дом. У меня даже не было возможности все им рассказать. Пусть сами на себя пеняют!

— Как? Они не сочли нужным побеседовать с вами, хотя вы сообщили им об аварии?

— В том-то и дело. Приехали, осмотрели поврежденную легковую, записали всякие там номера, поговорили с молодым человеком, который вышел из дома Вальтера Прескотта, а потом сели в машину и укатили. Поверите ли? Даже не зашли ко мне во двор!

— А между тем вы видели нечто важное, о чем им следовало бы знать! — покачал головой Мейсон, выражая этим крайнюю степень негодования.

— Можете не сомневаться: я видела!

Мейсон внимательно посмотрел на нее, кивнул и самым безразличным тоном заявил:

— В полиции сидят не простаки. Если бы это было действительно важно, они бы вас обо всем расспросили.

Миссис Надоеда буквально подпрыгнула в кресло.

— Что такое вы говорите? — чуть не закричала она. Ее отвислые щеки дрожали от возмущения.

— Видимо, этот молодой человек сообщил им все необходимые сведения об автомобильной катастрофе.

Вдовица нахохлилась:

— При чем тут автомобильная катастрофа? Не надо делать поспешных выводов, молодой человек!

— Так что же вы еще могли видеть?

— Вас это не касается, вы же расследуете только автомобильную катастрофу. Что конкретно вас интересует?

— Все, что вы о ней знаете.

— В тот момент я была дома.

— Видели ли вы, как произошло столкновение?

— Я слышала, как завизжали шины, и побежала к окну. Машины уже врезались одна в другую и перевернулись. Они ударились об обочину. Шофер грузовика выскочил из кабины и попытался открыть дверцу легковой машины, но не сумел. Тогда он обежал легковую с другой стороны, а тут из дома Прескотта выскочил молодой человек и помог ему.

— Какой молодой человек?

— Тот самый, которого я видела там еще до происшествия.

— Вот как? Вы видели его там раньше?

— Конечно, видела.

— Вы об этом ничего не сказали.

— Вы сами не дали мне возможности договорить.

— Мне показалось, что на вопрос, что вы видели в доме, вы мне ответили, что это не мое дело... Вы не будете возражать, если я закурую?

— Я вовсе не говорила, что это не ваше дело... Что же касается курения, то я бы предпочла, чтобы вы не курили. Табачный дым особенно крепко въедается в тюлевые занавески, его потом очень трудно проветрить.

Мейсон кивнул:

— Хорошо... Где вы были в тот момент, когда услышали визг тормозов?

— В столовой.

— Будьте любезны, покажите, где вы в тот момент стояли?

Миссис Андерсон охотно поднялась с кресла и молча пошла в столовую.

— Встаньте точно так же, как в тот момент, когда слышался визг тормозов, — попросил Мейсон.

Она повернулась к окну и слегка высунулась из него. Мейсон подошел к ней и остановился рядом.

— Ведь это дом Прескотта? — спросил он.

— Да.

— Он находится очень близко от вашего.

— Да.

— Скажите, что это за комната как раз напротив?

— Солярий.

— Вы стояли именно здесь, когда слышался звук торможения?

— Да.

— Что вы сделали?

— Побежала в гостиную и раздвинула занавески, чтобы узнать, что случилось.

— Как раз вовремя, чтобы успеть увидеть, как фургон прижимает легковую к обочине?

— Да.

— Вы знаете, кто виноват в аварии?

— Нет. Я видела не все. А даже если бы и видела, то не могла бы многого объяснить. Я ведь ничего не понимаю в машинах. Давайте вернемся в другую комнату. Меня кое-что интересует и...

— Что вы сделали сразу после аварии?

— Позвонила в полицию. Сказала, что произошла авария, один человек ранен. Через несколько минут из-за угла показалась полицейская машина. Молодой человек, который помог шоферу положить раненого в кузов грузовика, как раз выходил из дома Прескотта. Полицейские принялись его расспрашивать и даже заставили показать свои водительские права.

Она замолчала. Как раз в этот момент по Эльзас-авеню проехала машина. Миссис Андерсон проводила ее глазами, пока она не завернула на Четырнадцатую улицу, притормозив перед поворотом.

— Уже семь машин, — сообщила она, — проехало за полчаса. Как вы думаете, кто бы это мог быть?

— Понятия не имею.

— На одной из машин была надпись «Отдел расследования убийств». Ее сирену было слышно за целую милю.

— Может быть, умер человек, пострадавший при автомобильной катастрофе?

— Ну что вы! Пострадавшего отвезли в больницу. Дорожные катастрофы не имеют отношения к отделу по убийствам. Ими занимается транспортная полиция. Нет, там кого-то убили!

— Вы уверены, что тот молодой человек выбежал именно из дома Прескотта?

— Конечно, уверена.

— Нельзя ли предположить, что он сидел в машине, которая стояла где-то за углом? Ведь прескоттовский дом стоит как раз на углу Четырнадцатой улицы.

— Да нет, ничего подобного. Это абсурд. Не сомневайтесь, я точно знаю, когда молодой человек вышел из дома. Боле того, я видела его в доме еще до аварии.

Мейсон недоверчиво приподнял брови:

— Что бы ни произошло в доме Прескотта, это не может иметь никакого отношения к аварии. Боюсь, вы преувеличиваете значение самых обычных пустяков...

— Черта с два, — возмутилась миссис Надоеда, — я никогда ничего не преувеличиваю. Послушайте, молодой человек, кстати, как вас зовут?

— Мейсон.

— Хорошо, мистер Мейсон, послушайте теперь меня. Я прекрасно разбираюсь, что важно, а что нет. Я расскажу вам, что я видела вон там, а потом судите сами, обычный ли это пустяк или нет и стоило ли тем полицейским подняться ко мне и поговорить со мной.

Так вот, я стояла перед окном в столовой и смотрела в сад. Просто так, ни на что конкретно. Если в солирии напротив не опущены жалюзи, то видно все, что там творится. А миссис Прескотт терпеть не может закрывать жалюзи. Святые угодники, чего только я не насмотрелась! Так вот, этот молодой человек был в солирии с сестрой миссис Прескотт. Она была одна в доме с этим молодым человеком.

— Возможно, он заглянул мимоходом просто из вежливости.

Миссис Надоеда только фыркнула:

— Мимоходом! Не смешите! Он там находился ровно сорок две минуты до аварии, и если бы вы видели то, что я видела, когда Рита Свейн упустила канарейку, вы бы заговорили по-другому.

— Как она упустила канарейку? — спросил Мейсон, всеми силами стараясь лишить свой голос заинтересованности.

— Рита стояла перед самым окном. Жалюзи были подняты, и она должна была бы знать, что я могу ее видеть, если случайно выгляну из окна столовой. Не подумайте, что я целыми днями торчу здесь и заглядываю в чужие окна. Нет, у меня нет никакой охоты совать свой нос в чужие дела. Однако же я не слепая, и если молодая леди обнимается и целуется с парнем перед окнами, она не должна потом жаловаться на то, что я это видала. Великий боже, какое бесстыдство! Я не собираюсь закрывать свои ставни только потому, что мои соседи забывают о скромности. Современные молодые женщины вообще не понимают, что это слово значит. Когда я была девушкой...

— Значит, молодой человек обнимал ее, не так ли? — Мейсон поспешил снова направить разговор в нужное русло. — Это было, по-вашему, объяснение в любви?

Миссис Надоеда резко выпрямилась.

— В наше время подобное не называли «объяснение в любви». Тоже мне любовь! Впервые вижу, чтобы люди так непристойно себя вели прямо среди белого дня.

— Но не ошибаетесь ли вы в отношении канарейки? — спросил Перри Мейсон.

— Я не могла ошибиться. Рита держала птичку в руке. Она как раз начала подрезать ей коготки, когда молодой человек облапил ее и начал целовать. А то, как она бесстыдно к нему прижалась, заставило меня покраснеть. Я никогда не видела подобного. Такие страстные объятия... Чему только учат в школах? Она просто...

— А что случилось с канарейкой?

— Канарейка летала по всей комнате, с перепугу билась о стекла.

— Вы говорили, что молодой человек еще оставался в доме и потом?

— Ну да. Рита упустила птичку по его вине, Рита разнервничалась, стала ловить канарейку и никак не могла поймать ее. А молодой человек прошел в соседнюю комнату. Но тут как раз произошла автомобильная авария, и я перешла к другому окну.

— Ага, понимаю, к переднему.

— Да.

— Что было потом?

— Понимаете, когда молодой человек вернулся в дом, я опять прошла к окну в столовой. Меня мучила мысль, что он и миссис Прескотт...

— Разве миссис Прескотт тоже там была?

— Нет-нет. Я оговорилась. На какую-то секунду мне показалось, что это была миссис Прескотт. Понимаете, на Рите Свейн было надето платье миссис Прескотт. Это платье было куплено в прошлом году на «пестрой распродаже». Я знаю его так же хорошо, как собственные туалеты, потому что я часто видела его на соседке. Они с Ритой похожи друг на друга, как две горошинки из одного стручка. Так что сначала, увидев знакомое платье и не разглядев лица, я подумала, что это была миссис Прескотт. Подумала: хорошенькое дельце, молодой человек так себя ведет с замужней женщиной. Что ж, я рада, что ошиблась.

— Может быть, это все-таки была миссис Прескотт?

— Нет, потом мне удалось рассмотреть ее лицо.

— И вы уверены, что это была действительно Рита Свейн?

— Уверена, — с глубоким разочарованием сказала достойная миссис Андерсон. — Так же уверена, как в том, что сейчас сижу в этом кресле.

— Вы начали рассказывать о том, что произошло после столкновения машин.

— Молодой человек возвратился в дом Прескотта. Его, по-видимому, что-то напугало. Тут он дал Рите Свейн пистолет.

— Пистолет?

— Да... Ох, я не хотела об этом говорить... Вы...

— Какой пистолет?

— Может, и не пистолет, а револьвер. Синевато-черный. Он вынул его из заднего кармана и протянул Рите, а она выдвинула ящик в огромном бюро, которое стоит в углу комнаты, и засунула револьвер в самую глубину, потом задвинула ящик и заперла его.

— Что было дальше?

— Я позвонила в полицию и сообщила об аварии и раненом человеке, решив, что про револьвер я расскажу, когда они придут ко мне. Но они даже не соизволили.

— Скажите, когда вы звонили в полицию, раненый человек по-прежнему сидел в машине?

— Нет, его уже увезли в больницу.

— Скажите, через сколько времени после вашего звонка появилась полиция?

— Минут через пять, не больше. Возможно, конечно, прошло минут семь-восемь, но мне показалось, что очень быстро.

— Что они прежде всего сделали?

— Осмотрели легковую машину, списали номера, а тут из дома вышел молодой человек. Они проверили его документы, после чего отпустили. Сели в машину и уехали, не потрудившись хотя бы на пару минут зайти ко мне. Это у меня просто не укладывается в голове. Я вызвала полицию, а полиция даже не поинтересовалась, что мне известно об этом деле.

— Но ведь вы не видели самого столкновения?

— Во-первых, они этого не знали. Во-вторых, я видела все же достаточно много.

— Да, вы совершенно правы, — задумчиво проговорил Мейсон. — Кому еще вы про это рассказывали?

— Никому, кроме миссис Вейман.

— Миссис Вейман?

— Это моя ближайшая соседка по Четырнадцатой улице. Они переехали сюда полгода назад. Наши задние двери почти касаются одна другой. Я ей рассказала про аварию сразу же. Она милейшая женщина. Как жаль, что у нее такой неудачный муж.

— Что плохого в ее муже?

— Пьяница! В трезвом состоянии он о'кей, но стоит ему выпить, как он начинает нарываться на неприятности. Либо он с кем-то подерется, либо его самого избьют до полусмерти. Надо было видеть, в каком виде он явился домой как раз в тот момент, когда я рассказывала его жене про аварию. От него разлило виски, он шатался из стороны в сторону. Наверняка успел с кем-то подраться. Даст бог, это наконец послужит ему уроком. Кажется, ему сильно досталось.

— Он сам так сказал? — спросил Мейсон с улыбкой.

— Ему не нужно было ни о чем говорить. Стоило взглянуть на его разбитый в кровь нос, порез на щеке и синяк под глазом. Ему пришлось пойти к врачу и сделать перевязку. Хорошенькое дело так напиваться и оставлять дома беззащитную крохотную женщину, которая плачет целыми днями напролет, не зная, что ей делать! А ему и море по колено, дня три продержится и снова валяется по канавам.

Мейсон сочувственно покачал головой.

— Возвращаясь к событиям в доме Прескотта... — Мейсон случайно выглянул в окно и увидел широкоплечего мужчину с короткой шеей, который явно направлялся в сторону домика миссис Андерсон. — Прошу вас сказать, вы хорошо разглядели Риту Свейн? Вы действительно не могли обознаться?

— Разумеется. Ей все-таки удалось поймать канарейку, и она остановилась у самого окна лицом в мою сторону. Мне показалось, что она зачем-то ищет самое освещенное место в комнате. Можно было подумать, что она делает важную операцию. Столько шума из-за коготков у канарейки!

— Хотелось бы проверить, миссис Андерсон, насколько вы внимательный наблюдатель...

— Мне думается, молодой человек, мое зрение меня еще не подводило!

— Не могли бы вы сказать, например, какую именно лапку подстригала Рита Свейн, когда она подошла к свету?

Миссис Андерсон зажмурилась, вспоминая, потом с уверенностью сказала:

— Правую.

— Вы уверены?

— Да. Я ее сейчас представила себе, как она стоит у окна, держит в левой руке канарейку, лапками вверх... Да, она подрезала коготки на правой лапке.

— Уже после того, как ушел молодой человек?

— Да. Я успела сходить к миссис Вейман... Подождите, угада еще кто-то идет. Интересно, чего он хочет? Святые угодники, ну и выдался же сегодня денек!

Мейсон встал около окна, а миссис Андерсон быстрыми нервными шагами пошла к входной двери. Едва сержант Голкомб прикоснулся к кнопке звонка, как она уже отворила дверь, спрашивая:

— Чего желаете?

— Вы Стелла Андерсон?

— Да.

— Я сержант Голкомб из отдела убийств. Мне сообщили, что вы видели, как молодой человек в доме напротив отдал женщине револьвер, который она спрятала.

— Да, — ответила несколько растерявшаяся миссис Андерсон, — только я не понимаю, каким образом вы могли об этом узнать? Я никому об этом не рассказывала, кроме миссис Вейман и человека, который сейчас зашел ко мне.

— Какой человек? — быстро спросил сержант.

— Некий мистер Мейсон.

Мейсон слышал, как Голкомб сердито топнул ногой. Остановившись на пороге столовой, сержант раздраженно спросил:

— Значит, вы уже здесь?

Мейсон спокойно кивнул и сказал как бы между прочим:

• — Как поживаете, сержант? Вам бы лучше выбросить сигарету. Хозяйка не выносит табачного дыма. Говорит, что он вьедается в занавески.

Сержант Голкомб повертел зажатой между двумя пальцами сигаретой и сердито фыркнул:

• — Обращать еще внимание на женские капризы! Каким образом вы пронюхали про это убийство?

— Какое убийство? — очень натурально удивился Мейсон.

— Ну, разумеется, вам ничего о нем не известно, — насмешливо констатировал Голкомб.

— Ничегошеньки!

— И вы, по всей вероятности, зашли сюда пригласить миссис Андерсон в кино?

Мейсон с возмущением ответил:

— Да будет вам известно, сержант, что я расследую здесь автомобильную аварию.

Голкомб повернулся к Стелле Андерсон, которая не отводила возмущенного взгляда от дымящейся сигареты сержанта. Поэтому она не пожелала понять немой вопрос полицейского.

— Это правда? — отрывисто спросил сержант, не вынимая сигарету изо рта.

— Да, — громко фыркнула вдова.

— О'кей. — Голкомб повернулся к адвокату: — Вы, наверное, уже все узнали про свою аварию, больше вам здесь делать нечего. У меня неотложное дело к миссис Андерсон.

Мейсон улыбнулся Стелле Андерсон и сказал:

— Огромное вам спасибо, миссис Андерсон. Одно удовольствие повстречаться с женщиной, которая так хорошо видит и так прекрасно запоминает все мелочи. Большинство свидетелей становятся послушной игрушкой в руках офицера, который стремится только к тому, чтобы свидетели присягнули, что заметили то, что подтверждает уже выдвинутую версию.

Голкомб с угрожающим видом кашлянул. Перри Мейсон еще раз одобрительно улыбнулся Стелле Андерсон, выскользнул из дома и быстрыми шагами двинулся к машине Пола Дрейка.

Детектив уже сидел за рулем.

— Узнал что-нибудь у Вейманов? — спросил адвокат, усаживаясь рядом.

— Меня вышибли оттуда за здорово живешь, — ухмыльнулся Дрейк.

— Полиция?

— Нет, раздраженный супруг. У него рассечена бровь и огромный синяк под глазом. Какой-то чудак его здорово отделал. У него и физиономии-то не видно из-за бинтов, но по глазам видно, что он сам не прочь кому-нибудь заехать в ухо. Не думаю, чтобы он много знал о случившемся. Безмозглая миссис Андерсон прибежала к ним с целым коробом новостей: она, дескать, видела, как какой-то парень передал револьвер миссис Свейн. Миссис Вейман решила, что нужно срочно вызвать фараонов.

Мейсон смотрел перед собой с задумчивым выражением лица. Он угрюмо проговорил:

— Мне очень не нравится эта история, Пол. Чего ради вызывать полицию, если единственное основание для этого — рассказ болтливой соседки о какой-то парочке, прятавшей револьвер? И стали бы полицейские приезжать и учинять обыск в доме, если бы у них были только эти сведения? Обычно человек звонит до посинения в полицейское управление и вызывает патрульную машину даже по более серьезному поводу, но ничего, кроме окрика дежурного офицера, не может добиться.

Дрейк показал в сторону дома Прескотта:

— Вот тебе и ответ. Миссис Вейман добилась не только сержантского окрика.

— Расскажи-ка мне поподробнее об этой особе.

— Ей под сорок, довольно стройная, вполне симпатичная. Говорит тихо, задумчиво. Лицо несчастное и волевое одновременно. Взглянув на нее, вы скажете, что эта женщина пережила, наверное, недавно какую-то трагедию, после которой стала терпеливой и покорной.

— Как вы считаете, что это была за трагедия?

Дрейк хохотнул.

— Посмотри на ее муженька, и тебе сразу же станет ясна трагедия, переживаемая этой женщиной.

— Что он собой представляет? Громадный детина?

— Нет. Среднего роста. Примерно ее возраста, но изможденный, как всякий настоящий пьяница. Возможно, в трезвом виде он вполне ничего, но сейчас он просто ничего не соображает. Тебе, конечно, знаком этот тип, Перри. Четыре стаканчика — и они замечательные ребята. Пропустили пятый — начинают целоваться, приставать, лезть в драку. Чем дальше, тем хуже. Как мне кажется, сегодня он выпил стаканчиков пятнадцать.

— Что он тебе сказал?

— Он сначала выслушал, что я говорю, кое-как сполз с лестницы и устроил сцену. Я мог бы стукнуть его разок и уйти, все равно ведь миссис Вейман так переживала из-за его скотского состояния, что я у нее все равно ничего бы не смог узнать.

— Полиция у них уже побывала?

— Не думаю.

— Что ты ей сказал?

— Сказал, что занимаюсь расследованием автомобильной аварии, а потом поинтересовался, что случилось по соседству.

— Она подтвердила, что вызвала полицию?

— Да.

— Но не объяснила, почему она это сделала? ✓

— Сказала, что миссис Андерсон рассказала ей, что видела мисс Свейн и какого-то парня, который весьма бурно объяснялся ей в любви, держа в руке револьвер. Ей показалось, что у обоих был вид настоящих преступников. После долгих колебаний миссис Вейман все-таки решила позвонить в полицию.

— И это все, что удалось узнать?

— К сожалению, пьяный супруг ворвался как раз посреди моего интервью. Я решил, что лучше ретироваться.

— Ладно, Пол, поехали к телефону. Надо позвонить в контору и узнать у Деллы, нет ли новостей. Пока тут орудуют Голкомб и компания, мы все равно ничего не сможем сделать.

— Поедем на двух машинах?

— Да, надо скорее отсюда уезжать. Я буду ждать тебя у аптеки на бульваре.

Дрейк подъехал первым к месту свидания и сразу же пошел к телефонной будке.

Когда приехал Мейсон, Пол что-то быстро записывал в книжечку и попросил «подождать у аппарата».

— Я выяснил подробности аварии, — сказал он адвокату.

— Выкладывай, да побыстрее.

— Компания торговых перевозок Трейдера, которой принадлежит фургон, является концерном, возглавляемым одним человеком. Гарри Трейдер — крупная фигура. Он сам вел фургон, доставляя какие-то товары в гараж Вальтера Прескотта. Прескотт дал ему ключ. Трейдер говорит, что он ехал по Эльзас-авеню и как раз собирался завернуть на Четырнадцатую улицу, когда этот парень, ехав-

ший на открытой двухместной машине, решил обогнать его справа, не предупредив даже сигналом.

Треjder сказал, что ему пришлось завернуть, но его фургон слишком громоздкий, он не может резко менять направление движения.

В момент поворота легковая оказалась между фургоном и обочиной. Произошла авария. Парень потерял сознание. Треjder отвез его в больницу «Доброго Самаритянина». Он подождал, пока врач не сказал ему, что жизнь водителя вне опасности, что он только сильно стукнулся головой о стенку кабины, поэтому и потерял сознание.

Треjder говорит, что во всем виноват этот парень, но, так как машина у него застрахована, он не слишком переживает. Он признался, однако, что сначала сильно струхнул, решив, что «паккард» сильно пострадал. Но какой идиот может решиться на обгон тяжелого фургона, да еще на повороте, да еще не подав предупреждающего сигнала.

Треjder говорит, что, когда водитель «паккарда» пришел в себя, он сразу же признал, что виноват он один, потому что загляделся на что-то в окне одного из домов. Опомнился он лишь тогда, когда слева на него налетел огромный фургон.

— Загляделся на что-то в окне? — переспросил Мейсон.

— Так сказал Треjder.

— Не уточнил, в каком именно окне?

— Нет.

— Скорее всего, в доме Прескотта либо в доме Стеллы Андерсон. Поехали в больницу. Мы должны найти врача, который возился с водителем «паккарда». Я хочу точно узнать, что сказал водитель, признавая свою вину.

— О'кей, Перри, — кивнул Дрейк и сказал в трубку телефона: — Это все, Мейбл. Оставайся на месте и собирай поступающие материалы. Полиция работает в доме Прескотта. Пока все шито-крыто. Как только выяснится что-то определенное, позвони в больницу «Доброго Самаритянина». Мы с Мейсоном сейчас туда едем. Позвоню еще раз, когда освобожусь. О'кей, Мейбл, до свидания.

Дрейк повесил трубку, повернулся к Мейсону и заговорил:

— Перри, мне пришла в голову одна мысль: а не хотела ли эта мисс Свейн убрать с дороги собственную сестру?

— Чепуха! Уж если тебе так хочется пришить кому-нибудь убийство, то, скорее всего, надо вспомнить о парне,

который в пустом доме любезничал с девчонкой. А моих клиентов не трогай.

— Так мисс Свейн — твоя клиентка?

— Если хорошенько подумать, Пол, то нет. Она наняла меня, это верно, но для того, чтобы представлять интересы замужней сестры.

— Иначе говоря, миссис Прескотт?

— Да.

— В таком случае ставлю пять против одного, что клиентка мертва.

— Знаешь, Пол, пожалуй, я оставлю здесь мою машину и поеду вместе с тобой. Тогда у нас будет возможность поговорить. Почему ты думаешь, что миссис Прескотт убили?

— Проще пареной репы. Как считает миссис Андерсон, убийство произошло где-то около полудня, перед самой аварией. В это время Прескотт, бизнесмен, находится в своей конторе, а его супруга, как хозяйка дома, должна быть у себя.

— А может быть, Прескотт — любитель поспать подольше.

— Нет. Он ведь обратился к Гарри Трейдеру с просьбой доставить груз в его гараж и даже отдал ему ключ. Это доказывает, что он не собирался быть дома в то время, когда Трейдер привезет заказ. Трейдер появился бы в самом начале первого, как раз в тот момент, когда мисс Свейн со своим приятелем прятали револьвер.

— Что ж, логично, Пол.

— Дар, ниспосланный свыше, — усмехнулся детектив.

— Тогда пораскинь умом вот в каком плане: Рита Свейн со своим Джимми находится в задней половине дома, в солярии, в тот момент, когда происходит авария. Но водитель что-то видел в окне. Кто же еще находился в тот момент в доме? Кого мог видеть водитель? И заметь, мистер Всезнайка, что это должно было быть что-то интересное, чтобы он забыл о дорожных правилах и врезался в огромный фургон.

Дрейк сокрушенно буркнул:

— Нет уж, Перри, это тебе решать. О'кей, у твоих клиентов имеется алиби, если водитель действительно видел то, что ты предполагаешь, в переднем окне дома Прескотта. Только ведь это могло быть вовсе и не само преступление... Допустим, женщина, позабыв задернуть занавески, застирывала кровавые пятна...

Мейсон рассмеялся:

— Пол, у тебя криминально направленное мышление. Дай тебе только волю, и мои клиенты попадут за решетку прежде, чем я успею рот раскрыть. Ладно, хватит фантазировать. Давай-ка послушаем, что нам скажет медик.

— Что ты за человек, Перри, мне самому так понравилась мысль о кровавых пятнах, а ты сразу мне рот затыкаешь!

Глава 5

Когда Мейсон и Дрейк добрались до больницы «Доброго Самаритянина», доктор Джеймс Боллас все еще находился на дежурстве. Он выслушал вопросы адвоката с вежливым вниманием.

— Да, да, — сказал он, пожимая руки посетителям, — я отлично помню пациента. Его доставили сегодня в двенадцать десять. Прежде всего, его травмы были поверхностными, но им сопутствовало довольно редкое явление, иногда встречающееся в подобных случаях: травматическая амнезия.

— А если перевести на разговорный английский: что такое «травматическая амнезия»? — спросил Пол Дрейк.

Доктор со снисходительной улыбкой посмотрел на детектива.

— Пардон, я не собирался употреблять медицинских терминов. Амнезия — это потеря памяти. Жертвы амнезии не помнят своего прошлого, не могут сказать, как их зовут и кто они такие. Ну, а слово «травматический» говорит о причине самой амнезии.

— Если я вас правильно понял, доктор, то, когда водителя привезли к вам и к нему вернулось сознание, с памятью у него было не все в порядке? — спросил Мейсон.

— Совершенно верно. У него не было ни переломов костей, ни вывихов. Иными словами, он отделался сравнительно легко: несколько кровоподтеков, два поверхностных пореза на лице, возможность получить страховку за травму и, что менее приятно, эффект шока. Перевязка и обработка порезов заняли несколько минут.

По словам человека, доставившего его сюда, столкновение машин было очень сильным. Пострадавшего положили в грузовик в бессознательном состоянии. Он пришел в себя, когда его несли на носилках в перевязочную, но у него в тот момент была полная потеря памяти. Он не смог назвать своего имени, адреса, рода занятий, откуда

он родом, женат или холост. Короче, он не ответил ни на один вопрос в отношении себя. Мы осмотрели его карманы и установили по документам, что он Карл Паккард из Олтивилла, Калифорния. Я всячески старался отвлечь его внимание от этих документов, что могло бы освежить его память, до тех пор, пока не пройдет редкий эффект травматического шока и я не удостоверюсь, что серьезных повреждений не имеется. Потом я дал ему немного бренди, немного с ним поговорил и между прочим поинтересовался, как идут дела в Олтивилле.

Наступила драматическая тишина, а доктор со снисходительной улыбкой смотрел на своих внимательных слушателей, ожидая, когда они полностью оценят всю мудрость его тактики.

— Если бы я придавал этому вопросу слишком большое значение, — продолжал доктор, — больной бессознательно насторожился бы и стал бы напрягать свою память, что непременно усилило бы временную амнезию. Так всегда случается при неправильном лечении...

— Понятно, понятно, доктор. Скажите, у него восстановилась память?

— Да.

В этом простеньком «да» было ясно выражено неодобрение тому, что адвокат столь невежливо прервал его научные объяснения.

— Он сам вспомнил свое имя? Пришлось ли вам подсказывать его или же он сам его назвал?

— Он сам все вспомнил. Если вы соизволите выслушать полный отчет, вы получите гораздо более ясную картину.

— Говорите, доктор, — кивнул Мейсон, вытаскивая из кармана портсигар.

Дрейк осмотрелся, опустился на стул и прислонился головой к стене, закрыв глаза.

Доктор Боллас начал лекторским тоном:

— Когда я его спросил, как обстоят дела в Олтивилле, я постарался, чтобы мой вопрос прозвучал как абсолютно случайный. Его ответ был в равной степени случайный. Тогда я поинтересовался, знаком ли он с председателем Первого международного банка в Олтивилле. Он ответил, что да, знает его прекрасно. Мы поболтали еще на посторонние темы, а потом я спросил, где он живет в Олтивилле. Он сообщил мне адрес, совпадающий с тем, что был написан в его водительском удостоверении. Тогда я спросил и его имя. Он ответил. Постепенно я подвел его к авто-

мобильной аварии, ну и тут он вспомнил все самым наилучшим образом.

— Что он сказал про аварию?

— Сказал, что винить надо его одного. Водитель фургона, мистер Трейдер, производит впечатление делового человека. Трейдер заявил, что был застрахован. Если его и обвинят, страховая компания заплатит, но что он совершенно не виноват. Паккард вел себя довольно глупо. Пациент сказал, будто он что-то заметил в одном из окон домов по правой стороне, высунул голову, чтобы лучше рассмотреть, и совершенно позабыл про дорогу. Опомнился он только тогда, когда почувствовал слева какую-то огромную массу, прижимавшую его к обочине дороги. Столкновение произошло в ту же минуту. Больше он ничего не помнит.

— Он не сказал, что именно видел в окне?

— Нет, но он выглядел, как бы это сказать, слегка смущенным. Некрасивое слово «обалдевший», но оно как раз прекрасно характеризует его состояние.

— Не женщину ли? — спросил Дрейк, открывая глаза.

— Он не говорил.

— Паккард не упоминал о том, что он собирается делать с машиной?

— Собирался посмотреть, нельзя ли ее отремонтировать.

— Паккард застрахован?

— Кажется, нет.

— Когда ему стало легче?

— Минут через двадцать.

— Когда он уходил, все уже было нормально, не так ли?

— Вполне, если не считать ссадин и синяков.

— Вы записали адрес Паккарда?

— Да. Минуточку. — Доктор порылся в карточках, вытянул одну и продиктовал: — 1836, Робинсон-авеню, Олтвилл, Калифорния.

— Очевидно, это его постоянный адрес, — сказал Мейсон. — А вы не поинтересовались, где он сейчас остановился?

— Нет. Как я понял, он был здесь проездом.

— У вас сложилось такое впечатление на основании его прямых слов или же...

— В нашей профессии мы не привыкли руководствовать только субъективными ощущениями, а всегда опираемся на конкретные факты. Когда мистер Паккард избавился от

амнезии, я спросил его, когда он сюда приехал. Он ответил, что только сегодня утром и рассчитывал к вечеру добраться до Сан-Диего.

— Вы не спросили его, где он остановился прошлой ночью?

— Нет. Подобные вопросы не могли мне помочь поставить диагноз или назначить курс лечения. Не забывайте, джентльмены, что меня интересует чисто медицинская сторона вопроса. Подчеркиваю еще раз, что случаи травматической амнезии требуют весьма деликатного подхода. Если бы Паккард понял, что стал жертвой амнезии, он бы испугался. И это могло вызвать кумулятивный шок, который наслонился бы на ранее полученный травматический. Представляете, джентльмены, за долю секунды до катастрофы жертва всегда понимает, что столкновение машин неизбежно. И эта психологическая травма часто бывает более страшной, чем физические повреждения.

— Понимаю, — сказал Мейсон, — понимаю. Но больше вы ничего важного не можете сообщить нам, доктор?

— Абсолютно ничего. Повторяю еще раз: травмы, полученные мистером Паккардом, оказались несерьезными. Не сомневаюсь, что вы представляете страховую компанию, которая...

— Нет, доктор, я не представляю страховую компанию. Я заинтересован в расследовании данного дела, только и всего... У вас записан адрес Трейдера?

— Да. Компания торговых перевозок Трейдера, 1819, Центральная улица.

— Спасибо, доктор. Пошли, Пол.

Доктор Боллас проводил их до коридора. Он продолжал быть по-профессорски важным и вежливым.

Когда они сели в машину, Дрейк спросил, как всегда растягивая слова:

— Ну и куда тебя привело, Перри?

— Не знаю. До сих пор мы точно не знаем, что случилось в особняке Прескотта. Все это сплошное гадание на кофейной гуще. Пока я блуждаю в потемках.

— Ладно, сейчас позвоню к себе и узнаю, не прояснилась ли обстановка.

— Я подожду тебя в машине. Попроси свою секретаршу позвонить в мою контору. Пусть попросит Деллу дожидаться моего возвращения.

Минут через пять послышались торопливые шаги Дрейка, гулко разносящиеся по бетонной дорожке.

— Есть новости? — спросил Мейсон, когда детектив открыл дверь.

— Я бы сказал, куча новостей. Вальтера Прескотта нашли мертвым наверху в спальне. Кто-то всадил ему пулю в грудь из револьвера тридцать восьмого калибра. Точнее, целых три пули. Одна из них угодила в сердце. Стреляли чуть ли не в упор, потому что обгорели и ткань и кожа. Полиция перерыла бюро, в котором, по словам миссис Андерсон, мисс Свейн спрятала револьвер. В ящике оружие они не нашли, но за ящиком был запихан револьвер тридцать восьмого калибра системы «смит-и-вессон» с обоймой, в которой были три стреляных гильзы и три неиспользованных патрона. По запаху было ясно, что из пистолета совсем недавно стреляли.

— Что с мисс Свейн? Что они предприняли?

— Разыскивают. Она ушла из дому с небольшим чемоданчиком и клеткой с канарейкой где-то около половины первого. Полиция решила, что девушка собралась удрать за границу и потому не захотела оставлять птичку умирать с голоду.

— В таком случае она должна была быть уверена, что ее сестра, Розалинда Прескотт, тоже не собирается возвращаться.

— Полиция разыскивает и сестру.

— Они чего-то добились?

— Пока нет.

— Установили ли они личность человека, который был в доме?

— Да. Некто Дресколл. Его тоже ищут.

— Нашли?

— Пока нет.

— Направь людей для сбора информации об этом самом Дресколле, — распорядился Мейсон.

— Я это сделал, как только мне назвали его имя, — усмехнулся Дрейк.

— Поехали, Пол. Нам надо отыскать Гарри Трейдера. Сначала съездим в его контору. Возможно, он там.

Гарри Трейдер, человек, пропахший потом и едким табак, действительно находился у себя в конторе, разбираясь в каких-то отчетах.

Он посмотрел на двух посетителей холодными серыми глазами.

— Хотелось бы знать, какое отношение вы имеете к этому делу? — спросил он довольно нелицезно.

— Мы проводим расследование, — ответил Мейсон.

Треjder вытащил из кармана замусоленного комбинезона кусок жевательного табака, отшипнул немного и отправил в рот. Нарочито медленно он сначала убрал табак, потом закрыл перочинный нож. Затем, лениво растягивая слова, он заговорил:

— Любой человек, задающий вопросы, проводит расследование. Это пустые слова. Вы что, представляете интересы Прескотта?

— Нет, — ответил Мейсон, — я расследую другую сторону данного дела.

— Какую же?

— Чисто случайную.

Треjder перекатил во рту кусок табака, осторожно сплюнул, не разжимая зубов, и буркнул:

— Спасибо, что прямо сказали.

— Вы отвезили Паккарда в больницу?

— Я.

— А из больницы его тоже вы забирали?

— Нет. Мне нужно было развезти товары. Я сдал его доктору, и все.

— Вы не знаете, когда он уехал из больницы?

— Нет.

— Знаете ли вы, насколько серьезна была его травма?

— Прекрасно знаю. Побился он, только и всего. Я проторчал в больнице до тех пор, пока мне не сказали, что никакой опасности нет.

— Вам сказали, что у него амнезия, то есть потеря памяти?

— Вы имеете в виду, что парень был слегка не в себе?

— Как произошла авария?

Треjder старательно пережевывал табак. При этом на его лице заходили большие желваки, а само лицо приняло напряженно-сосредоточенное выражение. Глаза смотрели по-прежнему холодно, недоброжелательно.

Часы на стене громко отщелкивали секунды. Совсем как метроном, подумал Перри Мейсон.

— Вы не хотите отвечать на этот вопрос? — вежливо поинтересовался адвокат.

— Совершенно верно, приятель: я написал отчет своей страховой компании. Если интересуетесь, можете обратиться туда.

— В какую именно страховую компанию? — невозмутимо спросил Мейсон.

— Это что-то новое, — проворчал Треjder.

— Послушайте. По причинам, знать которые вам совсем не обязательно, я пытаюсь найти наиболее приемлемое решение для всех затронутых сторон. Вы нисколько не пострадаете от того, что скажете мне правду.

— Идите договариваться с моей страховой компанией, — только повторил Трейдер.

— Но страховых компаний много. Мы не знаем, которая ваша, — напомнил Дрейк.

— Правильно, приятель. Не знаете.

— Вы должны были доставить товары по адресу недалеко от места аварии? — спросил Мейсон.

— Да.

— В дом Прескотта?

— А какая вам разница?

— От этого зависит всего лишь, нужно ли вам было действительно заворачивать на Четырнадцатую улицу.

— Да. Вы правы. Я должен был кое-что отвезти в гараж мистера Прескотта.

— Сразу же после аварии вы при помощи еще одного человека уложили Паккарда в кузов своей машины и отвезли в больницу. Так?

— Так.

— Кто был второй человек?

— Не знаю. Какой-то парень, который вышел из этого дома.

— Из какого дома?

— Прескоттовского.

— Вы знакомы с Прескоттом?

— Да.

— Хорошо?

— Выполнил для него кое-какие поручения.

— А того, другого человека вы знаете?

— Видел впервые в жизни.

— Узнали бы вы его, если бы с ним снова встретились?

— Разумеется!

— А когда выяснили, что Паккард был ранен не очень серьезно, вы уехали из больницы и все-таки доставили груз мистериу Прескотту?

— Правильно.

— Кто-нибудь был дома?

— Не знаю. Мне было велено положить груз в гараж, я его туда и положил.

— От кого вы получили такие указания?

— От самого Прескотта. Он же мне вручил ключ от гаража.

- Когда?
- Спросите Прескотта.
- Когда вы возвратились, поврежденная легковая все еще стояла перед домом мистера Прескотта?
- Да.
- Не говорил ли Паккард, где он остановился в городе, зачем вообще сюда приехал и каковы были его ближайшие планы?
- Треjder сжал губы, пожевал, потом ловко плюнул прямо в урну, стоящую возле письменного стола.
- Не хотите отвечать на этот вопрос?
- Треjder покачал головой:
- Мне было важно только то, что он признал свою вину. Больше я ничего рассказать не могу о нашем разговоре.
- Послушайте, Треjder, вы не слишком-то стремитесь нам помочь. Мне нужны сведения, а если вы их нам не сообщите, то сами будете от этого только в проигрыше.
- Я сказал все, что считал нужным сказать, — мрачно буркнул Треjder.
- Мейсон сделал знак рукой Дрейку:
- Пошли, Пол. Не будем зря терять времени.
- Куда теперь? — спросил детектив, когда они подошли к машине.
- Довези меня до моей машины, и я поеду к себе в контору. А ты тем временем направишь своих ребят на розыски Карла Паккарда.
- Он тебе здорово нужен?
- «Здорово» — не то слово. До зарезу, если хочешь знать. Понимаешь, мы во всем отстаем от полиции. Только здесь мы ее опередим, если быстренько найдем Паккарда. То, что он видел в окне, может спасти жизнь невинного.
- Или, — холодно добавил Дрейк, включая зажигание, — затянет веревку вокруг шеи одного из твоих клиентов. Ты не думал о такой возможности, Перри?
- Нет, не думал и не разрешу себе думать, — суровым тоном ответил адвокат.

Глава 6

Мейсон открыл двери конторы и вошел. Делла сидела за своим столом, разговаривая с кем-то по телефону. Было слышно, как она говорила:

— О'кей, я ему передам. Я слышу, что он уже вернулся.

Повернувшись к Перри Мейсону, она улыбнулась и сказала:

— Вижу, что ваша хромая канарейка все-таки столкнула вас с загадкой.

— Можешь не сомневаться. Кто звонил?

— Секретарша Дрейка. Просила вам передать, что его оперативники не сумели разыскать Джимми Дресколла, Риту Свейн и Розалинду Прескотт. Поскольку и полиция ищет всех троих, естественно предположить, что они все смылись.

— Ол-райт. А что она говорила об убийстве?

— Ничего нового. Прескотта обнаружили наверху, в спальне. В него стреляли трижды из револьвера тридцать восьмого калибра. Револьвер, найденный полицией в том месте, куда его прятала Рита Свейн, тоже тридцать восьмого калибра. Ребята Дрейка еще не выяснили результатов баллистической экспертизы. Похоже, что полиция пока сама не располагает этими данными.

Я не понимаю, шеф, если Рита действительно замешана в это убийство, почему она вам обо всем не рассказала? Должна же она была понимать, что все в самое ближайшее время выльвет на поверхность. То, что она заставляет вас работать в потемках, ей ни капельки не поможет!

Мейсон подошел к столу и закурил сигарету.

— Что выяснили ребята Пола Дрейка? — спросил он.

— Я только что разговаривала с Мейбл Фосс, и она сообщила мне последние новости.

— В таком случае ты должна понять, что единственная улика, которая связывает Риту Свейн с убийством, — это заявление миссис Андерсон.

— Иначе именуемой Надоедой.

— Дело не в ней самой, Делла, а в ее показаниях. Она говорит, что Рита Свейн подрезала канарейке коготки. В этот момент разыгралась страстная любовная сцена между нею и Джимми Дресколлом. Канарейка вырвалась у Риты из рук. И тут произошла автомобильная авария. Джимми выскочил из дома и помог погрузить пострадавшего в кузов фургона, в котором его отвезли в больницу. Потом Джимми вернулся в дом и отдал Рите револьвер, который Рита запрятала в бюро. Выходя из дома, Джимми попал в объятия полиции. После этого существует некоторый перерыв в наблюдениях свидетельницы. Спустя какое-то время она увидела, как Рита поймала канарейку и закончила подрезание когтков. На этот раз Рите по-

требовалось найти самое светлое место, чтобы продолжить ранее начатую операцию, тогда как сначала она подрезала коготки, стоя посреди солярия и даже не подняв тюлевых занавесок. А во второй раз она подошла к самому окну, откинула гардины и только тогда принялась подстригать правую лапку птички.

— Послушайте, шеф, — нахмурилась Делла, — но ведь именно правая лапка у канарейки подстрижена неправильно?

Мейсон кивнул.

— Пожалуйста, продолжайте, шеф.

— В то время на Рите было надето одно из платьев Розалинды. Тебе это о чем-нибудь говорит?

Делла Стрит покачала головой:

— Ровным счетом ничего. Разве то, что никогда не могла похвастать изобилием нарядов из-за того, что у меня не было сестры. Две сестры одинакового роста и одинакового телосложения могут... Эй, подождите!

Она не договорила, глядя на адвоката широко раскрытыми глазами.

— Именно это я и имею в виду, — сказал Мейсон. — Миссис Надоеда стояла возле окна, глядя на солярий. Она наблюдала страстную любовную сцену между Джимми и Розалиндой Прескотт. Она видела также, как он отдал пистолет. Джимми и Розалинда были слишком погружены в происходящее, чтобы думать об окружающих. Наконец Розалинда заметила миссис Надоеду, силуэт которой четко вырисовывался на фоне открытого окна, и поняла, что та все видела.

Давай проанализируем создавшееся положение: Розалинда стояла перед бюро, футах в восьми—десяти. На окнах имеются также тюлевые гардины. Через эти занавески, разумеется, многое видно, но не очень отчетливо. С другой стороны, Розалинда понимала, что не отличающаяся скромностью соседка не могла не заметить столь интересную сцену, которая разыгралась прямо у нее на глазах.

— Ясно, шеф. И объятия, и страстные поцелуи — все это получила Розалинда?

— Похоже на то, — ответил осторожный адвокат.

— Рита в это время находилась в доме?

— Может быть, и нет. Припомни, что позднее, подойдя к самому окну, Рита будто специально продемонстрировала Надоеде, что на ней надето платье сестры. Это было пестрое

платье, хорошо знакомое Стелле Андерсон. Оно настолько хорошо ей было знакомо, что она узнала его, а не женщину, на которой оно было надето...

Предположим, что где-то около двенадцати часов Риту Свейн действительно вызвали к телефону и она услышала перепуганный голос своей сестры: «Послушай, Рита, я попала в ужасную историю. Пришел Джимми Дресколл, мы просто не можем жить друг без друга. Он обнял меня, и я позабыла обо всем на свете. Прижалась к нему, а когда подняла глаза, то первое, что я увидела, — это миссис Андерсон, которая следила за нами. Ты только представь, чем это грозит. Вальтер и без того хочет возбудить дело о разводе и по возможности скомпрометировать Джимми. Невозможно допустить, чтобы Надоеда подтвердила, что Джимми приходил ко мне в отсутствие мужа и целовался со мной».

Можешь не сомневаться: Рита на это ответила, что Надоеду необходимо провести. «В конце концов, Надоеда не знает, кто такой Джимми, так что его можно назвать даже братом». Но Розалинда сказала, что это исключено, потому что перед домом произошла автомобильная катастрофа и, когда Джимми уходил из дома, полицейские записали его имя и адрес. Так что известно, кто он такой. «Послушай, Рита, в то время я подрезала коготки канарейке. Канарейка вырвалась у меня из рук и до сих пор летает по солярию. Джимми уже уехал. Я сейчас же вылетаю в Рино. Не могла бы ты приехать сюда, переодеться в мое пестрое платье, в котором я была сегодня, поймать канарейку, подойти с ней к самому окну и закончить подрезку коготков, но так, чтобы миссис Надоеда непременно видела тебя. Когда ты заметишь, что она смотрит в твою сторону, откинь в сторону гардины, чтобы она могла окончательно рассмотреть тебя. Тогда она убедится, что это вовсе не я, а ты. И решит, что с самого начала видела тебя. Под великим секретом сообщи нескольким близким подругам, что Джимми в тебя безумно влюблен, но ты не хочешь никому говорить об этом. Самое главное, чтобы эти слухи дошли до миссис Надоеды».

— Так вы допускаете, что она подставила вместо себя родную сестру? Уже зная, что наверху лежит труп Вальтера Прескотта?

Мейсон сказал:

— Я уверен, Делла, что она никогда бы на это не решилась, если бы знала, что Вальтер убит.

— Но она должна была знать, потому что ходила наверх укладывать свои вещи.

— В том-то и дело, что она ничего не укладывала, поручив все сделать Рите. Да и труп-то находился в спальне Вальтера, а не в ее будуаре.

— Хорошо, что произошло после того, как Рита вошла в дом?

— Это уже нечто новое. Конечно, Рита могла зайти, а могла и не зайти в комнату Вальтера. Все вещи Розалинды должны были находиться в ее комнате. Рита поднялась туда, переоделась в платье сестры, потом спустилась вниз и принялась демонстративно подстригать коготки у канарейки. Естественно, она больше думала о том, видит ли ее миссис Надоеда, чем о том, чем она была занята. Поэтому она еще раз подстригла коготки на правой лапке, не заметив на левой один длинный коготок.

— Одну минуточку, шеф. Почему вы уверены, что Розалинда Прескотт полетела в Рино?

Мейсон подмигнул:

— Произошла небольшая накладка. Я поехал поговорить с Карлом Хелмелдом о канарейке... Выяснилось, что Рита Свейн сказала ему, что это я ее к нему направил, но назвалась Милдред Свенс из Рино. Она оставила у Карла канарейку на время, с тем чтобы позднее за ней кого-нибудь прислать. Возможно, она боялась, что ее имя появится в газетах. Ну, а имя какой-то Свенс ни у кого не вызовет подозрения, так что она в любой момент может получить свою птичку.

Все еще глядя на него широко раскрытыми глазами, Делла спросила:

— Короче говоря, вы едете в Рино?

— Мы едем.

— Чтобы утереть нос полиции?

Он снова кивнул:

— Но это опасная затея, Делла. Мы играем с настоящим динамитом.

— О'кей, едем.

Помогая Делле надеть пальто, Мейсон говорил:

— Разумеется, очень важно, чтобы никто не знал, куда мы едем и зачем. Самое лучшее — заказать специальный самолет. Не исключено, что сержант Голкомб установит за мной наблюдение. Узнав, что я уезжаю, он позвонит в аэропорт и сразу же все выяснит. Поэтому закажи билеты на свое имя.

— Почему бы не воспользоваться вымышленным именем?

— Потому что я хочу действовать так, чтобы ко мне нельзя было придраться. Уже сейчас делается «тепло», а ко времени нашего отъезда вообще станет «жарко». Зачем самому лезть в огонь?

— Дело не в этом, шеф, а чтобы вы не совались в самое пекло. Не забывайте, что вы собирались совершить кругосветное морское путешествие.

— Это было бы недурно, Делла, но тогда я пропущу весьма интересное дело, которое уже вырисовывается.

— Не беспокойтесь, на пароходе вам бы не пришлось скучать: танцы при луне на палубе, пляж в Вайкики, Япония в пору весеннего цветения, переход по Желтому морю к Ханг-Пу и Шанхаю, этому Парижу Востока с его...

— Делла, — Мейсон пригрозил ей пальцем, — ты выучила путеводитель Кука!

— Этого мало, шеф! Я вытащила из вашего верхнего ящика все бумаги и заполнила его доверху брошюрами про Вали, Восток, Индию, Гонолулу...

Он легко поднял ее и поставил лицом к двери. Потом притворно сердито сказал:

— Иди, искусительница. Нужно думать о деле, а не о Японии в пору цветения фруктовых деревьев!

Глава 7

Мотор монотонно и ритмично урчал. Делла Стрит, не отрывая лица от окна, сказала:

— Значит, это и есть Рино?

Мейсон кивнул. Они вместе смотрели, как на них надвигаются огни аэропорта. Вот самолет плавно заскользил по земле, врезался в темноту. Снаружи жалобно стонал ветер. Пилот заглушил мотор, который возмущенно взревел раза два перед тем, как окончательно умолкнуть.

Делла Стрит была возбуждена. Перри спустился первым и протянул ей руку. Ветер подхватил юбку девушки, набросился на волосы и легкий шарфик.

Опершись на руку адвоката, Делла легко соскочила на землю.

— С чего начнем, шеф? Или будем искать вслепую?

— Вслепую. Возьмем для начала такси. — Повернувшись к пилоту, он добавил: — Напайте своего коня, что-

бы в любую минуту он смог нас доставить обратно. Да и сами не голодайте, но не уходите далеко, чтобы не было никаких заминков.

Уже в такси Мейсон сказал:

— Мы начнем с игорных домов. Не знаю, как Розалинда, но Рита не из тех, кто будет тихо сидеть в гостинице в таком месте, как Рино.

— Что мы сделаем, когда ее найдем?

— Выложим ей все, что знаем.

— А вдруг она пошлет нас ко всем чертям?

— В таком случае мы перестанем с ней церемониться.

— Мне будет жутко интересно посмотреть, как вы «перестанете церемониться» с женщиной, шеф.

— Не сомневайся, дорогая. Ты меня знаешь только добреньким, а я далеко не всегда бываю таким.

Водитель спросил:

— Куда поедем?

— В центр.

— Вирджиния-стрит?

— Туда, где кипит ночная жизнь.

Водитель язвительно ответил:

— Браток, тут жизнь кипит по всему городу двадцать четыре часа в сутки. Я проеду по Вирджинии-стрит туда и обратно, а вы уж сами выбирайте подходящее местечко.

Несмотря на поздний час, улицы были запружены народом всех оттенков кожи. Ковбои в опереточных костюмах, молодые парни в пестрых рубашках навывпуск, сомнительные красотки на высоченных каблуках, элегантные дамы и господа. Изредка из одной двери в другую проскальзывали нарядные парочки в вечерних туалетах.

Машина нырнула под протянутую прямо через улицу неоновую рекламу:

«Величайший в мире маленький городок».

— Поезжайте медленно назад, — распорядился Мейсон. — Я покажу, где остановиться.

Водитель все-таки решил проявить инициативу:

— Если вам нужно разрешение на брак, я мог бы...

Делла расхохоталась:

— Не до любви, когда дело впереди.

Выйдя из машины, она взяла Мейсона под руку, и они медленно завернули на поперечную улицу налево, потом свернули направо и принялись заходить по очереди во все бары и игорные дома. Третье заведение, в которое они заглянули, именовалось «Банковский клуб». В нем был

полный набор увеселений: «фараон», «рулетка», «колесо удачи» и «21». Это было настоящее царство любителей острых ощущений, мошенников, шулеров и просто легковых провинциалов. Вокруг каждого стола толпились зеваки и ценители данного вида игры.

Делла Стрит вцепилась в руку Мейсона:

— Вон она!

— Где?

— Возле «колеса удачи». Одета в коричневое платье и бежевый пушистый жакет.

Мейсон кивнул:

— Н-да, одета она совсем не так, как тогда, у нас в конторе.

— А как вы думали? Наверное, она летела самолетом. Она вместе вон с той парочкой.

— Ты говоришь о тех, что слева?

— Да.

Мейсон внимательно следил за людьми, поставившими на «колесо удачи».

Рядом с Ритой стояла молодая женщина с каштановыми волосами, темно-карими глазами, красивыми капризными губами, почему-то сильно возбужденная. На ней было надето черное бархатное платье с белыми кружевами и маленькая черная шляпка, плотно облегающая голову. Пока Мейсон наблюдал за ней, она выиграла пятьдесят центов, и крупье передал ей мелочь.

Откинув назад голову, она весело рассмеялась.

— На ней нет ни одного кольца. Это может многое значить — или вообще ничего не значит, — проговорил Мейсон.

Потом он обратил внимание на молодого человека. Он был выше среднего роста, широкоплечий, узкобедрый, с явными признаками любителя спорта. На вид ему было лет тридцать. Темные волнистые волосы, черные глаза, в глубине которых то и дело вспыхивали огоньки. Изменчивое, выразительное лицо. Короче, человек, способный заключить в объятия любимую женщину, не считаясь ни с мужем, ни с любопытными соседками, ни с возможными последствиями.

Делла Стрит чуть слышно прошептала:

— Могу поспорить: он великолепно танцует.

Мейсон нагнулся вперед и бросил серебряный доллар на номер двадцать четыре. Рита Свейн слегка пододвинулась, давая место новому игроку. Вторая женщина взгля-

нула на адвоката с любопытством, потом наклонилась к своему соседу и что-то еле слышно проговорила. «Колесо удачи» завертелось с легким журчанием, которое никого не могло оставить равнодушным. Вот оно почти остановилось. Кожаный язычок слегка поколебался, потом решительно упал на двадцать четвертый номер.

Естественно, Рита должна была взглянуть на счастливого, который с первого захода стал обладателем тридцати долларов. Собирая выигрыш, Мейсон спросил у нее самым будничным голосом:

— Не познакомите ли вы меня со своими друзьями, мисс Свейн.

На секунду Риту охватила паника, но потом она все же взяла себя в руки и бросила восемьдесят центов на «24», сказав, что это на случай, если «чудо повторится». Она повернулась к сестре:

— Познакомься, Роза, это мистер Мейсон.

Мейсон посмотрел в карие глаза на побледневшем лице. Они больше не смеялись, а просили, умоляли о пощаде.

— Я так и подумала, — сказала Розалинда Прескотт, — даже спросила Джимми, не ошибаюсь ли я.

— Мистер Дресколл, — добавила Рита.

Мейсон пожал им обоим руки, ощутив, что рукопожатие Джимми было твердым и решительным. Лицо его было напряженным, как у настоящего игрока в «фараон».

— Как вам удалось нас отыскать? — спросила Рита.

— Секрет. Где мы сможем поговорить?

— Комната Розы в «Риверсайде». Ох, тут и мисс Стрит. Здравствуйте, мисс Стрит.

Делла улыбнулась. Мейсон представил ее Розалинде Прескотт и Джимми Дресколлу. С видом случайно встретившихся туристов они медленно вышли из «Банковского клуба» и пошли пешком в отель «Риверсайд».

Мейсон слегка задержался и взял Деллу под руку:

— Мне очень жаль, Делла, но я не хочу, чтобы ты пошла с ними. Я уже говорил, что я затеял опасную игру. Оставайся внизу, в холле, и дежурь у телефона. Если войдет кто-то, отдаленно напоминающий полицейского, и станет спрашивать Риту Свейн или Розалинду Прескотт, немедленно звони нам. Чтобы меня не застали врасплох.

Она кивнула.

— Я все понимаю, шеф.

Когда они вошли в вестибюль гостиницы, Делла с застенчивой улыбкой обратилась к Мейсону:

— Извините, шеф, но я бы хотела зайти в ресторан, проглотить хотя бы стаканчик кофе и пару сандвичей. Перед отъездом я не успела поесть как следует. У меня разболелась голова, и если я сейчас же не перекушу, меня не спасут никакие таблетки.

— Ладно, Делла, ступай. Потом поднимись наверх. Какой ваш номер, мисс Прескотт?

— Триста девяносто один.

— Идемте, — скомандовал адвокат.

Джимми Дресколл запер дверь на ключ, предварительно удостоверившись, что в коридоре никого нет. Потом он обнял Риту Свейн.

— Не переживай, любимая, мы вместе, а это главное.

Мейсон подошел к кровати, опустил на нее и сказал со скучающим видом:

— Послушайте, ребята, передо мной не надо разыгрывать эту комедию.

— Какую комедию? — спросила Рита Свейн, резко поворачиваясь к нему.

— Изображать влюбленных. Понимаете, Рита, женщины — странные создания: ваша сестра может приревновать.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сами это отлично понимаете.

Мейсон заставил их всех ждать, пока он закурит сигарету, предложил поочередно всем сделать то же самое, спрятал свой портсигар. Наконец он сказал:

— В конце концов, я не миссис Надоеда.

Дресколл воинственно заявил:

— Мне не по вкусу подобные штучки! Может быть, вы соблагovolите объясниться и извиниться?

— Пфа! Вы сами-то понимаете, что вы затеяли?

Розалинда Прескотт, до сей минуты стоявшая совершенно неподвижно, сказала:

— По-моему, мистер Мейсон прав.

— Роза! — воскликнула Рита.

Дресколл не сводил глаз с адвоката.

— Я не думаю, что он прав. И мне не нравятся его манеры.

— Вы можете идти ко всем чертям, — с самой любезной улыбкой сказал Мейсон. — Как я понимаю, из-за своей смазливой наружности вы привыкли всю жизнь морочить женщинам голову. Сейчас вы попали в такую передрагу, что предпочитаете прятаться за юбки, чем откровенно во всем сознаться.

Дресколл сделал несколько грозных шагов к адвокату. Мейсон медленно поднялся с кровати и насмешливо сказал:

— Вот, вот. Ничего более умного и придумать нельзя. Поднимете шум, сюда сначала явятся детективы из гостиницы, потом подоспеет полиция. Впрочем, это ничуть не хуже того, что вы до сих пор вытворяли!

Розалинда повисла на руке Дресколла:

— Джимми, перестань! Говорю тебе, успокойся! Сядь!

Рита Свейн, с негодованием глядя на адвоката, спросила:

— Как вы смеете разговаривать в таком тоне?

— Вы-то как раз должны это понимать. Для этого есть две причины. Первая, что я очень не люблю, когда меня обманывают клиенты.

— Вас никто не обманывает!

— В самом деле? Когда вы мне рассказывали все эти небылицы про миссис Надоеду, которая видела вас в объятиях красавчика, вы, видимо, принимали меня за неопытного мальчишку?

Он быстро повернулся к Розалинде:

— Мне кажется, что вы мне расскажете правду.

— Молчи, Роза! — истерически закричал Дресколл.

Мейсон холодно посмотрел на него и сказал:

— Я бы не стал так настаивать, если бы у вас были хоть какие-то шансы скрыть случившееся, но вы не смогли этого скрыть ни от меня, ни от окружного прокурора, который рано или поздно тоже нападет на ваш след. Продолжая играть в молчанку, вы только играете на руку прокурору. Какого черта вы не выложили мне с самого начала всю правду и не спросили у меня совета, что предпринять? Нет, вместо этого вы затеваете какую-то детскую игру, восхищаясь собственной изобретательностью.

Розалинда удирает из дому, оставляя платье для Риты. Рита переодевается, ловит канарейку, заканчивает подстригать ей коготки. Кого это должно было обмануть? Соседку?

— Вы правы, мистер Мейсон, — решительно сказала Розалинда.

Мейсон снова посмотрел на нее:

— Кажется, в конечном итоге мы с вами все-таки найдем общий язык. Расскажите, что же произошло. И побыстрее. У нас мало времени. Ваша сестра хорошенько наследила. Я воспользовался этим. То же самое могут сделать и другие.

Дресколл вздохнул, открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Мейсон прикрикнул на него:

— Помолчите, Дресколл!

Розалинда заговорила быстрыми, отрывистыми фразами:

— Я всячески боролась со своим мужем, ведь он хотел развестись со мной. Он нашел письмо, которое мне написал Джимми. Письмо можно было понять двояко. Он предпочел худшую интерпретацию. Ушел, чтобы поехать к адвокату. Я перепугалась и допустила ошибку. Позвонила Джимми, рассказала ему, что случилось, предупредила, что уезжаю. Джимми примчался, возбужденный до предела. Он привез с собой пистолет. Ему казалось, что мне необходимо оружие, чтобы защищаться от Вальтера. Вальтер действительно не раз грозился меня убить, если я только суну нос в его дела.

— Вы рассказали и об этом Дресколлу?

— Да. По телефону.

— О'кей. Значит, Дресколл считал, что вам грозит опасность. Не исключено, что он был прав. Продолжайте.

— Как я уже сказала, приехал Джимми. Мы были в солярии. Я пыталась спокойно поговорить с ним обо всем. Но Джимми окончательно потерял голову, схватил меня в свои объятия, и я...

— Да, понятно. Миссис Надоеда достаточно красочно описала эту сцену.

— Как это все выглядело в ее изложении?

— Достаточно красноречиво. Очень страстная сцена.

Розалинда сказала со вздохом:

— Это правда.

— Умница, — кивнул Мейсон, — рассказывайте дальше

— Джимми сказал, что я должна уехать и что он заказет места на самолет. Потом произошла автомобильная авария. Джимми выскочил, помог положить пострадавшего в кузов фургона. После этого он вернулся, и тут только я сообразила, что его могут вызвать в качестве свидетеля. Машина Джимми стояла в переулке. Я велела Джимми немедленно уходить, а сама должна была собрать кое-что из вещей и тоже уйти из дома. Джимми не хотел оставлять меня одну. Я настаивала. И тогда Джимми отдал мне свой револьвер на случай, если Вальтер неожиданно вернется и начнет по-настоящему скандалить. Я говорила ему, что мне не нужно оружие, я и пользоваться-то не умею им, но он все-таки убедил меня, что это совершенно необходимо. Я спрятала его в бюро, я точно знала, что Вальтер в

него никогда не заглядывает. Я взяла револьвер только для того, чтобы успокоить Джимми. После этого он перестал спорить и ушел. Временами он бывает невероятно упрям.

— Что было потом?

— Вот тут-то я заметила, что миссис Надоеда следила за нами. Одному Богу известно, сколько времени она находилась «на своем посту». Возможно, с самого начала. Джимми же со своим глупым упрямством тоже упустил драгоценное время и нарвался-таки на транспортную полицию, явившуюся расследовать аварию. Они записали его имя и адрес, сверившись с его документами, оставленными в машине. Я поняла, что нам не отвертеться.

— Одну минуточку. Возвращался ли мистер Дресколл после того, как полицейские записали его данные?

— Да.

— Что произошло дальше?

— Мы все обсудили. Джимми пришло в голову вызвать Риту, надеть на нее платье, сделать все то, о чем вы здорово догадались. Понимаете, мы с ней очень похожи, так что миссис Надоеда не могла быть уверена, с кем из нас обнимался Джимми.

— Продолжайте.

— Я позвонила Рите. Остальное знает она.

— Откуда вы ей позвонили?

— Из дома, но побоялась рассказывать подробности.

— Сколько времени вы еще оставались в доме после телефонного разговора?

— Практически нисколько. Позвонила и сразу помчалась в аэропорт, откуда снова позвонила Рите.

— Вы прилетели сюда рейсовым самолетом или заказным?

— Я полетела в Сан-Франциско, а уже оттуда в Рино. Мейсон кивнул на Джимми.

— Он тоже прилетел, — сказала Розалинда.

— Тем же самолетом?

— Да.

— Скажите, когда вы впервые узнали, что ваш муж убит? Глаза Розалинды округлились.

— Вальтер убит?

Мейсон, внимательно следивший за ней, повторил:

— Да, убит.

— Осторожнее, Розалинда, — закричал Дресколл, — это какая-то ловушка! Он не был убит, иначе мы бы об этом знали!

Мейсон повернулся к Рите:

— Вы знали об этом, не так ли?

Она отрицательно покачала головой:

— Не имею представления, о чем вы говорите. Может быть только, что таким путем вы хотите заполучить огромный гонорар с Розы.

— Так это правда? Он убит? Или же это действительно ловушка? — воскликнула Розы.

Мейсон внимательно смотрел на Риту.

— Вы прибыли сюда рейсовым самолетом или заказным?

— Наняла самолет и прилетела напрямик сюда.

— Через сколько времени после того, как вы ушли из моей конторы?

— Буквально через несколько минут. Завезла канарейку в зоомагазин, адрес которого вы мне дали, взяла такси и поехала сразу же в аэропорт.

— И вы не знали, что труп Вальтера Прескотта лежал наверху в спальне?

— Вы имеете в виду дом Розалинды?

— Да.

— Не знала. И глубоко сомневаюсь, что это правда.

Розалинда почти упала на стул, не сводя глаз с адвоката.

— Вы этого тоже не знали? — обратился к ней адвокат.

— Нет, конечно нет. Боже мой, какой ужас! Не то что я его любила. Наоборот, я его ненавидела. Вы даже не представляете, какой это был низкий, хладнокровный интриган и авантюрист. Он даже не притворился, что я что-то для него значу. Жив он или мертв, я его по-прежнему ненавижу... Но все равно, какой ужас...

— Вашего мужа нашли в спальне наверху. Он был полностью одет, видимо, собирался выйти из дома. В него трижды выстрелили из револьвера тридцать восьмого калибра. Полиция нашла револьвер в ящике бюро, куда вы его спрятали. Они решили, что стреляли именно из этого оружия. Если после этого и были выяснены какие-то новые данные, опровергающие эту версию, я о них еще не слышал.

Мейсон посмотрел на Джимми Дресколл:

— Какой револьвер вы дали Розалинде?

— «Смит-и-вессон».

— Какого калибра?

Побледнев, Дресколл ответил:

— Тридцать восьмого, но ведь это самый распространенный калибр.

— Есть ли на нем какие-нибудь особые отметки?

— Что вы имеете в виду?

— Вы меня прекрасно понимаете. То, по чему можно точно опознать оружие.

— Да. На перламутровой инкрустации рукоятки есть U-образная щербинка.

— Поверхность револьвера стальная или же никелированная?

— Стальная.

Мейсон заговорил голосом, лишенным какой-либо эмоциональной окраски:

— Прошу вас, мистер Дресколл, внимательно выслушать то, что я сейчас скажу. Нет, помолчите минуточку. Я — поверенный миссис Розалинды Прескотт. А возможно, я также представляю интересы мисс Риты Свейн. Этого я еще не знаю. Но вас я не представляю и не собираюсь представлять.

— А я этого вовсе не хочу, — со злостью отпарировал Дресколл. — У меня имеется собственный поверенный, которому я больше доверяю. Адвокат, который ведет себя гораздо учтивее.

Мейсон посмотрел на молодого человека:

— Не сомневаюсь, что вам больше по душе учтивые манеры, элегантная одежда, стол красного дерева и всякие прочие внешние признаки дорогого юриста. Ол-райт, мы договорились. У вас свой поверенный. Я же защищаю интересы Розалинды и Риты. Теперь вам есть о чем рассказать?

— Разумеется.

— Выкладывайте.

— Я хочу подтвердить показания Розалинды.

Мейсон пристально посмотрел на него:

— Это вы убили Вальтера Прескотта?

— Конечно нет! Я ничего об этом не знал!

— Вы не видели Прескотта, пока находились в доме?

— Нет. Я все время был с Розалиндой.

— Все время?

— Да.

— Каждую минуту?

— Да.

— И вы можете в этом присягнуть?

— Да.

— Поймите меня правильно. Вы готовы присягнуть, что каждую минуту находились в обществе миссис Прескотт с того самого момента, как вошли в дом, и до той минуты, когда вместе вышли из него?

— Да.

— Ну, а как быть с тем промежутком времени, когда вы выходили помочь отправить в больницу пострадавшего при аварии и когда вы повстречались с дорожной полицией? Ведь в это время ее подле вас не было?

Дресколл ответил чуть не покровительственным тоном:

— Но ведь тогда я был вне дома. Я решил, что ваш вопрос касается только времени, проведенного внутри дома.

— Правильно ли я понял, что внутри дома вы не разлучались ни на минуту?

— Я уже ответил на этот вопрос два или три раза.

— Ответьте еще раз. Вы были с ней?

— Да.

Розалинда хотела что-то сказать, но удержалась, увидев, что Дресколл нахмурился.

— Прекрасно. Значит, вы находились в спальне, когда она переодевалась?

Дресколл собрался что-то сказать, глядя на Розалинду, но только растерянно спросил:

— Ну, конечно... Роза, как быть?

— Конечно, его не было со мной, пока я переодевалась и укладывала свой чемодан. Джимми просто беспокоится об алиби для меня.

— Даже если это и так, — сказал Мейсон, — вы теперь получили прекрасную возможность убедиться, чего стоит подобное алиби. Этот вопрос непременно возникнет. И вам придется выбирать: либо заявить, что мистер Дресколл находился в вашей спальне, пока вы переодевались, либо что вы с ним все-таки ненадолго разлучались.

— Подождите, подождите, это же все было после того, как Джимми отдал мне револьвер. Миссис Надоеда признает это.

— Да, совершенно верно. Вы переодевались позднее. Но как быть с Вальтером? Его труп находился в спальне или нет?

— Но... но... я не знаю.

— Сколько времени прошло после того, как вы последний раз заходили в спальню?

— Но я не была там все утро. Его спальня отделена от моей туалетной комнатой и ванной. Мы встретились ут-

ром за завтраком. Он был на редкость придирчив и груб. Он как раз обнаружил письмо Джимми, написанное мне. Понимаете, он давно ждал чего-нибудь в этом роде. Он выманил у меня двадцать тысяч, но у меня нет никаких доказательств, что это было именно так. Он боялся, что я потребую деньги обратно, и искал возможность подать на развод. Тогда можно было бы сказать, что я все выдумала про деньги, стремясь отомстить за развод и спасти собственную репутацию.

— Вы понимаете, что суд не будет в восторге от вашей истории?

Розалинда кивнула.

— Как утверждает миссис Надоеда, вы подстригали канарейке коготки в солярии, когда появился мистер Дресколл и заключил вас в объятия.

Она снова кивнула.

— Миссис Надоеда наблюдала за вами на протяжении некоторого времени еще до появления мистера Дресколла. Она говорит, что молодой человек не сразу пошел в солярий, хотя в дом он уже вошел и находился в нем в общей сложности сорок две минуты. Она точно засекала время его прихода и ухода.

— Это на нее похоже!

— Дело не в этом. Важно другое, что мистера Дресколла не было с вами в солярии. Где он был?

— Звонил по телефону, — быстро сказал Дресколл.

— Кому?

— В свой офис. Розалинда позвонила ко мне домой, и я сразу же помчался к ней, хотя у меня были свои дела, которые необходимо было решить с самого утра. Поэтому я сначала позвонил на свою работу.

— Сколько времени продолжался ваш разговор?

— Я не знаю, минут пять—десять.

— И как раз в это время, пока Дресколл звонил по телефону, — Мейсон снова повернулся к Розалинде, — вы вошли в солярий, чтобы подстричь канарейке коготки?

— Да.

— До этого момента Дресколл проявлял столь бурно свои нежные чувства?

— Он и раньше обнимал меня, если это вас интересует.

— Таким образом, был еще какой-то промежуток времени, когда Дресколл находился в доме, но вы не можете с уверенностью сказать, чем он был занят.

— Вы правы, не могу.

— Если вам угодна такая формулировка, — злобно буркнул Дресколл.

— Да, мне угодна... Скажите, как раз во время этого телефонного звонка и произошла автомобильная авария?

— Да.

— Вы от неожиданности выпустили канарейку и побежали к окну узнать, откуда шум?

— Нет. Пойдите минутку. Я упустила канарейку, когда меня обнял Джимми. Потом он меня отпустил, я вся дрожала. Он сразу же сказал, что пойдет закажет билет на самолет, следующий в Рино. И пошел звонить, а я принялась ловить канарейку. И вот тут-то произошло столкновение машин.

— А до этого Дресколл звонил к себе на работу?

— Наверное. Простите, но у меня в голове все несколько перемешалось. Я невероятно растерялась из-за ссоры с Вальтером, а тут перспектива бежать с Джимми... Ну, одним словом, я как-то не могу точно вспомнить события того утра. Все спуталось и переплелось.

— Получается, что в общей сложности Дресколл пробыл у телефона несколько минут, причем звонил минимум дважды?

— Да.

— Можете ли вы присягнуть, что он звонил по телефону?

— Не могу.

— Когда произошла авария?

— Это я могу сказать точно. Часы начали бить двенадцать, когда раздался треск.

— Тогда Дресколл вышел из дома, помог поднять потерявшего сознание человека из легковой машины, переложить его в фургон, а потом снова возвратился в дом, так?

— Да.

— Когда вы заметили, что за вами наблюдает соседка?

— После того как Джимми дал мне револьвер.

— И тогда вы поняли, что ему надо немедленно уходить, а вы присоединитесь к нему позднее?

— Да.

— Он ушел, наравлся на полицейских, был вынужден сообщить им свое имя и адрес, еще раз возвратился назад, предупредил, что он погорел и что ему лучше тоже сразу улететь в Рино?

— Не совсем так. Он сначала рассказал мне, что случилось. Мы поняли, что положение у нас хуже не придумаешь. Стали обдумывать, как из него выбраться. Джимми

пришло в голову, что хорошо было бы вызвать Риту. Она закончила бы подстригать канарейке коготки вместо меня и постаралась бы, чтобы ее видела миссис Надоеда.

Мейсон, мельком взглянув на Дресколл, сказал:

— Умная идея, однако довольно подлая по отношению к Рите.

— Прошу не забывать, мистер Мейсон, что я даже не подозревал об убийстве. Мне казалось, что речь идет только о том, чтобы избавить Розалинду от излишней нервозности, вызванной моим неумением скрывать свои чувства.

— Оставьте эти красивые слова для суда, Дресколл. Им это будет куда интереснее, чем мне. Ладно, кому-нибудь из вас известно, что именно явилось причиной катастрофы?

Дресколл вообще не прореагировал, а Розалинда отрицательно покачала головой.

— Так я расскажу вам, что я выяснил. Гарри Трейдер, сидевший за рулем одного из своих больших фургонов, заворачивал на Четырнадцатую улицу: он должен был доставить какой-то груз в гараж Вальтера Прескотта. Он начал поворот, когда Паккард, ехавший на легковой машине, попытался обогнать фургон справа и очутился между обочиной и фургоном; он не смотрел, куда едет. Остальное понятно. Почему же он был так невнимателен на дороге? Потому что он не мог оторвать взгляда от окна одного из домов справа. Это не мог быть дом миссис Андерсон, так как она стояла у окна дальней комнаты, не спуская глаз с солярия, а кроме нее, никого дома не было. Таким образом, Паккард должен был что-то заметить в вашем доме, миссис Прескотт. Как вы думаете, что это было?

— Не имею ни малейшего понятия!

— В доме Прескотта он ничего интересного не мог видеть, — с уверенностью сказал Дресколл, — потому что мы с Розалиндой были одни в доме. Она была в солярии, а я звонил по телефону.

— Так говорите вы. Интересно знать, что скажет Паккард, когда его найдут?

— Не знаю и не хочу знать... Его не могут найти?

Мейсон покачал головой:

— Он ушел из больницы и исчез. Кстати, Дресколл, где вы находились в тот момент, когда Паккард выходил из больницы?

— К чему вы клоните?

— Примерно через час после аварии?

Розалинда весело рассмеялась:

— Джимми был со мной в аэропорту. А точнее, мы уже летели в Сан-Франциско.

— Это еще далеко не все. Вас всех разыскивает полиция. Я об этом знаю абсолютно точно. Рита оставила ясный след благодаря хромой канарейке. Я нашел ее именно таким образом. А раз я сумел, то и полиция сможет. Если выяснится, что я разговариваю с вами, зная, что вы скрываетесь от правосудия, меня привлекут к ответственности как сообщника. Возникает резонный вопрос: могли ли я рассчитывать на ваше молчание?

Рита Свейн кивнула:

— Разумеется.

Розалинда возразила:

— Но ведь мы не скрываемся от правосудия, мистер Мейсон.

— Что-то не верится. Почему же вы в такой спешке прилетели в Рино?

— Я прилетела сюда, чтобы Вальтер не мог предъявить мне бумаги на развод. Я решила, что в Рино я сама подам заявление о расторжении нашего брака. Но, приехав сюда, я выяснила, что это можно будет сделать только после того, как я проживу здесь шесть недель. Я не хотела, чтобы Вальтер узнал о месте моего пребывания: я боялась, что он меня убьет. Так что в моем поведении нет ничего непонятного.

— А почему вы сюда прилетели, Рита?

— Чтобы привезти Розе необходимые ей вещи.

— И только для этого вы заказывали самолет?

— Я хотела успокоить Розе, что все прошло как по маслу: во-первых, я обманула миссис Надоеду, а во-вторых, вы согласились представлять Розе, и мне нужно было сообщить ей, что надо с вами связаться. Я подумала, что она сможет позвонить вам и договориться о свидании. Ведь она успела бы слетать туда и обратно, а Вальтер ничего бы не узнал.

— Не входили ли вы в его спальню, когда находились в доме сестры? — вдруг спросил Мейсон.

— В спальню Вальтера? Нет. Розе оставила платье на кровати в ее комнате. Я бегом поднялась туда, переоделась, спустилась вниз, в солярий, поймала канарейку, разыграла сценку для миссис Надоеды, сложила вещи Розе и сразу же забрала их с собой. Основной багаж я отправила экспрессом.

— Вы вызывали носильщика?

— Да.

— По какому адресу вы направили вещи?

— Милдред Свенс, Рино, до востребования. Понимаете, Роза сказала, что она зарегистрировалась в этой гостинице под этим именем.

— Не слишком ли хитроумные меры предосторожности только для того, чтобы избежать встречи с мужем?

— Я говорю правду.

Мейсон повернулся к Дресколлу:

— Что скажете, Дресколл? Будете ли вы молчать о причинах своего визита сюда?

— Похоже, что вы мне совершенно не верите. Я не вижу причин, почему я вам должен доверять. Поэтому ничего не обещаю.

— Джимми! — воскликнула Розалинда. — Неужели ты не видишь, что мистер Мейсон пошел на большой риск, чтобы нас защитить? Как ты...

В этот момент резко зазвонил телефон. Мейсон метнулся к аппарату.

— Алло?

Делла Стрит приглушенно проговорила:

— Сержант Голкомб с двумя местными загорелыми ше-рифами в широкополых шляпах только что прошли к лифту, шеф.

— Хватай машину. Лети в аэропорт. Жди меня там. Если через час меня не будет, возвращайся в контору одна. Быстрее вешай трубку.

Мейсон неистово нажал на рычаг, и местный оператор сердито ответил:

— Я вас слушаю.

— Я очень спешу, — сказал Мейсон. — Это Перри Мейсон, адвокат. Я хочу сообщить, что в комнате триста девяносто один находятся трое людей, которых разыскивает полиция Лос-Анджелеса: Розалинда Прескотт, зарегистрировавшаяся под именем Милдред Свенс, Джимми...

Джимми Дресколл подскочил к адвокату.

Мейсон, продолжая сжимать трубку левой рукой, быстро ударил Дресколла в челюсть. Молодой человек отлетел назад, а адвокат продолжал так же спокойно говорить по телефону, как будто его ничто не отвлекало:

— ...Дресколл. Оба они разыскиваются в связи с убийством Вальтера Прескотта в Лос-Анджелесе. Здесь же Рита Свейн, сестра Розалинды Прескотт, которую разыскивают для дачи показаний по тому же делу.

Дресколл, восстановив равновесие, снова ринулся вперед.

— Молодой человек, не будьте идиотом! Остановитесь! — крикнул адвокат. — Мышеловка захлопнулась. Слушайте. Розалинду и Риту будут допрашивать. Не отвечайте ни на один вопрос. Не отказывайтесь следовать в Лос-Анджелес. Не делайте ничего до тех пор, пока я...

Его голос прервал громкий стук в дверь. Мужской голос потребовал:

— Немедленно откройте!

Дресколл стоял, злобно глядя на Мейсона. Розалинда Прескотт смотрела на адвоката с совершенно ошеломленным выражением лица. Мейсон обошел Риту и открыл дверь.

Сержант Голкомб, сопровождаемый двумя загорелыми полицейскими, влетел в номер и остолбенел при виде Перри Мейсона.

— Вы?

— Собственной персоной.

Голкомб весь расплылся в насмешливой улыбке.

— Как это мило! Вы знаете, что этих людей разыскивает полиция. Вы нелегально переправляете их...

— Не кипятитесь, сержант. Я не имею никакого отношения к их переходу через границу.

— Это вы только так говорите, — фыркнул Голкомб.

— Да, я так говорю. И могу это доказать.

— Ну, ладно. Во всяком случае, мы поймали вас здесь, когда вы советовались, как бы обмануть полицию.

— И снова вы ошибаетесь.

— Да-а? Вам придется это доказать комиссии присяжных!

— Это ваша третья ошибка, сержант. Я приехал сюда, потому что имел предположение, что особа, зарегистрированная в этом отеле под именем Милдред Свенс, в действительности Розалинда Прескотт, которую, как мне известно, разыскивает полиция. Тот факт, что она является моей клиенткой по другому делу, не имеет к данному вопросу никакого отношения.

— Это еще нужно доказать!

— И как только я удостоверился, что мои предположения подтвердились, я решил ее выдать местным властям, — закончил адвокат с невозмутимым видом.

Голкомб расхохотался:

— Не смешите меня! Вы что же, воображаете, что я несмышленый младенец?

Мейсон кивнул в сторону телефона:

— Если вы будете любезны справиться у телефонистки, то вам подтвердят, что я просил об этом предупредить полицию за несколько минут до вашего появления.

Голкомб недоверчиво посмотрел на Мейсона, проворчал что-то про то, что надо поспешить, пока не успели подкупить телефониста, и подошел к телефону.

— Кто-нибудь с этого номера вызывал полицию?

В трубке что-то быстро заговорили. По физиономии сержанта было ясно видно, что ответ его разочаровал. Проворчав «ол-райт», он в сердцах бросил трубку на рычаг и повернулся к Мейсону:

— Чувствую, однако, что тут дело нечисто. Но пока мы этот вопрос оставим. Только не думайте, что я на этом успокоюсь. Все в свое время выяснится... Так вы говорите, что представляете Розалинду Прескотт?

— Да.

— И Дресколл?

— Нет.

— Риту Свейн?

— Да.

— Ол-райт. Как в отношении подчинения требованию о выдаче преступников?

— Вы их арестуете?

— Да. По подозрению в убийстве. Вы отклоняете это требование?

— Не отклоняю, а откланиваюсь. Только и всего.

— Так и уходите! — резко сказал Голкомб.

Мейсон взял в руки шляпу и заговорил:

— Запомните, мои подопечные: не отвечайте ни на один вопрос без моего присутствия. Вас никто не может заставить говорить, если вы не желаете. Так не желайте. Говорить буду я. Ничего не подписывайте. Учтите, что они прибегнут к старому полицейскому трюку: будут каждого в отдельности уверять, будто другие признались и...

Все трое полицейских с самыми мрачными физиономиями двинулись в его сторону, но Мейсон ловко выскользнул в коридор, успев сказать: «Спокойной ночи, джентльмены!» Он захлопнул дверь перед самым носом блюстителей порядка.

Деллы Стрит в холле не было.

Мейсон поехал на такси в аэропорт, нашел пилота и спросил его, не видел ли он Деллу.

— Нет. Я думал, она пошла с вами, — удивился летчик.

— Выводи свою машину и налаживай ее. Будь готов подняться в воздух в любую минуту.

Когда мотор разогрелся и начал работать с ритмичным шумом, из тени ангара появилась неясная фигура и осторожно коснулась руки Мейсона.

— Все о'кей, шеф?

— Господи, до чего ты меня напугала! Я уже решил, что они тебя сцапали!

— Нет, но я просто подумала, что мне лучше не показываться до самой последней минуты на случай, если они явятся сюда. Что вы-то делаете?

— Успел выйти сухим из воды: позвонил в последнюю минуту в полицию. Спасибо за своевременное предупреждение. Если бы не ты, я влип бы в хорошенькую историю. Голкомб с такой силой забарабанил в дверь, что чуть вообще ее не вышиб. Он все-таки чувствует что-то неладное, однако ни к чему не может придаться.

— Все готово, — сказал пилот, — летим?

— Летим, — ответил Мейсон.

Глава 8

Утреннее солнце заливало ярким светом личный кабинет Перри Мейсона.

Он остановился на пороге, глядя с добродушной усмешкой на Деллу Стрит, которая наводила порядок в циркулярах и каких-то бумажках, полностью закрывавших его стол.

Почетное место занимали лишь карты.

— Уважаемый капитан, где мы сейчас находимся? На Яве или в Сингапуре? Спустите, пожалуйста, трап, чтобы я мог сойти на берег.

— О'кей, шеф, — засмеялась она, — будьте внимательней, трап мокрый и скользкий. Ага, вы уже здесь?

— Потрясающе! Это мое палубное кресло? — спросил он, усаживаясь на свой вращающийся стул.

— Да, откиньтесь назад, расслабьтесь и полюбуйте окрестностями. Вон там Гонолулу. А в стороне Бриллиантовая Голова, господствующая над пляжем Вайкики. Видите, как туземцы ловко лавируют между рифами в своих каноэ? Времерс уверяет, что передвигаются они со скоростью тридцать—сорок миль в час, не опасаясь гребней даже самых высоких волн.

— Нет, это ерунда! Уж если экзотика, то самая настоящая. Подавай мне плотики, на которых надо плавать стоя!

— Но ведь умение плавать на них требует многолетней тренировки!

— Что ж, почему бы для разнообразия и не попытаться овладеть этим искусством? А куда мы двинемся из Гонолулу?

Делла ткнула пальцем в тонкую брошюрку:

— Токио. Вернее, пароход останавливается в Иокогаме. Сначала мы осмотрим Иокогаму, оттуда на машине проедем в Токио. Ну а оттуда на теплоходе в Коуб, пересечем на том же теплоходе Желтое море и очутимся в Шанхае.

— Ну а наземные прогулки?

— Можно останавливаться в любом месте, но ведь и отдохнуть тоже не мешает! Я считаю, что в этом отношении морское путешествие просто незаменимо. Не надо беспокоиться ни о носильщиках, ни о камерах хранения, выгрузке, погрузке. А если ваша душа стремится к абсолютному покою, уложите в саквояж плавки, халат, домашние туфли. Сидите себе на палубе, дышите морским воздухом, загорайте и радуйтесь, что нет ни опостылевшего телефона, ни истеричных женщин, ни хромых канареек.

— Это великолепно, Делла, — подмигнул адвокат. — Кстати, о канарейках, как ты считаешь, не послать ли нам телеграмму Дрейку и выяснить, как продвигается данное дело? В конце концов, мы должны заработать на каюту люкс.

— Да, я думаю, что мы вполне можем связаться с ним телеграммой, хотя, я надеюсь, он откажется с вами сотрудничать на время вашего отъезда.

— Несомненно. Итак, где мы сейчас?

— В Шанхае. Последняя остановка. Для чего затруднять себя телеграммами? Можно же просто заказать телефонный разговор.

— А ведь это мысль!

Делла быстро соединила адвоката с конторой Дрейка.

— Не забывайте, что мы добрались пока лишь до Шанхая, впереди Гонконг, Манила, Сингапур... Да, да, потрясающее путешествие. Не забудьте про Бали, Яву, Суматру. Скажите только «да», и я устрою все.

— О'кей, Делла. Обязательно отправимся в это путешествие. Впрочем, тут есть реальная опасность: во-первых,

мы так долго будем находиться на борту судна, что капитан успеет кого-нибудь убить, и мне придется приниматься за расследование. Ну, а потом ты по уши в него влюбишься и сбежишь на какой-нибудь необитаемый остров...

Но Делла уже говорила в трубку:

— Алло, Мейбл, это Делла. Пришел босс и хочет поговорить с Полом. О'кей, позови его. Одну минуточку, Пол. Передаю трубку.

— Привет, Пол. Что нового под солнцем?

— Газеты читал? — ответил вопросом на вопрос Пол.

— Да. Вижу, полиция очухалась в отношении Паккарда, потому что его исчезновению стала придавать огромное значение.

— Важно другое, они топчутся на месте. Неудивительно, что я ничего толком не сумел сделать, имея в своем распоряжении весьма ограниченные средства частного детективного агентства. Полиция перевернула небо и землю, но Паккард как в воду канул.

— Неужели они ничего не узнали про него в Олтвилле?

— Ничего такого, за что можно было бы зацепиться. Паккард стал основным свидетелем в деле, и вот все с ног сбились в его поисках. Высказывается предположение, что его амнезия восстановилась и теперь он снова не знает, кто он такой.

— Ты проверил все его возможные передвижения?

— Не сомневайся. Побывал в больницах, в тюрьмах, гостиницах. Всюду, где только можно искать приезжего. Разумеется, полиция проделала то же самое. Они прочесали город в поисках людей, страдающих амнезией. Нашли запойных пьяниц, идиотов, мошенников и бродяг, но о Паккарде ни слуху ни духу.

— Куда делась его легковушка?

— Полиция подумала, не договорился ли он с каким-то гаражом, сообщив фальшивый адрес. Они проверили все гаражи, которые дают легковые напрокат. Но все безрезультатно.

— А разбитую машину убрали?

— Нет. Оставили на месте, надеясь, что Паккард либо сам за ней явится, либо кого-то подошлет. Естественно, развалюха под наблюдением.

Мейсон хмурился все больше и больше.

— Слушай, Пол, приходи-ка сюда. У меня возникли кое-какие соображения, которыми я хотел бы с тобой поделиться.

Он опустил трубку, потом широким жестом показал на свой стол:

— Очень сожалею, Делла. Но отпуск кончился.

— Вы расхотели останавливаться в Шанхае?

— Нет, но придется пароходу отплывать, не дождав- шись нас. Мы возвращаемся на клипере.

— Именно этого я больше всего боялась... Послушай- те, шеф, надеюсь, вы не поставили окончательно крест на возможности когда-нибудь отдохнуть?

— Нет, — он по-мальчишески подмигнул, — нет. Мы поплывем, как по расписанию, как только мне удастся распутать дело о хромой канарейке. Понимаешь, оно ста- новится все более и более запутанным. Соответственно наша прогулка делается все более нереальной.

Пол Дрейк еле слышно постучал по матовому стеклу две- ри, ведущей в коридор. С ходу опустившись в свое любимое кожаное кресло, детектив спросил:

— Что ты там еще надумал, Перри?

— Всего лишь следующее: этот врач в больнице был из- лишне самоуверен и убежден в правильности своего диа- гноза.

— Что ты имеешь в виду?

— Травматическую амнезию, конечно. Человек попал в автомобильную аварию. У пострадавшего началась ам- незия. Доктор сразу решает, что это травматическая ам- незия. В девятистах девяноста девяти случаях из тысячи так оно и было бы. Но тогда больной не мог бы так бы- стро очухаться и уйти из больницы, а через несколько часов подвергнуться повторному приступу. А вдруг, Пол, это был случай хронической амнезии, когда человек по- гоянно находится на самой границе психической нормы.

— А такая амнезия существует?

— Не знаю. Я никогда не увлекался медициной. Моя сти- хия — устанавливать причинно-следственные связи. Скла- дывать, вычитать, делить и множить. Добиваться результа- тов. У меня самого ничего похожего на амнезию никогда не было, но сколько раз я забывал нужные мне имена. По-мо- ему, человек, забывший, кто он такой, испытывает пример- но то же самое, что испытывают рассеянные люди. Тебе из- вестно подобное состояние: ты можешь вспомнить все, что угодно, кроме нужного имени. Оно вот-вот мелькнет у тебя в памяти, но стоит на нем сосредоточиться, как оно тут же снова ускользает.

— Понятно. Валяй дальше.

— Если дело обстоит именно так, как я предполагаю, то этот человек то вспоминает, что он Карл Паккард из Олтвилла, то снова об этом забывает.

— Если я тебя правильно понял, то человека зовут сходно с автомобилем «паккард» и он действительно из Олтвилла?

— Вот именно. Давай рассуждать дальше. Не так уж много фамилий, похожих на «Паккард». Но «паккард» — известная марка машин. Вот я и подумал, не стоит ли проверить всех людей, исчезнувших из Олтвилла, с «машинными» именами: Форд, Линкольн, Обери и так далее. Этот человек довольно давно уехал на автомобиле и перестал писать родным и знакомым.

— Что ж, попытка не пытка.

— Теперь соображение номер два. Предположим, у этого парня случился очередной приступ, но поблизости не оказалось врача, который столь бы искусно навел его на мысль, что он Карл Паккард из Олтвилла. Теперь он наверняка назвался другим именем. Мы не знаем, сколько времени он пробыл в нашем городе. Значит, придется проверить всех, о которых было заявлено на протяжении ближайших двух месяцев. То есть если человек ушел из отеля или пансионата и не вернулся назад без примитивного намерения удрать, не расплатившись по счету, то это может послужить для нас отправным моментом. Наверняка у полиции имеются данные о всех таких происшествиях. Свяжитесь с бюро по пропаже людей в Центральном полицейском управлении. Только побыстрее, потому что полиция тоже может додуматься до этого, в ней сидят не одни Голкомбы. Я бы хотел потолковать с Паккардом до того, как он угодит в лапы окружного прокурора. И не забывай, доктор Боллас говорил, будто Паккард собирался отправляться в Сан-Диего. Так что не оставь без внимания и этот момент.

— Я немедленно принимаюсь за дело. Но вот еще что, Перри. Я выяснил очень многое про Прескотта. Большая часть материала не представляет особого интереса. Но пока я не соберу еще дополнительный материал и не объединю все в единое целое, говорить о чем-либо рано. кое-что тебе добыть гораздо проще, чем мне.

У Прескотта имелся счет в банке «Секонд Фиделити». Естественно, они не дают информации о делах своих клиентов каждому встречному-поперечному. Но одно могу сказать твердо: в этой истории что-то нечисто. Ведь основ-

ные вклады были внесены наличными, причем огромными суммами. И если только у Прескотта нет золотых приисков, то он делает деньги «левым путем».

— Можешь не сомневаться. У собственной жены выудил двадцать тысяч. Мне бы очень хотелось выяснить, можно ли это проверить по его счету.

— Если мои сведения верны, то двадцать тысяч — это капля в море. С начала этого года он положил в банк около пятидесяти тысяч.

— Что?

— Ты не ослышался: пятьдесят тысяч. На сегодняшний день у него на счете около восьмидесяти тысяч. Предупреждаю, Перри, мои источники неофициальные. Банк мне подобной справки не давал.

— Важно другое: человек, сообщивший эти сведения, высказывал предположение или нет?

— Сначала я тоже так решил, но потом убедился, что эта информация вовсе не плод чьей-то необузданной фантазии. Послушай, ведь ты представляешь интересы вдовы Прескотта. Поэтому мы можем сходить к управляющему банком и совершенно официально запросить у него сведения о Прескотте.

— Боюсь, что они не станут откровенничать на эту тему до тех пор, пока ее не введут во владение.

— Поскольку речь идет о кругленькой сумме, они не захотят быть чересчур придирчивыми, чтобы не поссориться с наследницей и лишиться таким образом богатой клиентки.

— Что ж, попытаться можно...

Раздался звонок, Делла подняла трубку, потом повернулась к Мейсону:

— Это Карл Хелмелд. Он настолько возбужден, что ничего нельзя понять. Он просит вас немедленно приехать.

Мейсон кивнул, взял трубку параллельного аппарата, стоящего у него на столе, и сказал:

— Здравствуйте, Карл. Что произошло?

— Ради бога, быстрее!

Это был настоящий крик о помощи.

Мейсон опустил трубку на рычаг, подмигнул сидящему напротив детективу и сказал:

— В каждом деле сначала на тебя обрушивается масса разрозненных, запутанных сведений, усложняющих обстоятельства, но понемногу всему находится объяснение: самое сложное становится простым и ясным, надо только начать

распутывать с нужного конца. В этом деле все началось с хромой канарейки, но с тех пор невероятно разрослось и запуталось. Причем все новые факты, обнаруживающиеся в ходе расследования, пока только все усложняют.

Дрейк кивнул:

— Еще она деталь, Перри: неплохо бы тебе заехать на Лоран-Билдинг и поговорить с Джорджем Реем, партнером Прескотта. Даже если у тебя ничего не выгорит в банке, с Реем у тебя должно получиться, потому что ему все равно придется отчитываться перед вдовой Прескотта, а ты, как ее поверенный, можешь тоже устроить ему кучу неприятностей. Скажем, придраться к делам его агентства, правильности ведения учета и так далее.

Мейсон согласно кивнул, взял шляпу и улыбнулся Делле:

— Ну, я поехал. Теперь ты видишь, каково договариваться с дорогим сыскным агентством о вспомогательной работе? Он сидит развалившись в твоём кабинете, а ты изволь шнырять по городу в соответствии с его указаниями. Ладно. Мне надо забежать побриться, ну а потом я буду либо в конторе «Прескотт и Рей» на Лоран-Билдинг, либо в банке «Секонд Фиделити». Так что, Делла, в случае необходимости ищи меня там. Пошли, Пол, пройдем вместе хотя бы до лифта. Мне хочется задать тебе парочку вопросов. А как дела с найденным полицией револьвером? Не из него ли был убит Прескотт?

— Из него. Мало того, по номеру было точно установлено, что револьвер принадлежит Дресколлу. Все три пул. были выпущены с близкого расстояния именно из этого револьвера.

— Когда наступила смерть?

— Патологоанатом даже после вскрытия не смог ответить определенно. Ты же знаешь, как они осторожничают! Копаются в желудке покойника, толкуют о каком-то трупном окоченении, а время убийства называют столь неопределенно, что хоть плачь.

— Понятно... Ну а что говорит патологоанатом?

— Говорит, что убийство произошло между двенадцатью и двенадцатью тридцатью.

— Господи! Тело было найдено около пяти часов!

— Да, примерно. Но сузить временные рамки они никак не соглашаются. Полицию такой вариант вполне устраивает, потому что как раз в это время в доме видели Джимми Дресколла с его злосчастным револьвером.

Мейсон нажал на кнопку, вызывая вверх кабину лифта.
— А вдруг это все-таки Рита решила сыграть злую шутку с сестрой и...

Кабина поднялась, дверь лифта плавно раскрылась, Мейсон вошел в нее со словами:

— О'кей, Пол. Начинай поскорей работать по этим новым направлениям. Сразу же сообщи мне, если что-нибудь прояснится.

Всю дорогу до зоомагазина Карла Хелмелда Мейсон продолжал хмуриться.

— Что случилось, Карл? — были его первые слова, когда он увидел взволнованного владельца магазина.

— Они забрали ее, герр Конселор! Они ее забрали!

— Вы имеете в виду канарейку?

— Да. Да. Они явились — полиция — и забрали птичку.

— Интересовались, почему канарейка хромает?

— Нет. Но лапки ее осматривали.

— Как вы думаете, они что-нибудь понимают в канарейках?

— Нет, но они сказали, что покажут ее эксперту.

— Не расстраивайтесь из-за этого, мистер Хелмелд. Этого следовало ожидать. Я думал было убрать пичугу подальше, но этого нельзя было сделать, не впутывая вас, а я этого как раз и не хотел.

— Эта птичка — улика? — спросил Хелмелд.

— Во всяком случае, они так считают. Ол-райт, Карл. Не переживайте. Огромное спасибо, что вы мне обо всем рассказали.

Выйдя из зоомагазина, Мейсон зашел в парикмахерскую побриться, потом остановил такси и поехал к Лоран-Билдинг.

На указателе Мейсон прочитал, что правление фирмы «Прескотт и Рей» помещается на четвертом этаже в комнате 382.

Мейсон поднялся на лифте, прошел до комнаты номер 382, распахнул дубовую дверь и сказал рыжеволосой девице, которая с любопытством посмотрела на него искусно подведенными глазами.

— Я — Перри Мейсон. Мне нужно побеседовать с мистером Джорджем Реем. Скажите ему, что это срочно.

Он машинально смотрел, как ее быстрые пальчики ловко пробежались по телефонному диску. Вот она кивнула в сторону двери с надписью «Личный кабинет» и сказала:

— Мистер Рей ждет вас.

Не успел Мейсон дойти до двери, как ее распахнул коренастый полный человек, схватил протянутую руку Перри, энергично пожал ее и закричал:

— Мистер Мейсон! Какое удовольствие вас видеть! Я столько о вас наслышан, столько читал в газетах! Мне так хотелось с вами познакомиться, но я никак не мог предположить, что это произойдет в нашей скромной конторе. Входите же! Входите скорее и садитесь!

Мейсон повернулся к рыженькой секретарше:

— Будьте любезны, если будут звонить Перри Мейсону, позовите меня.

Она смотрела на него с явным интересом и с не менее явным одобрением.

— Непременно, сэр.

Мейсон позволил Рею довести себя до большого кресла. Автоматически запирающаяся дверь громко щелкнула у них за спиной.

— Ну и ну, как я рад вас видеть! — продолжал Рей. — Я сам собирался поехать в вашу контору, но, зная, насколько вы заняты, я не решался вас беспокоить. Это весьма неприятная история. Вдвойне неприятная, потому что замешана вдова Вальтера. Не могу взять в толк, как полиция может подозревать ее в чем-либо подобном.

— Вы не подозреваете?

Рей энергично затряс головой:

— Нет, боже упаси! Я знаю ее восемь или девять месяцев. Она настоящая леди с ног до головы.

— Значит, вы были с ней знакомы еще до замужества?

— Да, мы познакомились с ней почти одновременно с Вальтером. По-моему, они поженились с полгода назад.

— Значит, он совсем недолго за ней ухаживал?

Рей кивнул. Его шумная сердечность улетучилась неизвестно куда, он смотрел на адвоката подозрительным, холодным взглядом.

— Безусловно, в подобных обстоятельствах произойдет некоторая заминка в оформлении, но рано или поздно миссис Прескотт вступит во владение. Многое зависит от того, оставил ли мистер Прескотт завещание. Вот я и решил, что вы сначала захотите поговорить со мной, так сказать, совершенно неофициально.

К Рею сразу вернулась его неумная общительность.

— Уверю вас, мистер Мейсон, я буду очень рад сотрудничать с вами решительно по всем вопросам. Миссис

Прескотт может не волноваться из-за завещания. Она имеет дело с честным человеком.

Мейсон протянул Рею портсигар, взял и себе сигарету, щелкнул зажигалкой и только после этого спросил:

— Почему ей не надо беспокоиться о завещании?

— Потому что все было продумано заранее.

— Каким образом?

— Об этом побеспокоился сам Вальтер. У нас имеется у каждого страховка на случай смерти партнера. Его жизнь застрахована на двадцать тысяч долларов в мою пользу, моя жизнь — на столько же в его пользу. Договор и партнерство предусматривают, что в случае смерти одного из партнеров его жена получает двадцать тысяч долларов вместо доли в деле.

— Двадцать тысяч долларов?

Рей кивнул.

— Довольно большая сумма, не так ли? Если бы вы захотели ликвидировать свое дело, неужели вы получили бы за него сорок тысяч?

— Нет, уверен, что нет. Именно из этих соображений каждый из нас застрахован на максимальную сумму. И жена, вернее, вдова умершего как раз получает сумму этой страховки. При этом дело остается в руках другого партнера. Понимаете, мы вносили страховые проценты вместе из общей прибыли, поровну на нас двоих.

— Так было договорено с самого начала?

— Да.

— Миссис Прескотт тоже подписывала данный договор?

— Да, она его подписала, и моя жена тоже. Все это юридически оформлено и совершенно узаконено. Удивляюсь, что миссис Прескотт вам об этом не рассказала. Возможно, она не вполне поняла, что это такое. Ведь у нее сейчас полно собственных забот. Скажите, неужели ее посадили в тюрьму?

— Ее задержали.

— Какой позор! Возможно, она не разобралась в сущности нашего соглашения о партнерстве. Объясните ей, прошу вас. Как только я получу страховку, я передам ее миссис Прескотт, взяв от нее взамен отказ от каких-либо претензий на участие в деле.

— Не могли бы вы показать мне это соглашение?

— Конечно, конечно. Признаться, я был уверен, что вы попросите об этом, и попросил Розу положить его на мой стол.

— Розой зовут ту девушку в приемной?

- Розой Хендрикс, да.
- Давно она у вас работает?
- Не очень. Месяца четыре-пять. Очень исполнительная и весьма привлекательная.

Мейсон кивнул и погрузился в чтение документа, который протянул ему Рей.

- Толково составлено, — похвалил он.
- Совершенно верно, — просиял Рей, — его проверял адвокат страховой компании после того, как наш поверенный составил его для нас.

— Как я понимаю, на момент составления данного соглашения вы оценили половину делового интереса в данной компании в двадцать тысяч долларов. Если бы в действительности эта половина была значительно ниже, вдова умершего партнера все равно получила бы двадцать тысяч? И если, наоборот, предприятие было бы более выгодным, ничего бы не изменилось?

— Мы договорились, что в последнем случае страховая сумма будет увеличена.

— Понятно. Не будете ли вы столь любезны назвать действительную сумму стоимости вашей компании?

Рей долго изучал поверхность стола, потом сказал:

— Боюсь, мистер Мейсон, что сделать это будет очень трудно, потому что у нас нет такой бухгалтерии, как в торговых предприятиях.

— Мне все это понятно, — прервал его Мейсон, — но ведь я не требую у вас точных цифр. Меня интересует, сколько вы получаете прибыли?

— Это зависит исключительно от личной инициативы.

— Хорошо. Спрошу иначе. Сколько вы заработали за прошлый год?

Рей отвел глаза от лица Мейсона и уставился на большой сейф, помешавшийся в углу комнаты. После долгой паузы он заговорил:

— Мне думается, каждый из нас получил тысяч по шесть долларов.

— И вы, и мистер Прескотт заработали по шесть тысяч долларов?

— Около того.

— В таком случае Вальтер Прескотт не мог вложить какие-либо средства в бизнес.

Рей неожиданно улыбнулся:

— Все ясно. Вас интересуют те деньги, которые, как уверяет Розалинда Прескотт, она дала ему вложить в дело?

Мейсон кивнул.

— Сказать по правде, мистер Мейсон, ей бы лучше помолчать на этот счет. Ее денег в нашем деле нет.

— Как вы считаете, она давала ему эти двадцать тысяч?

— Трудно сказать. Но раз она говорит, что да, я склонен ей верить.

— Ну, а если Вальтер уверил, что она ему ничего не давала, это повлияет на ваше мнение?

— Трудный вопрос.

— Понимаю.

— Что же, я не буду менять своего отношения к этому вопросу, — после недолгого колебания сказал Рей.

— Но в таком случае куда Вальтер мог девать такие деньги?

— Не принимаете ли вы меня за ясновидящего?

— Нет, я просто интересуюсь вашим мнением.

— Я не знаю.

— А как насчет женщин?

— Ну, нет! — Рей даже замахал руками. — Только не женщины. Вальтер был не из таких.

— Почему вы так считаете?

— Вы с ним не были лично знакомы?

— Нет.

— Если бы вы его знали, то поняли бы, что я прав. Невольно думалось, что у него рыба кровь, а не человеческая. Он был похож на старого книжного червя или счетовода. К тому же он трудно сходился с людьми, отталкивал всех своей необщительностью. Все разговоры я брал на себя, развезжал, уговаривал. Ну а Вальтер...

Ему не дал договорить звонок телефона, стоящего на столе. Рей схватил трубку, радуясь возможности подумать.

— Алло... Это вас, мистер Мейсон.

Он протянул трубку адвокату.

— Алло?

Пол Дрейк четко произнес:

— Ты выиграл, Перри.

— Что я выиграл?

— Тебя не обманули предчувствия. Я тут развил бешеную деятельность — и нашел-таки Паккарда, но под другим именем.

— Под каким?

— Джексон Браун.

— О'кей. Ну и что с этим Джексоном Брауном?

— Он исчез примерно две недели назад. Снимал комнату в пансионате для холостяков на Западной Тридцать пятой улице. Плата была внесена вперед. Несколько друзей. Вполне приличные отношения с хозяйкой. Подписка на еженедельную газету. Парочка приятельниц, которые иногда заходили выпить коктейль. Типичный коммивояжер, одним словом.

Потом он исчезает. Перед дверью накопилась стопка газет. Письма никто не распечатывает. Он отдал в чистку костюм и все беспокоился, как бы они его не задержали слишком долго. Так этот костюм из чистки не взят. Одна из подружек позвонила хозяйке и сказала, что она договорилась с Брауном встретиться, но он не явился на свидание. Она, дескать, боится, что с ним что-то случилось. После разговора с ней хозяйка известила полицию. Полиция выяснила только, что он вывел, как обычно, свою машину из гаража — и исчез. Хозяйке он сказал, что работает коммивояжером. Но никто толком не знает, что он именно продавал. Полиция пыталась выяснить хоть что-то об этом Джеконе, но уперлась в голую стену. Даже не смогла узнать, где он работает. Согласно теории полиции, работодатель Брауна заявил бы в свое время об исчезновении, если бы Браун действительно исчез. Ничего не разведав, они просто положили заявление хозяйки под сукно. Правда, папка на него заведена в бюро о пропавших людях.

— Почему ты думаешь, что он — тот человек, который нам нужен? — спросил Мейсон.

— По машине. Я сходил в гараж, где он ставил свою легковую, узнал, что ее недавно ремонтировали, разыскал механика, отвез его к разбитой машине и показал ему. Он сразу же ее узнал, даже показал, что именно он ремонтировал. Сейчас мы оба в аптеке, откуда я звоню.

— Как оказалось, что эта машина была зарегистрирована на имя Карла Паккарда?

— Не знаю. Ясно одно: это точно машина Брауна... Заводской номер машины не совпадает с номером, указанным в сертификате.

— Ты уверен?

— Да. Мне на это указал механик. Когда он ремонтировал машину, у нее был другой регистрационный номер, она была записана на Джексона Брауна. Нынешние водительские права совпадают с номером Карла Паккарда, в нем указана та же марка машины. Но машина не та.

Мейсон наморщил лоб.

— Что ж, Пол. Кажется, мы сдвинулись с мертвой точки. Придется поработать по линии регистратуры, тогда вторая машина даст нам направление нашей дальнейшей деятельности. Действуй, не теряя времени. Я тебе скоро позвоню.

Положив трубку, он сказал Рею, что хотел бы вернуться к вопросу о партнерстве.

— Прошу прощения, — прервал его Рей, — вы только что по телефону упомянули имя некоего Джексона Брауна. У него не произошло никаких неприятностей?

Мейсон с совершенно непроницаемым лицом потянулся за сигаретой, которую положил на край пепельницы, разговаривая по телефону, и спросил самым безразличным тоном:

— Ваш знакомый?

— Да, как же, я его хорошо знаю.

— Как давно вы его видели?

— Вчера.

— Утром или днем?

— Утром. Скажите же, у него что-нибудь случилось?

— Он не появляется на квартире, и его хозяйка известила об этом полицию.

Рей громко расхохотался.

— Ну и насмешили же вы меня! Джексон, Джексон Браун пропал! Господи помилуй, да он и из города никуда не выезжал. За две недели я видел его раза три-четыре. А вчера утром он приходил в контору.

Перри Мейсон, откидываясь на стуле и скрещивая далеко вытянутые длинные ноги, спросил:

— Страхование?

— Не совсем, — ответил Рей.

Мейсон всем своим видом показывал, что ждет разъяснений.

Его собеседник заерзал на стуле и промямлил:

— В конце концов, мистер Мейсон, поскольку вы представляете миссис Прескотт, являясь как бы членом семьи, я уверен, что могу вам полностью доверять. Браун — как бы это выразиться? — осуществлял гарантию страхования.

— Он чем-то торговал?

— Да нет, не торговал. Он расследовал пожары на тот предмет, возникали ли они случайно или нет. Ну, а если обнаруживал какую-то подтасовку, он знал, что делать. Он опытный работник.

- Понятно. Нечто вроде неофициального детектива?
- Совершенно верно.
- По какому поводу он вчера приезжал?
- Собственно говоря, особого дела у него не было. Заглянул поболтать. Вообще-то он кузен моей жены.
- Вы не знаете, где я смогу его сейчас найти?
- Через правление страховых агентов. Только, Мейсон, прошу вас не показывать, что я вам рассказал о его обязанностях. Понимаете, о таких вещах говорить не принято.
- Другим страховым агентам об этом известно?
- Боже упаси, нет!
- Ну, а ваш партнер, он, наверное, знал?
- Нет, он ни разу не встречался с Брауном. Понимаете, он замаскировался под коммивояжера, чтобы ловить с полочным тех людей, за которыми он охотился. Мне случайно известно, что в данный момент он расследует крупное мошенничество. За последние два месяца произошло не менее двенадцати больших пожаров, которые, по всем признакам, организовала одна шайка поджигателей.
- Послушайте, Рей. Я хочу попросить об одной услуге, что очень поможет миссис Прескотт. Я бы хотел, чтобы вы связались с Джексонном Брауном. Мне необходимо с ним встретиться как можно скорее, но так, чтобы это не стало известно полиции. Как вы думаете, вам удастся это устроить?
- Ну, разумеется. Позвоню Клэр, моей жене, и через час он будет у вас.
- Не забывайте, он ушел из дома две недели назад и больше туда не показывался. Он договорился о свидании с одной девицей, есть основания предполагать, что он страдает частичной потерей памяти.
- Я убежден, что он работает по этому делу, только и всего. Клэр знала бы о его заболевании. Вчера я сам разговаривал с ним утром, он был совершенно нормальным.
- Значит, он вас узнал?
- Разумеется. Господи боже мой, мистер Мейсон, я не знаю, что и кого вы разыскиваете, но сейчас вы идете по ложному следу. Джексон в полном порядке. Естественно, он вынужден скрывать свои методы, но в остальном...
- Поймите меня правильно. Мне необходимо поговорить с Брауном до того, как им займется полиция.
- Полиция?
- Он может оказаться свидетелем за миссис Прескотт или против нее.

— Он не станет свидетельствовать против нее. Вы можете быть в этом уверены, потому что Джексон Браун скажет правду, а правда не повредит Розалинде Прескотт. Я понятия не имею, кто убил Вальтера, но убежден, что не она. Если Джексону Брауну что-то известно, он ничего не будет скрывать. На него никто не может повлиять.

— И вы надеетесь, что сумеете договориться о нашей встрече в самое ближайшее время?

— Абсолютно уверен!

Мейсон поднялся, протянул Рею свою визитку и сказал:

— Здесь имеется номер телефона моего офиса. Спросите мисс Стрит. Это мой секретарь. Скажете, кто вы такой, и она немедленно вас соединит со мной, если я буду на месте. А если меня не будет, она мне в точности передаст все, и я сам вам позвоню, как только смогу.

Рей подошел к Мейсону и крепко пожал ему руку.

— Страшно хотел бы быть вам полезным, мистер Мейсон. И если миссис Прескотт нужны наличные, чтобы расплатиться с вами, я сумею для нее это устроить. Понимаете, деньги по страховке я получу в ближайшие дни и сразу же передам их ей. Так что я с радостью готов ей помочь.

— Мне думается, в этом нет необходимости. Но вот встреча с Брауном — очень важна. Если вам удастся договориться о нашем конфиденциальном разговоре — и я, и миссис Прескотт будем вам крайне благодарны.

Фредерик Карпентер, заместитель управляющего банком «Секонд Фиделити», направил на Перри Мейсона свои водянисто-голубые глаза, с бесстрастным видом выслушал объяснения адвоката, осторожно провел ладонью по лысой голове и только после этого заговорил противным, скрипучим голосом:

— Я не вижу причин, по которым наш банк должен нарушать раз и навсегда установленные законом порядки. Когда миссис Прескотт будет введена во владение, она оформит на вас соответствующую доверенность, и только после этого вы будете ознакомлены со всеми бумагами и делами моего вкладчика.

— В данный момент меня интересует только, сколько денег находится на счете мистера Прескотта. Не можете ли вы дать мне эту информацию?

— Не вижу никаких оснований делать это.

— Суд должен принять во внимание размеры состояния при разбирательстве, — напомнил Перри Мейсон.

— Разумеется, обстоятельства данного дела необычны.

— В каком смысле?

— Вероятно, миссис Прескотт будет обвинена в убийстве своего мужа.

— Это вас не касается ни с какой стороны.

— Я должен посоветоваться с адвокатом.

— Сколько времени понадобится, чтобы выяснить мнение адвоката?

— Не могу сказать.

— Послушайте, — в голосе Мейсона зазвучали стальные нотки, — я не знаю, сколько денег положено в ваш банк. Рано или поздно миссис Прескотт станет полновластной распорядительницей всех своих средств. Ваше отношение не будет способствовать тому, чтобы она захотела сотрудничать с вами в дальнейшем.

— Весьма сожалею, — промямлил Карпентер.

— Вам это безразлично?

— Очень печально, что обстоятельства складываются столь неблагоприятно...

— Ваши сожаления ровным счетом ничего не стоят!

— Лично я ничего не могу сделать!

— В таком случае пеняйте на себя. Как поверенный миссис Прескотт, я заявляю вам совершенно официально, что ваше отношение к ее интересам таково, что она по моему совету обратится в другое учреждение.

— Весьма сожалею.

Взбешенный, Мейсон с силой хлопнул тяжелой дверью кабинета. Сидевший за столом мистер Карпентер прс должал все так же осторожно поглаживать свою лысину. Только после того, как адвокат вышел, он потянулся к телефону.

Мейсон зашел в ближайший автомат и набрал номер конторы Пола Дрейка.

— Послушай, — сказал он, — по-моему, мы на что-то вышли по линии Брауна. Я сейчас этим займусь, но ты, в свою очередь, продолжай расследование с другой стороны. Строго между нами: он работает следователем или детективом по делам страхования от пожаров. В настоящий момент он занят каким-то крупным мошенничеством, так что его исчезновение может быть намеренным. Тогда «травматическая амнезия» вполне объяснима. Я уверен, что правление страховых агентов без особого энтузиазма

отнесется к твоим расспросам. Но если ты дашь сведения о каких-то непонятных пожарах, возникших за последний месяц, правление наверняка направит на проверку Джексона Брауна. Ты сам понимаешь, что я хочу встретиться с ним. Встретиться и все выяснить, но только до того, как им займется полиция.

— О'кей, Перри, постараюсь.

— Еще одно: поинтересуйся Розой Хендрикс, которая работает секретаршей в конторе Прескотта и Рея. Рыженькая куколка с выражением лица довольной кошечки. Интересно бы знать, что сможет развязать ей язычок.

— Ясно, Перри.

Глава 9

Перри Мейсон вошел в свою контору.

Делла Стрит жестом указала ему на двери приемной и сказала:

— Абнер Диммик из «Диммик, Грей и Пибоди» и его молодой помощник по имени Родней Кафф уже порядочно времени ждут вас.

Мейсон присвистнул.

— Интересно, что означает этот визит? «Диммик, Грей и Пибоди», так сказать, юридическая аристократия. Они являются поверенными только в крупных банках. Берутся только за совершенно ясные дела. Какого черта, как ты думаешь, им надо от меня?

— Возможно, ничего существенного.

— Из-за пустяков Абнер Диммик не явился бы ко мне в контору.

— Пригласить их сюда?

— И немедленно. И со всеми подобающими для них почестями.

— Не думаете ли вы, что они представляют банк, шеф.

— «Секонд Фиделити»?

— Да.

— Разумное предположение. Оставайся и выслушай все, что они скажут. Лучше всего было бы застенографировать нашу беседу.

Делла кивнула, выскользнула из кабинета и почти сразу же вернулась в сопровождении почтенного седовласого джентльмена. В руке у него была давно вышедшая из моды трость с тяжелым набалдашником. Несколько позади шел

молодой человек лет двадцати шести — двадцати восьми. Бесшабашные огоньки в его глазах находились в явном контрасте с почтительными манерами и скромным выражением лица.

Старик твердыми шагами подошел к столу.

— Как поживаете? — спросил он отрывисто. — Вы — мистер Мейсон? Я представитель фирмы «Диммик, Грей и Пибоди». Надеюсь, вы слышали о нас. Мы тоже слышали о вас.

Переложив трость в левую руку, он протянул правую Мейсону, продолжая говорить:

— Только прошу поосторожнее. Я старик, у меня ревматизм. Это мистер Кафф, Родней Кафф, мой помощник по конторе. До сих пор я не смог выяснить, будет ли из него толк или нет. Я полагаю, что он не создан для работы нашего плана.

Мейсон пожал руку мистеру Диммику, жестом пригласил его занять удобное кресло и улыбнулся молодому человеку.

Диммик, тяжело опираясь на трость, тихонько опустился на сиденье. Кафф предпочел обыкновенный стул, вытянул вперед скрещенные ноги и с явным восторгом принялся разглядывать Деллу Стрит.

У Абнера Диммика был высокий лоб, обрамленный серебряными кудряшками, кустистые брови, которые то опускались, то взлетали вверх, подчеркивая значение изреченных фраз. Под глазами виднелись стариковские мешки, а плотно сжатый рот напоминал стальную ловушку. Снежно-белые усы, удивительно подходившие к бровям, делали его похожим на рождественского Санта-Клауса.

— Фирма «Диммик, Грей и Пибоди» оказалась замешана в уголовное дело. Вы представляете, что это значит? Если бы мне кто-нибудь посмел раньше об этом сказать, я бы высмеял этого человека!

— И вы подумали, не смогу ли я вам чем-нибудь помочь?

Мистер Диммик кивнул.

Родней Кафф неодобрительно кашлянул.

Старик метнул в него сердитый взгляд и сказал:

— Постарайтесь справиться с приступом неприличного кашля, молодой человек. Я знаю, что делаю.

Кафф промолчал и закурил сигарету.

Делла Стрит с большим интересом переводила глаза с Мейсона на его посетителей.

— Мы занимаемся делами банка «Секонд Фиделити», — продолжал мистер Диммик, — они являются душеприказчиками по заверенному завещанию, единственным наследником по которому является молодой человек по имени Джеймс Дресколл. Вы понимаете, что это значит?

Мейсон удобно устроился в кресле, тоже закурил и устало заметил:

— Начинаю понимать.

— По условиям завещания мы обязаны давать Дресколлу все юридические советы, если он будет в таковых нуждаться. Без разрешения своих душеприказчиков он не имеет права обратиться к другому адвокату. Так вот, этот мистер Дресколл ухитрился попасть в дело об убийстве.

— Почему вы обратились ко мне?

— Нам требуется ваша помощь.

И снова Родней Кафф слегка кашлянул.

— Вы хотите, чтобы я взял на себя защиту мистера Дресколла?

— Не совсем так. Нам бы хотелось, чтобы вы сотрудничали с нами. Представлять его будем мы. Вы, насколько нам известно, представляете Розалинду Прескотт. Поскольку их интересы совпадают...

— Извините, что прерываю вас, но я не согласен, что их интересы совпадают!

— Именно то, о чем я вас предупреждал, мистер Диммик, — вмешался Кафф, — совершенно очевидно, что...

— Помолчите, Родней! — негромко сказал Диммик, не отводя глаз от лица Мейсона. — Почему вы говорите, что они не идентичны?

— Потому что я так считаю.

— Неужели вы хотите сказать, что Розалинда Прескотт виновна в преступлении, к которому Джеймс Дресколл не имеет никакого отношения? Это невозможно!

— Нет. Я думаю иначе.

— Лично меня это дело выводит из равновесия. И крайне смущает. Мне и во сне не снилось, что мое имя будет упоминаться в связи с уголовным преступлением. Но банк настаивает, чтобы я сам возглавлял защиту. Конечно, можно нанять адвоката, специалиста по подобным вопросам, который бы действовал со мной заодно. Однако по условиям завещания я за все несу персональную ответственность. Теперь вы понимаете, как мне неприятна вся эта история?

Мейсон кивнул.

— Так вот. Мы бы хотели объединиться с вами, — выделяя местоимения, сказал Диммик. — Мне уже звонили из банка, что вы приезжали туда и задавали вопросы.

Мейсон кивнул.

— Было бы совсем неплохо обменяться информацией, — продолжал Диммик, — и выработать совместный план действий.

— Благодарю вас, но меня такая перспектива не привлекает. Я хочу быть совершенно свободен, иметь полную свободу действий и представлять своих клиентов так, как сочту необходимым.

— Неужели вы не понимаете, — не выдержал Родней Кафф, — что ему хочется свалить вину на мистера Дресколла, если только представится такая возможность.

Диммик продолжал смотреть в лицо Перри Мейсона.

— Понимаете, мистер Мейсон, я не силен в подобных вопросах. Как правило, ко мне приходят с просьбами. На этот раз я сам обратился к вам с просьбой. Мне известно, как вы искусно проводите своих подзащитных между всеми рифами зала заседаний. Я прекрасно понимаю, что вы были бы неоценимым союзником и опасным противником. Если вы ясно видите...

— Прошу прощения, мистер Диммик, но я ничем не могу себя связывать. До и во время суда надо мной ничто не должно довлеть. Я не могу предавать интересы своих клиентов, подписывая соглашения с другими лицами.

— Иными словами, мистер Мейсон, — спросил Кафф, — вы попытаетесь обвинить в убийстве Дресколла?

— Если я буду считать его виновным.

— По вашему мнению, он виновен?

— Пока не знаю.

— Но если он виновен, то виновна и ваша клиентка?

— Не обязательно.

Абнер Диммик оперся на трость и с огромными предосторожностями поднялся с кресла. Родней Кафф угрожающе произнес:

— Только не думайте, что мы будем сидеть сложа руки и наблюдать, как вы топите мистера Дресколла.

— Я так не думаю.

Диммик раздраженно заговорил:

— Должен признаться, что подобные вещи мне ужасно не нравятся. Я ненавижу судебные заседания. Присяжных. Совершенно не переношу уголовные процессы. Я слишком стар, чтобы учиться новым трюкам. Зато Родней в

восторге. Отец Роднея — мой старинный друг. Я обещал ему позаботиться о мальчике. Но наша практика его не интересует. Если хотите знать, он ваш страстный поклонник. Он только и говорит о следствии и о том, как дело будет выгладеть с точки зрения суда. Так вот, Родни, тебе представилась прекрасная возможность отличиться.

Кафф подтянулся и сказал:

— Пожалуйста, мистер Мейсон, не подумайте, что я совсем желторотый птенец. Я занимался судебной практикой, правда, в провинции. Но папа настаивал, чтобы я перебрался в город, а мистер Диммик обещал меня продвинуть. Можете быть уверены, что в зале заседаний я не растеряюсь.

— Рад это слышать. — Мейсон был отменно вежлив. — Я рад нашему знакомству, джентльмены.

Диммик первым двинулся к двери. Он задержался на пороге, ожидая, когда Родней Кафф распахнет перед ним дверь. Уже выходя в коридор, он еще раз проговорил:

— Мне это все не нравится. Более того, врач запретил мне волноваться. Необходимо сохранять спокойствие! Не волноваться! Мне семьдесят лет, и я должен выступать на уголовном процессе! А коли я буду волноваться, это может привести к смертельному исходу. Пошли, Родней! Не будем больше отнимать у мистера Мейсона время. Рад был с вами познакомиться, Мейсон. До свидания!

Он вышел в коридор. Стук его трости раздавался до тех пор, пока старик и Кафф не вошли в лифт.

Посмотрев на Мейсона, Делла громко рассмеялась:

— Ну и положеньице, скажу я вам!

— Мир полон подобных «положеньиц», причем они далеко не всегда нравятся, — усмехнулся адвокат.

— Почему вы не согласились с ними сотрудничать?

— Потому что я сначала должен окончательно выяснить роль Джимми Дресколла в этой истории. Уж слишком в нем много стремления прятаться за женские юбки, чтобы он мог меня заинтересовать, о симпатии и говорить не приходится.

— Эмиль Скэнлон, коронер, звонил по телефону: Дознание будет проводиться сегодня в восемь вечера. Скэнлон сказал, что он предоставит вам возможность в случае необходимости задать кое-какие вопросы. Сам он не собирается ничего «утаивать».

Мейсон задумчиво кивнул.

— А это не вызовет недовольства прокуратуры? — спросила Делла Стрит.

— Так и бывает. Но мне кажется, что на этот раз окружной прокурор отступит от правил. В этом прокуроре есть что-то от спортсмена. Парень с головой. Почуял добычу, иначе не забрал бы канарейку в качестве вещественного доказательства. Если Розалинда взяла револьвер вместо Риты, ему будет трудно обвинить Риту в убийстве. Если все улики перепутаются, он перевернет все на свете, но найдет действительного преступника. Поэтому он был бы только рад, если бы мы все вступили в игру.

— Получается, что вы играете ему на руку.

— В чем именно?

— В том, что отказываетесь сотрудничать с поверенным Дресколла.

— Нет, Делла, все дело в том, что я очень не люблю, когда мои руки связаны.

Глава 10

Эмиль Скэнлон, высокий человек средних лет, легко взвалил на свои плечи многочисленные обязанности коронера. Он относился к печальным последствиям трагедий и катастроф с философским спокойствием ученого, наблюдающего за поведением морских свинок. По натуре он был весьма отзывчивым, распространяя свои симпатии лишь на тех, кому это могло в какой-то мере помочь.

Дознания он проводил деловито, весело и не торопясь. Его цепкие глаза видели всех и вся буквально насквозь.

Дознание по делу о смерти Вальтера Прескотта не явилось в этом смысле исключением.

— Присяжные готовы высказать показания, — заявил он. — Я хочу избежать излишней волокиты. Совершенно очевидно, что о самоубийстве в данном случае не может быть и речи. Власти задержали троих: Розалинду Прескотт, вдову Вальтера Прескотта, Риту Свейн, свояченицу покойного, и Джеймса Дресколла. Дресколл находится здесь. Мисс Свейн и вдова отказались прибыть сюда из другого штата, мы не можем их вызвать для дачи показаний. Оскар Овермейер, помощник окружного прокурора, является представителем обвинения. Перри Мейсон представляет мисс Свейн и Розалинду Прескотт, а Родней Кафф — мистера Дресколла. Всем совершенно ясно, что если эти адвокаты начнут придираться к процедурным вопросам, то нам отсюда не выйти до утра.

Целью дознания является всего лишь выяснение, как именно умер покойный. И если существует вероятность того, что он был убит, то мы должны знать, кто его убийца.

Я начинаю дознание и с радостью приветствую желание каждого из вас сотрудничать со мной. Но я не допущу, чтобы дознание было использовано для того, чтобы смазать картину. Ясно, джентльмены?

Все кивнули.

— Первым свидетелем вызывается мистер Джордж Рей. Вошедшего Рея привели к присяге.

— Вы видели останки усопшего?

— Да.

— Вы можете подтвердить его личность?

— Несомненно. Это Вальтер Прескотт, мой партнер по фирме «Прескотт и Рей».

— Что это за предприятие?

— Страхование агентство.

— Когда вы в последний раз видели Прескотта?

— Позавчера.

— Вчера вы с ним разговаривали?

— Да.

— По телефону?

— Да.

— Когда?

— Приблизительно без пяти двенадцать, я случайно взглянул на часы в этот самый момент.

— Говорил ли он, где находится?

— Нет. Обещал приехать в контору в первой половине дня.

— Итак, вы говорите, что он звонил около двенадцати?

— Почти точно без пяти минут, возможно, без пяти с половиной.

— По конторским часам?

— Да.

— Вы их давно проверяли?

— Это электрические часы. Они ходят минута в минуту.

— Все. Благодарю вас, — сказал коронер.

— Могу я задать вопрос? — раздался голос Перри Мейсона.

Коронер одобрительно кивнул.

Мейсон встал со своего места:

— Скажите, пожалуйста, мистер Рей, не отправились ли вы на ленч вскоре после этого телефонного звонка?

— Совершенно верно, сразу после него.

— У меня все, благодарю вас.

Доктор Хуберт, полицейский хирург, опознал пули, одна из которых была им извлечена из тела покойного, а остальные найдены в комнате после того, как они прошли навывлет через тело.

Врач подробно описал траекторию пуль и характер ранений. Он установил время смерти приблизительно от полудня до половины третьего.

Труп был обнаружен примерно в пять часов вечера.

После этого пригласили экспертов технического отдела.

Коронер вызвал Стеллу Андерсон. Она вышла на возвышение свидетелей с высоко поднятой головой, расправив плечи и выпятив пышную грудь, чувствуя себя по меньшей мере генералом. Глаза ее блестели, лицо покраснелось. Эти короткие минуты славы явно доставляли ей колоссальное наслаждение. Она не отворачивалась от вспышек репортерских аппаратов. Наоборот, старалась изобразить на своей лоснящейся физиономии обольстительную улыбку кинозвезды.

Отвечая на вопросы коронера, она подробно изложила все, что видела в доме Прескотта.

— И вы видели, как этот молодой человек передал молодой женщине револьвер? — еще раз переспросил ее Скэнлон.

— Да, сэр. Она выдвинула ящик бюро и засунула оружие далеко, даже за ящик, потом она закрыла бюро.

— То был этот самый молодой человек?

— Да, вон тот молодой человек в синем костюме.

— Вы говорите о Джеймсе Дресколле? Поднимитесь, мистер Дресколл. Этот человек, миссис Андерсон?

— Да. Я видела, как этот человек выбежал из дома Прескоттов сразу же после аварии. Он похож на того человека, который передал револьвер. Понимаете, окна затянуты тонкими гардинами, через которые не так ясно видно, как через простые стекла. Не совсем отчетливо. Я почти полностью уверена, что видела, как мистер Дресколл передавал оружие молодой особе.

— Кто была эта молодая особа?

— Я не знаю. Я сначала думала, что это Розалинда Прескотт. Но позднее подошла к окну Рита Свейн, одетая в точно такое же платье, стараясь заставить меня подумать...

— Этого мы у вас не спрашиваем, — прервал ее коронер, — просто опишите, что вы видели.

Миссис Андерсон обиженно поджала губы и сказала, что она «имеет право высказывать свое мнение».

В комнате поднялся легкий шум, но коронер моментально восстановил тишину.

— Так что же вы видели, миссис Андерсон?

— Я видела, как Рита Свейн стояла у окна и подстригала коготки канарейке.

— На которой лапке?

— На правой.

Коронер поблагодарил свидетельницу. Кивком он вызвал Дресколла, который сидел между помощником шерифа и Роднеем Каффом.

— Мистер Дресколл, прошу вас пройти на возвышение для свидетелей и ответить на некоторые вопросы. Я понимаю, конечно, что ваш защитник запретит вам на них отвечать, но это тоже должно быть зафиксировано в протоколе.

Родней Кафф улыбался с видом светского льва. Его голос слегка вибрировал, очаровывая присутствующих бархатными тонами.

— Ваша честь, — заявил он, — вы неправильно оценили нашу позицию. Лишь виновные прибегают ко всякого рода уверткам. Что касается Джеймса Дресколла, он без всяких колебаний ответит на любой вопрос, заданный вами.

По комнате прошел удивленный шепоток. Эмиль Скэнлон выразительно посмотрел на помощника окружного прокурора, затем привел Дресколла к присяге.

— Вы были знакомы с покойным, мистер Дресколл? — спросил коронер.

— Да, мы с ним встречались несколько раз.

— Вы были знакомы с миссис Прескотт?

— Да.

— Сколько времени вы ее знаете?

— Более полутора лет.

— Вы были с ней помолвлены?

— Да.

— Почему ваша помолвка расстроилась?

— Из-за ссоры.

— Скажите, скоро ли после вашей ссоры мисс Розалинда Свейн вышла замуж?

— Через месяц.

— Писали ли вы миссис Прескотт письмо, в котором советовали ей развестись с мистером Прескоттом?

— Но ведь само письмо — лучшее доказательство, — возразил Мейсон.

Кафф улыбнулся:

— Я понимаю сущность возражения мистера Мейсона. Но вопросы и ответы не могут повредить свидетелю. Отвечайте, Джимми.

Дресколл сказал:

— Я действительно написал такое письмо, подписался, положил в конверт, наклеил марку и послал миссис Прескотт. Это было дня четыре-пять тому назад.

— В этом письме вы просили миссис Прескотт уйти от мужа? — спросил коронер.

— Да.

— Он был неприятен вам?

— Да, я считал его обманщиком и мошенником.

— Вы к нему ревновали?

— Немного. Да, честно говоря.

— Были ли у вас основания его ненавидеть?

— Да.

Коронер даже растерялся.

— В жизни своей не слышал ничего подобного!

Овермейер кивнул. Родней Кафф покровительственно сказал:

— Продолжайте, ваша честь. У вас это великолепно получается. Или вы предпочитаете, чтобы вопросы задавал я?

Коронер бросил на него сердитый взгляд и спросил, с трудом справляясь с негодованием:

— Вчера утром вы были в доме Вальтера Прескотта, не так ли?

— Да.

— Когда?

— В то самое время, которое назвала миссис Андерсон. Я не смотрел на часы, но знаю, что приехал в начале двенадцатого.

— Был ли предупрежден Вальтер Прескотт о вашем визите?

— Нет.

— Вы поехали туда, чтобы увидеться с его женой?

— Да.

— Вы ее видели?

— Да.

— Перед тем как ехать к Прескотту, вы вооружились.

— Да. Вальтер Прескотт грозился убить ее. Я считал, что он способен выполнить угрозу. Мне хотелось просто защитить ее.

— Пустив в ход револьвер?

— Я даже не думал, что мне нужно будет им воспользоваться, я считал, что у нее на случай внезапной опасности должно быть оружие. Для самозащиты.

— Вы высказали каким-нибудь образом любовь или привязанность к миссис Прескотт?

— Да, — с чувством ответил мистер Дресколл. — Мне была невыносима сама мысль о том, что она может быть несчастлива. Я заключил ее в объятия и сказал, что люблю ее по-прежнему, что мое чувство не ослабевало никогда.

В этот момент бодро защелкали аппараты фотокорреспондентов.

— Что ж, давайте говорить начистоту, мистер Дресколл. Это вы убили Вальтера Прескотта?

— Я не убивал.

— Вы знали, что он был мертв?

— Я узнал об этом уже много времени спустя.

— Будьте добры, расскажите нам, чем вы занимались в доме после половины двенадцатого?

— Мы говорили с миссис Прескотт об ее финансовых делах и о присвоении ее супругом двадцати тысяч долларов из ее личных средств.

— Насколько я понимаю, вы сообщили об этом супруге Прескотта?

— Конечно! — с жаром воскликнул Дресколл. — Он обманывал, врал ей и разорял ее. Он и женился-то на ней только ради денег. Я был абсолютно убежден, что своим поведением он утратил на нее все права.

— Но ведь вам было известно, что в глазах закона она продолжала оставаться его женой. Ведь никто не освободил ее от супружеских обязанностей.

— Да, я это знал.

— Знали, что дело о разводе даже еще не было возбуждено?

— Знал.

— Однако же вы решили бежать с этой женщиной?

— Я решил поехать с ней в Рино, где она смогла бы сама начать дело о разводе. Причем сначала мне казалось, что ей следует поехать одной. Но потом я подумал, что все-таки разумнее отправиться вместе.

— И вы так и сделали?

— Да.

— Знали ли вы, что Вальтер Прескотт мертв, когда выходили из дома?

— Не знал.

— Давайте все-таки возвратимся к тому, чем вы занимались после половины двенадцатого.

— Я потерял голову, обнял миссис Прескотт и сказал, что не могу без нее жить. Миссис Андерсон наблюдала за нами из окна и может подтвердить, что все было именно так.

Стелла Андерсон закивала.

Коронер сурово заметил:

— Не забывайте, миссис Андерсон, что вы не на скамье для свидетелей. Вы дали свои показания... Продолжайте, мистер Дресколл. Что случилось потом?

— После этого я прошел в другую комнату позвонить в аэропорт и заказал билеты на самолет для миссис Прескотт. Когда я почти закончил разговор, перед самым домом случилась автомобильная авария. Я побежал туда помочь, а потом вернулся в дом. Понимая, что теперь меня вызовут в суд в качестве свидетеля, и не желая оставлять Розалинду Прескотт абсолютно беззащитной, я отдал ей свой револьвер. Это револьвер тридцать восьмого калибра системы «смит-и-вессон», который был здесь представлен в качестве вещественного доказательства. Это — действительно мой револьвер. Я дал его миссис Прескотт полностью заряженным. Она мне жаловалась, что ее муж грозил ей расправой, и я только хотел, чтобы и у нее было средство самозащиты.

— Что было потом?

— Потом я ушел из дома и нарвался на двух офицеров транспортной полиции. Они записали мое имя, адрес, номер водительского удостоверения и предупредили, что меня могут вызвать в качестве свидетеля. Я им объяснил, что в момент аварии разговаривал по телефону и ничего не видел. Тогда я снова вернулся в дом Прескоттов, сказал Розалинде Прескотт, что моя личность установлена и я еще сильнее опасаюсь, что Вальтер теперь доставит ей крупные неприятности. Поэтому я предложил ей немедленно отправиться в Рино вдвоем.

— Что она ответила?

— Согласилась.

— Уложила чемодан?

— Нет, всего лишь небольшой саквояжик с самым необходимым. Она переделась, мы сразу же ушли, воспользовавшись запасным выходом.

— Не было ли между вами разговора о том, что миссис Андерсон могла вас видеть?

— Конечно, был. Миссис Прескотт даже не сомневалась, что соседка за нами шпионила и видела абсолютно все, что у нас происходило.

Стелла Андерсон подскочила как на пружине и возмущенно закричала:

— Я вовсе не шпионила. Я никогда не шпионю. Занимаюсь собственными делами и...

Коронер ударил молотком, призывая к порядку.

— Сидите и не вмешивайтесь, миссис Андерсон, иначе вам придется освободить помещение.

Джимми Дресколл не обращал никакого внимания на подобные досадные перерывы. С видом человека, выполняющего неприятную обязанность, он продолжал свои объяснения:

— До того как уехать, мы посоветовались, что можно предпринять, чтобы помешать миссис Андерсон выболтать Вальтеру Прескотту о нашем свидании. Розалинде пришла в голову мысль попросить сестру Риту переодеться в ее платье и появиться перед окном так, чтобы миссис Андерсон могла ее хорошенько разглядеть. Мы позвонили Рите из аэропорта. Я слышал весь разговор Розалинды с сестрой и те инструкции, которые она ей дала.

— Что было дальше?

— Мы улетели в Рино.

— Знали ли вы, что Вальтер Прескотт уже убит?

— Нет. Более того, я могу доказать, что я не имею никакого отношения к его смерти.

Кафф с воинственным видом вскочил с места:

— Я требую, чтобы моему клиенту дали возможность доказать свою непричастность к преступлению.

— А ему никто и не мешает, — добродушно ответил Скэнлон.

Овермейер со своей стороны заявил:

— Я хочу, чтобы в протоколе было отражено и чтобы защитники поняли, что прокуратура не намерена приписывать кому-либо это преступление. Мы просто проводим подробное совершенно самостоятельное расследование.

— Продолжайте-ка, — сказал Родней Кафф Дресколлу.

Перри Мейсон хотел было что-то сказать, но передумал и принялся молча слушать показания молодого человека.

— Вальтер Прескотт был жив в одиннадцать пятьдесят пять. В это время он звонил своему партнеру. Через пять минут, когда раздался бой часов, произошла автомобильная авария перед домом Прескотта. Я выскочил и помог

перенести пострадавшего из легковой машины в кузов грузовика, после чего вернулся к Розалинде Прескотт и отдал ей револьвер, из которого, как доказывают эксперты, было совершено убийство. Этот револьвер был положен в дальний угол ящика бюро. Полиция нашла его в другом месте.

С этого момента и до тех пор, пока я не вышел из дома, свидетельница по делу миссис Андерсон наблюдала за происходящим в комнате. Она не видела, чтобы кто-то брал оружие из бюро. В четверть первого мы с Розалиндой Прескотт вышли из дома через запасный выход, который ведет прямо на Четырнадцатую улицу, и поехали в аэропорт, где сели на ближайший самолет и отправились в Рино.

Эмиль Скэнлон сказал ровным голосом:

— Но остается еще промежуток между одиннадцатью пятьюдесятью пятью и двенадцатью часами. Всего пять минут, но за это время запросто можно было выпустить десяток пуль.

— Я разговаривал по телефону, — повторил Дресколл.

— Да, — вместо Дресколла ответил Родней Кафф, — если нам разрешат вызвать свидетеля, мы подтвердим слова мистера Дресколла.

Скэнлон на минуту заколебался. Он посмотрел на заместителя окружного прокурора, потом на Роднея Каффа и снова на Овермейера.

Овермейер чуть заметно кивнул.

Эмиль Скэнлон громко произнес:

— Мы даем вам разрешение вызвать свидетеля. Правда, при этом мы отступаем от существующих правил, но это особое дело, и мы непременно должны выяснить, что же произошло.

Родней Кафф с трудом скрывал свое торжество, когда произнес:

— На данный момент это все, мистер Дресколл. Вы можете пройти на свое место, а я вызываю в качестве свидетеля Джексона Веймана.

Сухошавый человек лет сорока с небольшим поднялся и молча направился к выходу.

— Подождите! Это Вейман, — закричал Кафф, — он мне нужен как свидетель.

Полицейский офицер остановил Веймана возле самой двери, но тот повернулся и сердито произнес:

— Я пришел сюда не для того, чтобы давать свидетельские показания.

Под его левым глазом красовался огромный синяк, сам глаз налился кровью и воспалился. На лбу светилось несколько наклеен пластыря, на правой щеке тоже виднелся пластырь.

— Я требую, чтобы его вызвали как свидетеля, — сказал Кафф.

— Выходите и поклянитесь говорить правду, мистер Вейман, — приказал коронер.

— И не подумаю! Плевать мне на ваши распоряжения! Я не желаю выступать свидетелем, вы меня не заставите. Хорош же я буду на скамье для свидетелей!

Публика хохотала, радуясь незапланированному пере­рыву, а заодно нарастанию драматической обстановки.

Когда шум утих, коронер спокойно повторил:

— Выходите и примите присягу, мистер Вейман.

— Я ничего не желаю говорить, — упрямылся Вейман.

Добродушная улыбка по-прежнему кривила губы коро­нера, но глаза внезапно стали жесткими.

— Как мне кажется, мистер Вейман, вы допускаете ог­ромную ошибку. Офицер, приведите его сюда!

— Пошли, парень. Вот сюда.

Вейман, не отличавшийся покладистым характером, вы­рвался из цепких рук полицейского и сильно толкнул его в грудь. Но в следующую секунду его уже схватили менее де­ликатно, заломили руку за спину и повели к возвышению для свидетелей на потеху всех зрителей.

Скэнлон распорядился:

— Попридержите его немного, офицер. Мне хочется ему кое-что объяснить... Так вот, мистер Вейман, это до­нание. Прокурор имеет право вызвать повесткой любо­го человека и потребовать от него дать показания. Если вы не подчинитесь, то можете попасть в тюрьму. Я не люблю доставлять людям неприятности, но если вам что-то известно по делу, мы должны это узнать... Вы что, вы­пили?

Вейман фыркнул:

— Два стаканчика, разве это называется «выпить»?

— Поднимите правую руку и поклянитесь говорить толь­ко правду.

Офицер несколько ослабил хватку, и Вейман неохотно подчинился приказу.

Скэнлон жестом разрешил ему сесть на стул для сви­детелей.

Родней Кафф выступил немного вперед:

— Мистер Вейман, вы помните автомобильную катастрофу, которая произошла перед домом Вальтера Прескотта?

— Ну и что?

— Вы живете рядом с Прескоттами?

— Да.

— Вы видели аварию?

— Да, видел.

— Где вы находились в тот момент?

— Стоял на Четырнадцатой улице.

— До этого вы где-то пьянствовали, потом подрались, не так ли?

— А это вас не касается!

Скэнлон ударил молотком, хмуро посмотрел на свидетеля, потом обратился к Каффу:

— Этот человек дает показания против воли. Мне не хочется его раздражать без необходимости. Какое отношение имеет его драка к данному делу?

— У этого свидетеля есть дурная привычка ввязываться в драки и затевать ссоры в нетрезвом состоянии. На этот раз его так поколотили, что он вынужден был обратиться к врачу, который сделал ему перевязку. Ему не хотелось идти домой, где ему попало бы от жены, и он стоял на Четырнадцатой улице совсем недалеко от того места, где произошло столкновение машин. Я хотел просто сказать, что он находился в это время на улице, и объяснить, почему так произошло.

— Ол-райт, продолжайте. Я там был, — довольно миролюбиво сказал Вейман. — Что же из этого?

— Видели ли вы, что творилось в доме Вальтера Прескотта?

— Ну, я кое-что видел сквозь окна, выходящие на Четырнадцатую улицу.

— Вам был виден коридорчик с телефонным аппаратом?

— Да, он был мне виден.

— Вы видели, как мистер Дресколл звонил по телефону?

Наступила напряженная пауза. Потом Вейман неохотно подтвердил:

— Да, я видел, как там стоял мужчина и разговаривал. Однако он стоял к окну спиной.

— Так вы находились близ угла Эльзас-стрит в момент аварии?

— Да.

— Что делал Дресколл, когда произошло столкновение машин?

— Человек, которого я видел, находился все еще у телефона.

— Сколько времени он так простоял?

— Не знаю, минуты четыре или пять.

— Что сделали вы после аварии?

— Пошел поглядеть, а потом решил, что лучше не вмешиваться в эту кляузную историю. Вернулся назад, сел на тумбу и наблюдал, как они погрузили раненого парня в фургон. Вот именно этот человек в синем костюме выскочил из дома Прескотта. Он и помог шоферу управиться с пострадавшим. Потом он вернулся в дом, а фургон уехал.

— Что было дальше?

— Через несколько минут этот самый Дресколл снова вышел из дома. Но тут из-за угла вынырнула патрульная машина, ну и полицейские сцапали голубчика.

— Сколько времени вы еще оставались на прежнем месте?

— Совсем не оставался. Кому охота, чтобы полиция задавала тебе вопросы? Я смылся. Немного походил. Меня тянуло поспать, на душе было муторно. Потом я решил, что чему быть, того не миновать, все равно жена закатит сцену. Так что я вернулся домой.

— Когда это было?

— Не помню. Уже было поздно.

Родней Кафф с удовлетворением сел на место.

Коронер посмотрел на Овермейера. Тот поднялся, подошел к свидетелю и заговорил:

— Уверены ли вы, что видели у телефона именно мистера Дресколла?

Вейман пожал плечами:

— Телефон находится как раз напротив окна. Парень голя, прижавшись плечом к оконному косяку. Мне был виден его затылок. У него были такие темные кудри, как у мистера Дресколла. Когда он вышел из дома, я разглядел его лицо. Это точно был Дресколл. Здесь я абсолютно уверен, а в отношении телефона почти не сомневаюсь.

— В тот момент вы были нетрезвы?

— Маленько выпил, да.

— Больше, чем сегодня?

Вейман усмехнулся:

— Больше.

— А во времени вы не сомневаетесь?

— Не сомневаюсь. Мне сказали, что авария произошла в полдень. Если это так, то в остальном я уверен. Я стоял

на улице минут десять до аварии и видел, как этот человек звонил по телефону.

Овермейер задумчиво сказал:

— Пока все. Но, возможно, мистер Вейман, я захочу поговорить с вами еще раз.

— Могу ли я задать вопрос? — спросил Мейсон.

Скэнлон кивнул.

— Кому вы рассказали о том, что вы видели?

— Жене, — ответил Вейман.

— Кому еще?

Вейман покачал головой.

— Рассказали сразу же, как пришли домой?

— Нет, — усмехнулся Вейман, — сначала у нас был «веселый разговор» совсем на другие темы.

Снова по залу прошел смешок.

— Все, — сказал Мейсон.

Скэнлон кивнул Вейману:

— Можете идти.

Родней Кафф поднялся и сказал:

— На основании показаний этого свидетеля совершенно ясно, что Джимми Дресколл не мог убить Вальтера Прескотта. Остается предположить, что мистер Прескотт возвратился в тот момент, когда в доме находилась Рита Свейн. Глупо предаваться бесплодным домыслам по поводу того, что произошло. Возможно, она убила его, защищаясь, или...

— Если Конселор намерен излагать нам свои гипотезы, то я хотел бы напомнить, что я тоже могу придумать не менее десятка версий...

— Садитесь, мистер Кафф! — рявкнул Скэнлон.

— Я просто хотел указать, что...

— Вы уже указали более чем достаточно. Садитесь!

Обращаясь к коронеру, Мейсон подчеркнуто официально попросил разрешения задать несколько вопросов патологоанатому.

— Ввиду только что заслушанных нами показаний, — заговорил Мейсон, обращаясь к доктору Хуберту, вторично поднявшемуся на помост, — вы понимаете, насколько важен стал вопрос конкретизации времени совершения преступления. Вы уже отвечали на этот вопрос, но я хотел бы услышать от вас вторично, можно ли допустить, что мистер Прескотт был убит ранее указанного вами времени?

Доктор Хуберт пространно объяснил, что определение времени — дело сложное, поскольку при нахождении от-

вета необходимо учесть множество факторов. В конце концов он соблаговолил сказать, что, по его личному мнению, Прескотт был убит между часом и часом тридцатью плюс-минус десять минут.

— Значит, двенадцать часов — это крайний нижний предел?

— Да.

— Но ровно в полдень он мог умереть?

— Да, сэр.

— Значит, в одиннадцать пятьдесят пять он был еще жив?

— Видите ли, пять минут — это так мало, что... Я не думаю, что он был убит до полудня, однако поручиться в этом не могу.

— А что, если это было в одиннадцать сорок пять?

— Свидетель разговаривал с ним по телефону, — кислым тоном напомнил доктор Хуберт, — в одиннадцать пятьдесят пять.

— Ага, доктор. Теперь вы меня поняли. При определении нижнего предела вы учитывали это показание, не так ли?

— Нет. Мое мнение основано исключительно на данных медицинских показаний. Но если вы настаиваете, то я могу расширить пределы, сказав, что мистер Прескотт умер в пределах между половиной двенадцатого и тремя часами. Это вас удовлетворяет?

— Дело вовсе не в моем удовлетворении, а в получении точных сведений.

— Прекрасно, вы как раз их и имеете!

Скэнлон кивнул:

— Я думаю, факты ясны всем. Вы свободны, доктор. Я хочу вновь вызвать мистера Дресколла.

— Поднимитесь на свидетельское место, мистер Дресколл, — сказал Родней Кафф.

Скэнлон уставился на молодого человека внимательными, все запоминающими глазами.

— Можно ли допустить, что в доме Прескотта находился посторонний, пока вы разговаривали с миссис Прескотт?

Дресколл покачал головой:

— Мне кажется, нет, ваша честь.

— Вы входили во все комнаты? Вы проверили это?

Дресколл растерялся.

— Конечно, сэр, в верхние спальни мы не заглядывали.

- Вы в этом уверены?
- Абсолютно!
- Ну а в подвал, вы туда входили?
- Нет. Если в доме есть подвал, то мы его тоже не проверяли.

— Таким образом, вы не можете быть вполне уверены, что дом был совершенно пуст, или нет?

— Но ведь этот человек не смог бы взять револьвер из бюро, сделать из него три выстрела и снова положить на место. Если Прескотт был действительно застрелен из моего револьвера, значит, это было сделано уже после того, как мы ушли из дома.

— Мне ясна ваша мысль, мистер Дресколл. Вы можете идти.

Менее чем через десять минут жюри вынесло вот такой вердикт об убийстве Вальтера Прескотта: «убит неизвестным лицом или лицами».

Родней Кафф, насмешливо склонившись к Перри Мейсону, спросил:

— Как вам понравился вердикт, господин адвокат?

— А почему он должен мне нравиться?

— Лично я в восторге.

— Откуда вы узнали про Веймана?

Кафф рассмеялся:

— Он по секрету рассказал все своей жене, та тут же побежала к Стелле Андерсон. Ну, а это равносильно объявлению по радио. Я решил, что, если я вызову его неожиданно, он произведет лучшее впечатление, чем если я буду предвзвительно разговаривать с ним и вводить в официальный список.

Мейсон кивнул, закурил и сказал:

— Какими, по-вашему, будут чувства Розалинды, когда она узнает, что Дресколл пытался подставить под удар вместо себя Риту Свейн?

— Боже мой, да разве это можно так характеризовать? У него и в мыслях не было ничего подобного.

— Я не маленький. Несложная тактика мистера Дресколла была понятна всякому.

— Вы не учитываете одного, мистер Мейсон. Еще до начала дознания окружной прокурор отдал распоряжение о насильственной выдаче Розалинды Прескотт и Риты Свейн. Теперь Розалинда автоматически отпадает.

— И вы находите это правильным?

— Это даже великолепно.

- Для кого?
- В первую очередь для Розалинды.
- Ну, а как быть с мисс Свейн?
- Мисс Свейн придется позаботиться о себе при вашей квалифицированной помощи!

Мейсон кивнул:

— Я уже многое понял, Кафф. Знаете ли, уважаемый коллега, в этой «игре в открытую» Дресколла есть один существенный минус.

— А именно?

— Помогите ему боже, если он врет! Да и вам тогда тоже не позавидуешь! — угрюмо ответил Перри Мейсон.

Глава 11

Рита Свейн сидела в комнате для свиданий местной тюрьмы, отделенная от Перри Мейсона широким столом. Решетка из толстой проволоки разделяла стол на две половины.

— Могу ли я здесь говорить откровенно? — спросила девушка.

— Только не слишком громко. Главное — не волнуйтесь. Держите себя в руках. Что бы вы ни говорили, сохраняйте бесстрастный вид. Несколько раз покачайте решительно головой, как бы отрицая свою вину. А теперь выкладывайте мне наконец все, как было.

— Его убили Розалинда и Джимми, — сказала Рита.

— Откуда вы это знаете? Розалинда сказала?

— Не словами, конечно. Но ведь это какой-то ужас! Она же моя родная сестра, а теперь просто отвернулась от меня, если не сказать хуже. Они с Джимми кругом виноваты, но она настолько влюбилась в него, что решила сделать меня козлом отпущения, лишь бы спасти его драгоценную шкуру.

— Откуда вы знаете, что это они его убили?

— Знаю, и все. Приехал Вальтер, застал Джимми с Розалиндой, поднял жуткий скандал. Вот Джимми и застрелил его.

— Расскажите все подробно. Только сначала порешительнее покачайте головой. Вот так, хорошо.

— Роза позвонила мне по телефону, сказала, что случилось что-то ужасное, и попросила немедленно приехать. Я сказала, что занята. Тогда она упростила меня побежать

в аптеку и позвонить по автомату. Назвала номер. Розы не хотела, чтобы оператор слышал наш разговор.

— Ол-райт, вы вызвали ее. Где она находилась?

— В аэропорту. Она мне рассказала про свидание с Джимми, про револьвер и про миссис Надоеду. Это я вам уже все рассказала.

— Ну и что вы после этого сделали?

— Розы мне все подробно объяснила про платье и канарейку. Разумеется, я ей сказала, что немедленно приеду и сделаю все, что она просит. Вообще-то мне эта затея была не совсем по душе, потому что я боялась налететь на Вальтера. Но Розалинда мне сказала, что его не будет.

— Уточнила ли она, откуда такая уверенность?

— Нет.

— И тогда вы туда поехали. Что случилось потом?

— Когда я поднялась наверх, чтобы переодеться, я заметила, что дверь в спальню Вальтера слегка приоткрыта. Сначала я на это не обратила внимания, надела на себя платье Розы, спустилась в солярий, поймала канарейку и так далее. Потом я снова поднялась наверх, чтобы надеть опять-таки свое платье. Прошла в ванную помыть руки — и мне стало дурно. Вся раковина была в разводах окровавленной воды. Причем эти пятна еще не высохли.

Естественно, я раскрыла дверь в комнату Вальтера. Он лежал на кровати на спине, широко раскинув руки. Пиджак его был застегнут. Из ран текла кровь. Я так закричала, что было слышно, наверное, даже на улице. Потом я спросила:

— Вальтер, что с тобой?

Подбежала к кровати, опустилась на колени и прикоснулась к его плечу. Я сразу же поняла, что он мертв.

Рита замолчала. Она тяжело дышала, и у нее сильно дрожали губы.

— Продолжайте. Я все должен знать.

— Честное слово, мистер Мейсон, после этого я действовала как сомнамбула. Сначала я была в таком ужасе, что с трудом дышала. Ну, а потом мне как-то сразу стало понятно, чем это грозит мне и Розы...

— Что вы сделали?

— Прежде всего я вспомнила про письмо, написанное Джимми. Я знала, что Вальтер собирался подать в суд и что в качестве улики...

— Ясно, ясно. Что же вы сделали?

— Я достала его бумажник и проверила, нет ли в нем письма.

- Вы его нашли?
- Да.
- И что вы с ним сделали?
- Сложила и запихала себе в трусы.
- В это время вы все еще были в платье Розалинды?
- Нет, я уже успела переодеться.
- Что было дальше?
- Я спустилась вниз и сожгла письмо. В плите.
- Что вы сделали с золой?
- Как что? Все осталось в плите.
- Вы хоть измельчили обгоревшую бумагу?
- Нет. Я подожгла письмо спичкой и проследила, чтобы оно полностью сгорело. И все.
- Как вы были одеты в этот момент?
- В сером костюме.
- В том самом, в котором приехали в мою контору?
- Да.
- Что еще вы сделали?
- Взяла канарейку и поехала к вам. Но Роза не хотела, чтобы я обращалась к адвокату. Она просила меня надуть только миссис Надоеду. Однако я предчувствовала, что кто-то должен защищать её интересы.
- Одним словом, явившись ко мне, вы уже знали, что речь пойдет об убийстве?
- Знала.
- После этого вы полетели в Рино?
- Совершенно верно.
- Что было потом?
- Я дождалась, когда Джимми уйдет спать, и серьезно поговорила с Розой. Но только вот про Вальтера я ничего не сказала. Я понимала, что сама Роза никогда бы на такое не решилась. Во всем виноват Джимми, а она его выгораживает. Мне очень не хотелось, чтобы она мне лгала.
- Где ваш серый костюм?
- Его забрала полиция.
- В каких туфлях вы были?
- Они их тоже взяли.
- Вы не проверяли, на них не было крови?
- Нет, не проверяла. Великий боже, мистер Мейсон, неужели вы думаете, что я...
- Я думаю, что у вас на туфлях могли быть следы крови. И на одежде тоже. Я не сомневаюсь, что следы ваших пальцев будут обнаружены на бумажнике Вальтера Пре-

скотта и что, поскольку вы не размельчили остатки обгорелой бумаги, техническая экспертиза сумеет восстановить написанное. Мне сразу показалось, что Овермейер вел себя как-то странно на дознании. У него накопилось столько улик против вас, что он даже не хотел получить никаких указаний со стороны. Теперь он предоставит вам лгать и изворачиваться сколько угодно, а потом прижмет вас неопровержимыми уликами и вещественными доказательствами. Его устраивал такой неопределенный вердикт коронера. Вы еще не подавали никакого заявления?

— Нет. Я же помнила ваши указания.

— И ничего не отрицали?

— Как же, отрицала. Они меня обвинили в убийстве Вальтера, я сказала, что этого не делала.

— Я же просил вас ничего не говорить.

— Я подумала, что это я должна отрицать.

— Может быть, вы сделали еще одну ошибку и стали отрицать, что знаете, что Вальтер Прескотт был в то время уже мертв?

— Нет. После этого я вообще молчала.

— У вас спрашивали, когда вы видели его в последний раз?

— Да, спрашивали. И я ответила, что не видела его больше недели. Это чистая правда, потому что видеть человека мертвым не значит...

— И, — прервал ее Мейсон, — когда на суде продемонстрируют увеличенные фотографии отпечатков ваших пальцев, обнаруженных на бумажнике Вальтера, у вас будет сколько угодно времени подумать, что было бы намного умнее последовать совету вашего поверенного.

В ее широко раскрытых глазах застыл ужас: до нее дошло значение его слов. Потом она, вздернув подбородок, резко сказала:

— Не растревляйте мне рану! В конце концов, вы сделали все, что могли.

— Вы его убили?

— Нет.

— Вы знаете, кто это сделал?

— Я не знаю, если только не Розы.

— Если вы будете мне врать, то вас ничто не спасет от веревочного галстука, который будет накинут на вашу красивую шейку.

— Я не вру. И вообще, мистер Мейсон, шея-то моя! Мейсон одобрительно посмотрел на девочку.

— Что ж, не слишком вежливо, конечно, но все же лучше, чем иметь дело с истеричной особой, которая окончательно потеряет голову на скамье подсудимых. Пока же выкладываете — и без уверток! — следующее: как вы мыслите себе предстоящий процесс? Окружной прокурор обрушится на вас с целой грудой устрашающих улик. Сначала он делает вид, что у него нет к вам никаких серьезных претензий. Так, легкое подозрение. У всех создается впечатление, что он вообще бы вас немедленно освободил, если бы не процедурные правила, которые не позволяют подобных вольностей до тех пор, пока вы не захотите говорить. Потом он спровоцирует с вашей стороны еще несколько подобных неосторожных отрицаний, вроде бы пустяковых, после чего насыплет вас градом фактов, требуя в каждом случае дать подробные объяснения. При этом у него будет добрейший, прямо-таки отеческий тон, так что вам начнет казаться, что вот-вот конец всем вашим мучениям. Когда же вы станете все больше и больше запутываться, он начнет осторожно закручивать гайки. И вот тогда вы поймете, что выхода нет. И вы замолчите. В этот-то момент на вас набросится свора газетных молодчиков, и они пустят в ход весь свой, поверьте, немалый опыт, чтобы заставить вас заговорить. То лестью, то угрозами, то посулами, то выражением самой искренней симпатии они будут стараться вырвать у вас принципиальное согласие дать показания. Вы понимаете?

Она кивнула.

— Вам надо вести себя очень тихо и очень умненько. При тех данных, которыми в настоящий момент располагает окружной прокурор, вы не можете надеяться на освобождение. Единственный ваш шанс избежать тюрьмы — это заставить жюри вынести решение «не виновна». Или же добиться того, чтобы трое присяжных не согласились с вердиктом. Вам это понятно?

Рита снова кивнула.

— Так вот: кто бы что бы у вас ни спрашивал, пусть даже с самым сочувствующим видом, отвечайте, что адвокат запретил вам отвечать на любые вопросы. До тех пор, пока я ваш поверенный, вы должны мне безоговорочно подчиняться. Можете добавить, что, по вашему мнению, это адвокатская причуда, что вы бы с удовольствием рассказали все, как это было, но по неизвестной вам причине вам велено хранить молчание. Понятно?

— Понятно.

— Хватит ли у вас на это силы воли?

- Надеюсь.
- Для этого потребуется огромная выдержка.
- Я все понимаю, мистер Мейсон. Мне уже двадцать семь лет. А в этом возрасте у человека развивается сила воли.
- Не переоценивайте своих сил. Сейчас вы стоите одна против людей, через руки которых прошли сотни аналогичных случаев, так что они относятся к вопросам виновности и невиновности с равнодушием ремесленников. Им известны тайны и приемы, которые «срабатывают» и «не срабатывают». Вы — младенец, заплутавшийся в густом лесу, впервые противостоящий его темным силам. Держите рот на запоре. Я разрешаю вам говорить лишь одно: что вы хотели бы говорить, но вам не позволено. Понятно?

Мейсон собрался было уходить, потом что-то вспомнил и снова опустился на скамейку.

- Как далеко вы позволите мне заходить?
- Что вы имеете в виду?
- Вы прекрасно понимаете.
- Оставьте в покое Розы.
- А если мне придется обвинить Розы, чтобы выгородить вас?
- Тогда не выгораживайте меня.
- Да вы понимаете, что говорите?
- Отлично понимаю.
- Ваше положение крайне тяжелое, — со вздохом произнес Перри Мейсон. — Конечно, жюри не вынесет смертного приговора девушке с такой наружностью и умом. Но вы можете заработать пожизненное заключение. Сейчас легко задирать нос и произносить красивые слова, но что будет, когда подойдет решительный момент? Не упрекнете ли вы меня за то, что в свое время связали мне руки?

Она встала и очень серьезно произнесла:

— Мистер Мейсон, если я что-то делаю, то только из самых чистосердечных побуждений. И я ни о чем не стану жалеть, чем бы это для меня ни кончилось. Таков мой девиз в жизни.

— Ол-райт, Рита, не вешайте головы! Мы еще повоюем!

Глава 12

Розалинда Прескотт сидела в кабинете Перри Мейсона и яростно повторяла:

— Я его не убивала! Не убивала! Я не убивала!

- Кто же его убил?
- Не знаю. Я сама бы очень хотела знать!
- Но если бы узнали, что бы вы сделали?
- У нее потемнели от бешенства глаза.
- Сказала бы полиции.
- Допустим, что это дело рук Риты?
- Что заставляет вас думать, что это сделала Рита?
- Я спросил вас, каково было бы ваше отношение, если бы его убила Рита?
- Если бы она убила, то она не заслуживала бы снисхождения ни моего, ни Джимми. По ее милости мы попали в ужасную передрагу.
- Ну а если его убил Джимми?
- Если это сделал Джимми, то он тем более не может быть оправдан... Конечно, у него были основания. Множество оснований.
- Были ли у Риты основания?
- Не знаю. Если бы его убила она, то только в виде самозащиты.
- Что ж, причина уважительная, — заметил Мейсон.
- Но совершенно недопустимо то, что за этим последовало: тайком бежать из дома, никого не предупредив, будучи уверенной, что подозрение непременно падет на Джимми!
- Ну, а если это сделал Джимми?
- Джимми мог бы его убить, чтобы защитить меня. Но я не думаю, что он виновен.
- Скажите, пожалуйста, случайно у миссис Андерсон е было причин ненавидеть Вальтера Прескотта?
- Почему вы задаете такие странные вопросы?
- Я просто нащупываю возможные пути защиты... Так у нее могло быть что-то против него?
- Не думаю. Конечно, Вальтера раздражало, что она всюду сует свой нос. Он ей не раз советовал заниматься своими делами и перестать заглядывать в наши окна, а она в ответ предлагала закрывать окна ставнями, чтобы не вводить ее в искушение.
- У них была настоящая ссора?
- Да нет. Она быстро поджала хвост, а Вальтер разговаривал скорее насмешливо, чем сердито.
- Больше они не бранились?
- Насколько я знаю, нет.
- Ваш муж грозился вас убить?
- Да.

- Много раз?
- Дважды. Первый раз месяца два назад из-за каких-то пустяков, а второй раз утром того самого дня, когда я сбежала.
- Почему вы поехали в Рино?
- Я хотела там добиться разрешения на развод. Мне казалось, что, если я уеду, у Вальтера будут связаны руки, а после того, как он немного остынет, мне удастся мирно с ним договориться, чтобы избежать скандала.
- Вы полетели с Дресколлом?
- Да.
- Но ведь вы сами говорили, что ваш муж ревнует вас к Дресколлу?
- Он меня ни к кому не ревновал. Он был такой хладнокровный, расчетливый эгоист!
- Подождите, подождите. Подобные выражения нельзя произносить на скамье для свидетелей. Вы должны избегать мстительного тона в отношении вашего покойного мужа. Не забывайте, что он умер.
- Мне все равно, жив он или умер!
- Он же все-таки был вашим мужем! Вы же добровольно стали его женой. А потом вдруг решили, что больше его не любите. Не сошлись характерами. У вас оказались различные взгляды на вещи и так далее. Но все равно, вы крайне сожалеете о его смерти. Запомните это. Всепрощение и сочувствие. Вы понимаете, что его невыносимые приступы раздражительности объяснялись изношенной нервной системой.
- Что за ерунда! Всею причиной его холодное сердце и расчетливый ум!
- И, — продолжал Мейсон, не обращая никакого внимания на ее слова, — для вас было ударом известие о его смерти. Говорите со слезами на глазах, что когда-то вы были близки, но что любовь умирает, если сердечный пламень никак не поддерживать. Побольше красивых фраз, чтобы тронуть души членов жюри.
- Неужели вы и правда надеетесь дожидаться такой мелодрамы?
- Конечно, надеюсь.
- На скамье свидетелей?
- Возможно, вас вызовут как свидетельницу. Но ведь существуют еще репортеры.
- У меня уже состоялось интервью с репортерами.
- Что вы им сказали?

— Ничего. Вы мне не велели что-либо говорить, я точно следовала вашим указаниям.

— Прекрасно. Теперь мы будем придерживаться иной тактики. Вы хотите и можете говорить. Вы не можете поверить, что Рита была способна совершить подобное дело, хотя вы не имели возможности обсудить с ней свободно то, что произошло. Обязательно внушайте всем, что вы с Ритой не успели ни о чем переговорить, пока находились в Рино.

Розалинда кивнула.

— Везде и откровенно признавайтесь, что любили Джимми Дресколла. Нажимайте на этот момент. Не забывайте, что люди всегда сочувствуют влюбленным. Но смотрите не перестарайтесь: между вами был всего лишь роман, а не противозаконная связь. Вы любили Джимми, потом поссорились и решили вычеркнуть его из своей жизни. Поэтому вы и вышли замуж, мысленно поклялись, что ваш брак должен быть и обязательно будет счастливым. Но вскоре туман рассеялся. Вам стало ясно, что вы с Вальтером не подходите друг другу. Возможно, для других он был замечательным человеком, но он не мог заполнить пустоты в вашем сердце. Да он и не старался. Ваша жизнь превратилась в постоянные баталии. Вы были в отчаянии, никакой надежды на счастье. И все же о Джимми Дресколле вы вспоминали как о далеком друге. Потом он вам написал, опять-таки не как влюбленный, а как настоящий друг, который раньше вел ваши финансовые дела. Он сказал вам, что лучше разом со всем покончить, а не мучить то, что уже стало в тягость вам обоим. Потом, когда Джимми пришел в ваш дом и вы взглянули в его глаза, вы поняли, что любите и любили всегда его одного. Но эта мысль пришла вам в голову только после того, как вы осознали, что вы больше не в силах продолжать жить с Вальтером Прескоттом, и договорились с Джимми в общих чертах о разводе. Понятно?

— Что я должна говорить про двадцать тысяч долларов?

— Ничего, кроме того, что вы дали ему свои деньги, чтобы он вложил их в какое-то дело. Его неожиданная смерть помогла вам разобраться во всех делах.

— Но что же будет с деньгами? — спросила она.

— Теперь это не важно. Вы унаследуете все его имущество. Раз власти решили не привлекать вас к суду, я направлю вам необходимые бумаги, чтобы ввести вас в наследство. Есть ли у него еще какие-нибудь родственники?

— Нет. Иначе он оставил бы завещание в их пользу. Он...

— Забудьте об этом думать. Помните, что Вальтер страшно нервничал. Он слишком много работал. Вальтера не интересовали ни друзья, ни знакомые, потому что он был слишком высокого мнения о самом себе. Тот факт, что вы с ним не смогли ужиться, вовсе не говорит о том, что в нем было что-то порочное.

Она заговорила со злобой:

— Я ненавижу ложь. Он присвоил мои деньги. Он был...

— Не важно, кем он был. Он умер. Запомните то, что я вам про него сказал. Где бы и с кем бы вы ни говорили, придерживайтесь такой линии. У него нет родственников. Вы, как его вдова, наследуете все его состояние и таким образом возвратите себе и эти пресловутые двадцать тысяч.

На столе негромко звякнул его личный телефон, номер которого был известен всего трем лицам, этим телефоном пользовались лишь в случае крайней необходимости.

Мейсон схватил трубку и услышал голос Дрейка:

— Прости, что позвонил по этому номеру, Перри. Но дело чрезвычайной важности. Кажется, мы нашли все-таки Джексона Брауна, или Карла Паккарда. Называй его как угодно.

— Где?

— За городом.

— Где ты сейчас?

— Только что вышел из конторы. Я подожду тебя у лифта.

— О'кей.

Положив на рычаг трубку, Перри Мейсон отодвинул стул, велел Розалинде Прескотт быть через час снова у него в кабинете и двинулся к дверям.

Делла Стрит, собрав в папку все свои листки с записями, спросила:

— Я вам нужна, шеф?

Мейсон покачал головой:

— Нет, но прорепетируй с миссис Прескотт ее ответы на суде. Изобрази из себя дотошного журналиста. Задавай самые разнообразные вопросы. Я либо вернусь через час, либо позвоню сюда.

Дрейк ждал его внизу у лифта.

— Что случилось? — спросил Мейсон.

— Официально это было названо «автомобильной аварией» и прошло через департамент дорожной полиции. Вряд ли полиция успела сообразить, что к чему.

— Что за авария?

— Машина слетела под откос на крутом повороте между Санта-Моники и Триумфо. Она лежала на дне каньона два дня.

— Водитель?

— Под машиной. Разбился в лепешку.

Лифт остановился. Дрейк хотел еще что-то сказать, когда они вошли в кабину, но Мейсон кивком показал на лифтера.

Когда они уже мчались в машине, детектив изложил подробности:

— Сообщение пришло в управление шоссежных дорог. Не буду тебя терзать подробностями, но мне сразу пришло в голову, что Паккард исчез неспроста. Поэтому я поручил моим ребятам проверить все случаи убийств, несчастных случаев, дорожных катастроф. Проверили они и этот случай. На шляпе было обнаружено клеймо фабрики в Олтивилле и инициалы «К. П.». Никаких бумаг. Голова изуродована. Однако мы сможем опознать труп по отпечаткам пальцев. В управлении страхования от пожаров собраны отпечатки пальцев всех их сотрудников. Мне уже удалось раздобыть отпечатки Джексона Брауна.

— Конечно, Пол, раз человек умер, то лучше не находить его раньше полиции. В конце концов, меня интересовало, что Паккард мог видеть в доме Прескотта?

— Я решил, что не помешает посмотреть все, что может нас интересовать, и сделать кое-какие снимки, — сказал Пол.

— Где этот каньон?

— В горах. Мои ребята ждут в Санта-Монике, чтобы довести нас до самого места.

Мейсон закурил, погрузившись в глубокую задумчивость.

Пол продолжал неторопливо говорить:

— Мне удалось выяснить, почему полиция так быстро отреагировала на сообщение о том, что Стелла Андерсон видела, как кто-то прятал оружие в доме Прескотта.

— Ну и почему же?

— Прескотт заявил полиции, что за его домом следят на протяжении нескольких ночей, так что если он сообщит в полицию о появлении грабителей, то пусть они немедленно выезжают, хотя у него и имеется двустволка, которую он незамедлительно пустит в ход.

— Что-то мне не верится, Пол.

— Мне тоже. Однако полиция сразу же выехала, как только ей позвонили про револьвер.

— Кто знает, может быть, этот звонок в полицию был сделан для того, чтобы получить легальное право всадить в Розалинду заряд?

— Что ж, вполне правдоподобное предположение!

— Знаешь, Пол, я носом чую, что в Вальтере Прескотте было что-то фальшивое. Пока не скажу, что именно, но почему-то он мне представляется аферистом. Взять хотя бы эту историю с деньгами его жены. Огромные вклады наличными в банк. И при этом прибыли, получаемые им в фирме, не слишком велики. Кстати, Треjder говорил, что привез Прескотту в гараж какой-то груз. Меня интересует, что это за груз. Не проверишь, Пол?

— Но ведь после столкновения он поехал напрямик в больницу, — сказал Дрейк. — Хотя нет, Перри... Постой. Он же сам говорил, что потом все-таки доставил груз. Из больницы он поехал снова к гаражу Прескотта.

— Прескотт отдал Трейдеру ключи.

— Верно.

— Так что у Трейдера есть ключ от двери прескоттовского гаража.

— Интересно, куда делись эти ключи? Что-то Треjder про них помалкивает.

— Не прижать ли его слегка, дружище?

— Знаешь, получать информацию у Трейдера равносильно добыванию крови из репки.

— Он уехал из больницы до того, как врачи отпустили Паккарда. Паккард пробыл там всего минут сорок пять. Если он прибыл туда в двенадцать десять, это значит, Треjder привез товары приблизительно без четверти час.

— То есть до приезда Риты Свейн?

— Знаешь, Пол, чем больше я об этом думаю, тем мне интереснее знать, что за товары доставил Треjder? Раньше он был не слишком-то словоохотлив, но теперь, когда известно, что произошло убийство, положение изменилось... Скажи, Пол, что ты узнал о Прескотте?

— Многое. Я могу рассказать тебе про него, начиная с детсадовских времен до момента самого убийства. Мне даже известны его школьные отметки.

— Он хорошо учился?

— В средней школе кое-как, но в колледже о нем отозвались очень хорошо. Инженер-химик. Но почему-то занялся странным делом.

— Что ты выведal о нем самом?

— Отталкивающий тип. У него не было друзей ни в колледже, ни где-либо еще. По фирме его непосредственным партнером был Джордж Рей. Прескотт представлял собой ходячую энциклопедию всевозможных знаний. Запоминал все подробности. Был незаменим, когда дело касалось спорных вопросов страхования.

— Ну а Дресколл?

— Милейший баловень судьбы. Его мать умерла, когда ему было пятнадцать лет. Она оставила ему хорошие деньги. Все оформлено через банк. Дресколл не имеет возможности прикоснуться к основному капиталу до тридцати пяти лет. По условию завещания ему выплачивают не более трехсот пятидесяти долларов в месяц, если он сам не заработает большего вполне законным путем. Ежемесячное пособие тогда пропорционально увеличивается.

— Хм, хитроумная система предосторожности. По-видимому, у этого Дресколла был какой-то существенный недостаток. От пятнадцати до тридцати пяти ждать очень долго.

— Вообще-то да, но, уж кажется, его матери просто хотелось, чтобы он чему-то научился и узнал бы цену деньгам, прежде чем начнет самостоятельно распоряжаться состоянием. На триста пятьдесят долларов в месяц не особенно разгуляешься. По всей вероятности, она опасалась спиртного. Так или иначе, но она воздвигла вокруг сыночка крепкий банковский забор.

— Видимо, миссис Дресколл очень доверяла мистеру Абнеру Диммику?

— Да... Между прочим, этот самый Кафф великолепно провел защиту Дресколла!

— Скользкий парень! Он готов услужить всем и каждому. Однако же вышло так, что кругом виновата Рита Свейн, а Дресколл вышел сухим из воды.

— Скажи, Перри, почему тебя заинтересовала рыженькая из конторы Рея?

— Решил, что ей кое-что может быть известно. Что ты выяснил?

— Она ведет двойную жизнь. Это совершенно точно.

— То есть как это?

— Днем она Роза Хендрикс. Работает в конторе, живет в меблированных комнатах в доме 1025 по Доверт-авеню. Но остается там она не более получаса, потом вызывает такси и едет в дом 5-С в Велифонтоне. Это один из самых дорогих домов в городе.

— Что она там делает?

— Веселится всю ночь, потом снова на несколько минут заглядывает на Доверт-авеню и возвращается на работу.

— Но для чего?

— Понятия не имею.

— За квартиру в Велифонтоне платит богатый поклонник?

— Вроде бы нет. Она снимает ее на имя Дианы Морган. У нее несколько приятелей, которые частенько ее навещают, но все это в рамках дозволенного. С одной стороны, все шито-крыто, с другой — совершенно на виду. Время от времени она заявляет, что отправляется в Мексику, Сан-Франциско, Рино или еще куда-нибудь. Приезжает носильщик, забирает багаж, и девица исчезает на неделю-полторы. Потом она возвращается со всеми своими чемоданами, и обычная жизнь продолжается.

— Чем же она занимается во время поездок?

— Очевидно, продолжает работать на Рея и Прескотта, получая сто двадцать пять долларов в месяц. Кстати, за помещение в Велифонтоне она платит триста девяносто пять долларов в месяц.

Мейсон наморщил лоб.

— Понимаешь, она может оказаться аферисткой, но имеет ли это какое-то отношение к нашему делу?

Мейсон задумчиво кивнул:

— Ты прав, Пол. Понимаешь, мы все время сталкиваемся с какими-то ненормальностями, с какой-то бессмыслицей. Поэтому, на мой взгляд, нам надо разобраться до конца во всем, что отклоняется от нормы. Конечно, весьма невежливо совать нос в интимную жизнь Розы Хендрикс, но, Пол, мне необходим полный отчет обо всех ее поступках.

— Я слежу за ней, как коршун за куропаткой. По счастью, управляющий дома в Велифонтоне — мой хороший знакомый. Однажды я для него кое-что сделал, поэтому он на время разрешил поставить лифтером одного из моих ребят.

Машина вырвалась на открытое пространство и сразу же прибавила ходу. Мейсон продолжал хмуриться. Прикончив сигарету, он сказал:

— В каком-то месте я проглядел важное звено. И теперь блуждаю по кругу.

— А вот из полицейского управления сведения: у них уже достаточно улик, чтобы повесить Риту Свейн. Пони-

маешь, Перри, мне не хотелось тебя огорчать, но тебе лучше знать заранее.

— Пол, Пол, пора бы тебе знать, что самые убедительные улики иной раз вводят в заблуждение. Я уверен, что мы столкнулись как раз с таким случаем.

— Ты не думаешь, что Прескотта прикончила она?

— Не думаю.

— Кто же в таком случае?

— Провалиться мне на этом месте, но я не знаю. Я надеюсь, что на теле Брауна мы обнаружим какие-то вещи, документы, записки, которые подскажут нам, с кем он разговаривал, где скрывался на протяжении последних дней. Он что-то видел весьма любопытное в одном из окон. Должен же он был об этом кому-то рассказать.

— Через несколько минут мы об этом узнаем. Машина и так идет на предельной скорости.

Вскоре они остановились, и какой-то человек приветливо помахал им рукой.

— Это твой, Пол?

Детектив кивнул:

— Он нам покажет дорогу.

Мейсон выпрямился на сиденье, не сводя внимательных глаз с каждого поворота дороги, которая узкой лентой огибала глубокое ущелье.

— Какого дьявола делал здесь Браун? — спросил адвокат.

— Ума не приложу. Разве что он договорился с кем-нибудь тут встретиться. Ведь он что-то расследовал...

— Но если он искал уединенного места, то мог найти его в каких-нибудь десяти милях от города!

— Ну, посмотрим!

Машина-лидер с трудом поднималась по крутому откосу, потом завернула вправо. Красные задние огоньки сердито замигали, предупреждая об остановке. Перед машиной появился мотоциклист, одетый в кожаный комбинезон.

Мейсон и Дрейк сошли на землю.

Детектив показал офицеру свои документы.

— Я расследую эту аварию.

— Чего ради? — заинтересовался полицейский.

— Я представляю страховую компанию. Боссы предполагают, что это был один из наших клиентов.

— У вас есть на это основания?

Пожав плечами, Дрейк сказал:

— Возможно, ложная тревога, но один из наших клиентов пропал два или три дня назад, а у него застрахована жизнь на крупную сумму. Вот нас и послали.

Офицер кивнул:

— Понятно. Мне нужны будут копии всех сделанных вами снимков.

— Непременно, — ответил Дрейк.

— И ничего не трогайте. Коронер еще не прибыл.

— Думаете, он придет?

— Скорее всего, он распорядится доставить труп в город, но все же мы ждем прямых указаний.

— А где труп? — спросил Мейсон.

— Вон там, под деревом. Прикрыт парусиной. Только его осмотр вам ничего не даст.

— Почему?

— Взгляните на его голову, и сразу все поймете. Да к тому же он несколько деньков полежал на солнышке, а это не способствует прояснению картины.

— Понятно. Все же мы поглядим. Быстрее, друзья!

Они пошли к тому месту, где с помощью стальных тросов поднимали вдрызг разбитую машину.

Солнце струило раскаленные лучи, на небе не было видно ни единого облачка. Воздух каньона был сухим и обжигающе-жарким. Весь склон каньона был покрыт зарослями молодых дубов, чащоба начиналась футах в ста ниже ленты шоссе и заканчивалась у тридцатифутового обрыва.

Мейсон сказал человеку, руководившему подъемом:

— Мы следователи.

После этого он двинулся к могучему дубу, под которым был разложен огромный кусок парусины.

Приподняв угол, адвокат отдернул парусину в сторону. Из-под нее с громким жужжанием поднялся рой черных мух.

Мейсон снова опустил парусину.

— Да, здесь много не выяснишь.

Дрейк встал на колени:

— Посмотрим, не повезет ли нам с отпечатками пальцев.

Все люди в ущелье были заняты подъемом машины, который оказался весьма трудным из-за зарослей деревьев. На Мейсона и его спутников никто не обращал внимания.

Дрейк прижал пальцы трупа к зачерненному кусочку картона и тут же принялся сравнивать со специально захваченными для этой цели снимками.

— Математической точности тут не требуется, — сказал Мейсон, — лишь бы была рабочая гипотеза.

— Пожалуйста, Перри. Можешь не сомневаться, это тот самый парень.

— Джексон Браун?

— Да. Иначе — Паккард.

— Ол-райт, Дрейк. Пошарь у него в карманах. Я послушу, чтобы все было тихо.

— Но это же нарушение правил, Перри! Один только коронер...

— Ладно, ладно, не тяни. По дороге сюда уже идет какая-то машина.

На секунду в каньоне установилась относительная тишина. Смолк визг лебедки, утихли крики, и замолк стук топора, которым срубали цепляющиеся за трос ветви. Тем яснее доносился шорох автомобильных покрышек по асфальту дороги.

Подмигнув своему помощнику, Дрейк быстро проверил одежду покойника.

— Нож, связка ключей, носовой платок, полпачки сигарет, старое меню из кафе «Бревенчатая хижина» в Пасадине, деньги. Авторучка. Какая-то мелочь. Вот и все. Ни колец, ни наручных часов, ничего.

Мейсон торопливо сказал:

— Машина затормаживает. Возможно, это коронер. Запихивай все обратно в карман. Постарайся запомнить, что там было.

Поднимаясь с колен, Дрейк брезгливо заметил:

— Боюсь, Перри, что мои внутренности вывернутся наружу от этого трупного запаха.

— Хватит болтать. Наведи порядок... Машина свернула сюда.

Дрейк трясущимися пальцами закурил. Мейсон поправил парусину, а Дрейк сделал было пару шагов к адвокату, но внезапно побледнел, позеленел и побежал к деревьям.

Машина наверху затормозила перед офицером дорожной полиции. Из машины вышли два человека. Несколько минут они разговаривали. Потом офицер кивнул и отошел в сторону.

Мейсон внимательно смотрел на вновь прибывших.

— Как по-твоему, это коронер? — поинтересовался детектив. Он все еще не мог справиться с тошнотой, временами подступающей к горлу.

— Все постарайтесь незаметно отойти к аварийной машине. Я вас догоню.

— Это коронер? — повторил Дрейк.

— Нет. Это Джимми Дресколл и Родней Кафф. Ступайте же!

Все трое, держась в тени кустов и деревьев, двинулись к выходу из каньона. Неожиданные посетители пошли по верхней тропинке быстрыми шагами.

Мейсон тихонько распорядился:

— Не привлекайте к себе внимания и не отходите от троса. Пусть они думают, что вы из спасательной бригады.

Снизу раздался громкий крик. Снова заработал мотор, накручивая толстый трос на барабан. Подъем автомобиля возобновился.

Кафф и Дресколл немного понаблюдали за ходом работ, потом отправились к покрытой парусиной неподвижной фигуре.

Мейсон предупредил:

— А это предоставьте мне, друзья. Оставайтесь на своих местах.

Он дождался той минуты, когда Кафф запустил руку в карманы мертвеца, и лишь после этого пошел вперед со словами:

— Знаете, Кафф, мне думается, коронер сам справится с этой задачей.

Родней Кафф подлетел, как на пружине. На физиономии Дресколла застыло такое выражение, будто он увидел привидение.

Наконец Кафф обрел дар речи:

— Ну и ну! Вот уж где не ожидал вас встретить!

— Вас интересует это дело? — спросил Мейсон самым любезным тоном.

Кафф не отвел глаза.

— Ладно, — сказал он, — не будем ходить вокруг да около. Это Карл Паккард или нет?

— Я никогда не видел Карла Паккарда, — отрезал Перри Мейсон.

— У него пальцы вымазаны черным, — заметил Кафф.

— Зачем вы сюда пожаловали?

— Мне думается, наши мыслительные процессы продвигались в одинаковом направлении. Скажите мне, это Паккард?

— Да, Кафф, это действительно Паккард.

Кафф глянул на Джимми Дресколла, потом быстро перевел глаза снова на Мейсона:

— В таком случае мы никогда не узнаем, что такого Паккард видел в окне.

Мейсон повернулся к Дресколлу и насмешливо произнес:

— Не будьте в этом слишком уверены, Кафф.

Насколько он мог заметить, лицо молодого человека почти не изменило своего выражения: только чуть-чуть дрогнули ресницы.

Глава 13

Мейсон протянул свою визитку женщине средних лет с постной физиономией, которая даже не попыталась улыбнуться, а прямо заявила, что, если они заранее не договорились о встрече, мистер Диммик вряд ли согласится принять его.

Мейсон поблагодарил и остался в приемной.

Дама исчезла за дверями кабинета, на которых красовалась крупная надпись:

«БЕЗ ДОКЛАДА НЕ ВХОДИТЬ. АБНЕР ДИММИК»

Может быть, прошло секунд тридцать, и вот на пороге снова возникла тощая угловатая фигура, облаченная в толстый «практичный» костюм, отнюдь не способствующий улучшению внешности дамы. Спрятанные за роговыми очками глаза выражали крайнюю степень изумления.

— Мистер Диммик вас примет.

Отойдя в сторону, она пропустила адвоката в кабинет.

Диммик сидел за огромным столом, заваленным переплетенными в темный сафьян книгами свода законов.

— Как поживаете, адвокат? Извините, что не поднимаюсь вам навстречу. Ревматизм, понимаете ли. Садитесь. Чем могу быть полезен? Хотя — подождите минутку.

Он поднял трубку внутреннего телефона и, сказав в трубку, чтобы пришел Родней Кафф, уселся поудобнее в кресле и заговорил с Мейсоном:

— Я хочу, чтобы молодой Кафф присутствовал при нашем разговоре. Ведь он, собственно говоря, ведет это дело.

Мейсон кивнул и сел на второе кресло, скрестил ноги и закурил. Диммик внимательно посмотрел на него поверх очков:

— Как подвигается дело?
— Ни шатко ни валко.
— Как я понимаю, полиция припрятала кое-какие данные?

— Вот как? — Мейсон приподнял брови.

Диммик в ответ тоже поиграл своими кустистыми бровями, продолжая сверлить адвоката острыми глазами.

— Черт знает что за история! «Диммик, Грей и Пибоди» замешаны в деле об убийстве. Никак не могу привыкнуть к этой мысли. Просыпаюсь утром, как от толчка, чувствуя приближение беды. Потом соображаю, что всему виной эта проклятая история. Наверное, вы привыкли к уголовным процессам?

— Да, привык.

— Вам предстоит трудная борьба, чтобы спасти Риту Свейн. Лично я считаю, что судить ее — просто позор. Вальтер Прескотт заслуживал смерти.

С шумом распахнулась дверь: это влетел Родней Кафф. Увидев Мейсона, он остановился, улыбнулся, кивнул и подошел к столу, всем своим видом показывая равнодушие.

— Вы звали меня, мистер Диммик?

— Да. Садитесь. Мистер Мейсон хочет что-то сказать. Я решил, что вы ему будете более полезны, чем я, поскольку делом Дресколла занимаетесь вы, а не я.

— То, что я намерен сказать, — заговорил Мейсон, — имеет непосредственное отношение к банку «Секонд Фиделити».

— Вот как? — Густые брови Диммика взметнулись вверх.

— Вы оба являетесь поверенными при этом учреждении. У Вальтера Прескотта в этом банке есть текущий счет. Я до сих пор не сумел ничего выяснить, что это за накопления, когда и как он делал вклады и так далее.

Диммик пощелкал языком:

— Я спрашивал вас, хотите ли вы с нами сотрудничать. Вы сами отказались.

— Весьма неприятно, — усмехнулся Кафф.

— Собственно говоря, «неприятно» действительно будет кое-кому, — предупредил его Мейсон.

— Постойте, миссис Прескотт уже введена во владение?

— Она подала прошение.

— По всей вероятности, ее не обвинят в соучастии?

Но Мейсон продолжал гнуть свою линию:

— Вы являетесь юридическими консультантами банка. Мне необходимо знать все факты о текущем счете Прескотта. Я уверен, что эти данные от меня скрывают по вашему личному указанию.

— Ну, в конце концов, — сказал Диммик, — по закону банк не обязан отвечать на какие-либо вопросы до тех пор, пока лицо не будет официально введено в наследство.

— В данный момент я говорю не о законе, а о том, что меня интересует. Вам прекрасно известна моя позиция. Очень надеюсь, что в течение этого часа я получу сообщение банка.

Диммик сердито стукнул тростью по полу:

— Я вам еще раз повторяю, до тех пор, пока миссис Прескотт...

Мейсон подошел вплотную к столу старшего стряпчего и сказал ему, отчеканивая каждое слово:

— Диммик, вы живете в атмосфере некоей абстракции. Ваши представления о добре и зле основаны исключительно на чтении законов. Сейчас вы столкнулись с совсем другим делом. Решается вопрос жизни и смерти. Нет, не хитрите. Это вы не хотите сотрудничать со мной, а вовсе не я! Только смотрите не просчитайтесь! Даю вам сроку один час, а там — пеняйте на себя!

Диммик вскочил с кресла, позабыв про свой аристократический ревматизм.

— Вы забываетесь, Мейсон! Вы имеете дело не с какими-то авантюристами, а с почтенной фирмой «Диммик, Грей и Пибоди», которая представляет...

— Прошу вас, не забывайте, мистер Диммик, что врачи запретили вам волноваться.

Мейсон подошел к двери, на секунду задержался и сладчайшим голосом спросил Каффа:

— Что скажете про бумажник, который вы достали из кармана Паккарда?

— Бумажник? — Глаза у Каффа полезли на лоб. — Но ведь там не было никакого бумажника!

— Там его и сейчас нет. Но это не означает, что его там вообще не было.

— Я вас не понимаю. Вы...

— Зато я его прекрасно понимаю, — простонал Диммик, — он намерен дать показания, что вы противозаконно изъяли бумажник из кармана покойного Паккарда.

— Ни о чем подобном, джентльмены, я не собираюсь заявлять. Люди, как правило, не садятся за руль машины,

не захватив с собой удостоверения на право вождения машины. Когда доктор Боллас обследовал Паккарда в больнице, у того было такое удостоверение на имя Паккарда Карла с указанием постоянного местожительства в Олтвилле. Это удостоверение находилось в бумажнике. И то и другое было ему возвращено. Куда они подевались?

— Откуда мне знать? — возмутился Кафф.

— Зачем вы проверяли содержимое карманов покойника?

— Я пытался всего лишь установить его личность.

— Это вы так говорите. Вы представляете интересы Дресколла. Не забывайте, что Прескотт был застрелен из револьвера Дресколла. Не забывайте и другое: Карл Паккард что-то видел в окне дома Прескотта как раз в тот момент, когда тот был убит. Иначе говоря, Паккарда убили, чтобы не дать ему говорить. Джеймс Дресколл узнал, что это был Паккард, как только появилось сообщение об аварии. Не исключено, что журналисты появятся в помещении высокоуважаемой фирмы «Диммик, Грей и Пибоди», чтобы задать несколько весьма щекотливых вопросов.

Кафф, сжимая кулаки, подскочил к Мейсону:

— Вы не имеете права говорить так! Это же...

— До свидания, джентльмены, — попрощался Мейсон, выходя в коридор. — Вам осталось еще целых полчаса на раздумья.

И он хлопнул дверью.

Глава 14

Перри Мейсон ходил взад и вперед по кабинету с четкостью хорошо отрегулированного часового механизма. Изредка он бросал отрывочные указания Делле Стрит. Но глаза его все время оставались прикованными к какой-то неподвижной точке впереди себя.

— Никак не могу разобраться в чертовой загадке... будто пытаюсь схватить в темноте светящийся шарик, прыгающий на резинке. То сам идет тебе в руки, то отпрыгнет прочь. Что же такого мог видеть Паккард в окошке? И Паккарда убили, этого нельзя забывать. Лично я убежден, что Паккард был без сознания, когда машину столкнули с обрыва. Прежде всего, это была не его машина. Чего ради Паккард стал бы воровать машину? И потом, на руле не было найдено отпечатков пальцев, хотя Паккард был без перчаток. Значит, машину угнал кто-то другой и стара-

тельно стер все следы с баранки. Паккард был без сознания. Машину повели в горы. Потом кто-то в перчатках встал на подножку, направил машину к обрыву и в последний момент соскочил.

Делла Стрит постучала пальцем по столу:

— Послушайте, шеф, завтра отплывает наш пароход. Кстати, вам нужно подписать билет. Давно пора укладывать чемоданы.

— Делла, ты знаешь не хуже меня, что мы не сможем никуда уехать, пока не спасем Риту Свейн.

— Допустим, она виновна.

— Ты думаешь, она виновна?

— Честно говоря, шеф, я не знаю. Как-то уж очень трудно представить, что она проникла в дом, убила Вальтера Прескотта и потом попыталась представить все таким образом, как будто во всем виновата сестра.

— А как в отношении Розалинды Прескотт?

— В ней я не так уверена. Розалинда влюблена, а влюбленная женщина способна на все, лишь бы защитить своего возлюбленного.

— Даже до такой степени, чтобы подставить под удар родную сестру?

— Но ведь ее сестру пока еще не обвинили в убийстве. А если это все-таки случится, то она станет первой вашей клиенткой, которую обвинят в подобном преступлении. Нет, меня нисколько не волнует данное дело: я уверена, что вы его распутаете еще до завтрашнего дня. Лишь бы вы не занялись новым делом.

— Ну нет, как только я разделаюсь с этим делом, мы объедем весь мир.

— Вы мне обещаете не браться за новое дело?

— Обещаю торжественно и окончательно. Я не возьмусь за обычное дело. Конечно, если вдруг подвернется какая-то совершенно непонятная загадка... Ведь ты же не захочешь, чтобы я путешествовал, все время ломая себе голову над тем, что осталось неразрешенным.

— Почему?

— Мне поездка не доставила бы никакого удовольствия.

— Это только так кажется. Стоит только подняться на палубу, как новые интересы вас целиком захватят, и вы...

Она не договорила, так как зазвонил телефон. Зажав трубку рукой, Делла прошептала Мейсону:

— Фредерик Карпенгер, управляющий банком «Секонд Фиделити».

Подмигнув, Мейсон сказал:

— Это неплохо. Алло, Мейсон слушает.

— Добрый день, мистер Мейсон. Говорит Фредерик Карпентер из банка «Секонд Фиделити». Помните, вы со мной разговаривали по поводу текущего счета Вальтера Прескотта?

— Прекрасно помню, — ответил Мейсон и подмигнул Делле.

— Я тогда посчитал, что следует подождать, пока ваша клиентка не получит легального права. Однако, обсудив этот вопрос с нашими юридическими советниками, мы решили, что все-таки будет более разумно объединить наши усилия и не вынуждать вас принимать меры по изъятию капитала, который...

Мейсон прервал неторопливый говорок банкира:

— Оставьте свои объяснения для других. Меня интересует общая величина его накоплений и капиталовложений!

Карпентер откашлялся:

— Шестьдесят девять тысяч семьсот шестьдесят пять долларов и тридцать центов.

— Не могли бы вы мне рассказать, каким именно образом вносились деньги?

— Чаще всего наличными суммами от пяти до пятнадцати тысяч одновременно.

— Они сдавались лично Вальтером Прескоттом?

— Насколько мне удалось выяснить, да.

— Благодарю, — сказал Мейсон.

— И если вам в дальнейшем понадобится наша помощь, мистер Мейсон, обращайтесь прямо ко мне.

— О'кей, — сказал Мейсон, опуская трубку на рычаг. — Сильно сомневаюсь, что мы завтра сможем уехать, Делла.

— Почему, шеф?

— Появилось еще одно усложняющее обстоятельство, которое мы упустили из виду и которое должны ликвидировать до того, как расстанемся с Лос-Анджелесом.

— Почему так необходимо это ликвидировать?

— Потому что любая криминальная проблема, которая не отвечает на все вопросы, не может являться ее решением. Теперь я понял свою ошибку: я обращал слишком много внимания на тех людей, которых подозревает прокуратура, совершенно забыв о жертве. А между тем, Делла, в конечном итоге успех решения любой криминальной загадки заключается в восстановлении всех деталей

жизни жертвы. Вернее сказать, образа ее жизни. Здесь мы находим мотивировку, ну а мотивировка — разгадка всякого убийства.

Вообще-то у любого человека есть враги. Иногда это просто недруги или соперники по бизнесу. Чаше — личные враги. Люди, которые делают печальную физиономию и вздыхают, когда им говорят, что с человеком стряслась беда, в душе при этом ликуют. Для них величайшее наслаждение — сама подготовка убийства. У подобного человека, как правило, накапливается годами патологическая жестокость, безрассудная решимость при полном отсутствии фантазии.

— Отсутствие фантазии?

— Не знаю уж почему, но так всегда бывает. Мне кажется, что люди, наделенные воображением, могут себе ясно представить страдания других и потому им сочувствуют. В то время как человек, лишенный воображения, не в состоянии представить себя на месте других. Такие люди рассматривают жизнь только со своей собственной колокольни. Убийцы, как правило, хитры, но не оригинальны. Эгоистичны и упрямы в достижении поставленной перед ними задачи. Ты ведь понимаешь, что я говорю о спонтанных убийствах, совершенных под наплывом сильных эмоций.

— Почему вы не допускаете, что и данное убийство относится к этому типу?

— Я не могу этого допустить, потому что тогда мне пришлось бы признать, что на курок нажала Рита Свейн. Другое дело, насколько оправдан был такой поступок.

— Будете ли вы ее защищать, если она действительно виновна?

— Все зависит от того, что ты понимаешь под словом «виновна». Я квалифицирую преступления не всегда так же, как окружной прокурор. Для меня моральная провокация...

— Шеф, — перебила его Делла, — может, вы лучше все-таки займетесь упаковкой своего чемодана?

— Не сейчас. Мне нужно обдумать все заново. Давайте вместе внимательно подумаем о личности убитого Прескотта. Кто такой этот Вальтер Прескотт? Сразу можно сказать, что это был нелюдимый эгоист, жестокий и беспринципный. К тому же весьма хладнокровный. То есть человек такого склада, который сам способен пойти на убийство.

— Но убийство-то совершил не он, а как раз наоборот.
— Это как раз и есть самая непонятная часть всей истории, Делла. По всем параметрам он должен был быть преступником, а не жертвой. Конечно, это звучит нелепо. И даже парадоксально, но убитый человек является не жертвой, а убийцей. Если мы подойдем к делу с таких позиций, то тем самым шагнем гораздо дальше позиции самой полиции: они никогда не додумаются до подобных дедуктивных рассуждений.

— Да, — улыбнулась девушка, — до такого парадокса, разумеется, больше никто не додумается.

— Итак, предположим, Вальтер Прескотт — убийца. Джексон Браун, он же Карл Паккард, видел в окне дома Прескотта нечто, не относящееся к гибели Вальтера Прескотта, но имеющее непосредственное отношение к убийству, совершенному самим Вальтером Прескоттом.

— Могу дать голову на отсечение, шеф, но никто не будет рассуждать так, как рассуждаете вы.

— Это действительно выглядит неразумно с первого взгляда, но все же во мне все больше крепнет уверенность, что я стою на правильном пути. Понимаешь, у меня вдруг совершенно исчезло ощущение, что я плутаю в потемках. Сделаем следующий шаг. Поразмислим, кто же мог быть жертвой. Если уж Вальтер Прескотт действительно кого-то убил или пытался это сделать, то это... Подожди минутку, Делла! Великий боже!

Мейсон снова пустился равномерно вышагивать по кабинету. Минут через пять он замер на месте и медленно заговорил:

— Знаешь, Делла, если мои предположения оправдаются...

Кто-то настойчиво постучал в дверь.

— Открой, Делла, это Пол Дрейк. Посмотрим, с чем он явился.

Девушка оттянула задвижку на двери.

— Алло, люди! Чем заняты? — с веселой улыбкой поинтересовался детектив.

— Шеф тренируется в новом виде логики, — ответила Делла. — Это нечто потрясающее. Сразу же разрешает тайны всех убийств и прочих преступлений. Согласно этой новой концепции, ты, Пол, входя в комнату, должен быть человеком, выходящим из нее.

— Не обращай на нее внимания, Пол, — засмеялся Мейсон, — она полна дорожных сборов. Ее мысли заняты наи-

моднейшими купальниками, которые она собирается надевать не ближе чем на экваторе.

— Да, да, а вы хотите, чтобы я думала и говорила только об убийстве. Трупы с обезображенными лицами, улики, косвенные доказательства, отравленные пули, предвзятые мнения и тому подобные прелести. Трупы, которые в действительности оказываются убийцами, и убийцы, которые на самом деле являются трупами. Так вот, дражайший Пол, завтра мы с шефом отправляемся в кругосветное путешествие на «Президенте Монро». Между нами и трапом судна маячит одна Рита, которая совсем недавно явилась сюда с хромой канарейкой и лишила шефа сил, сна и покоя. Так вот, садитесь-ка рядом и потолкуйте обо всем, чтобы убрать с нашего пути это последнее препятствие.

Дрейк, успевший принять свою излюбленную позу в кожаном кресле, меланхолично покачал головой и изрек:

— Именно об этом-то я и пришел рассказать тебе, Перри. Все кончено, если не считать газетного вопля. Вы с Деллой можете уезжать хоть сейчас.

— Что случилось?

— Твоя клиентка во всем созналась.

— Ты имеешь в виду Риту?

— Да.

— В чем она созналась?

— Во многом: что она поднималась вверх переодеться, что заходила в спальню Вальтера и нашла его убитым на полу, что взяла из его кармана письмо, написанное Дресколлом Розалинде, сожгла его в плите... После всех противоречивых показаний, которые она давала ранее, плюс тот факт, что она удрала за пределы штата и не согласилась добровольно возвратиться, ей обеспечен вердикт об убийстве первой степени. Возможно, тебе удастся с большим трудом добиться для нее пожизненного заключения. Ну, а потом садитесь на своего «Президента Монро», и счастливого плавания!

— Откуда ты все это выкопал, Пол?

— Один из газетчиков раздобыл для меня эти новости. Через полчаса все будет уже в газетах. Экстренным выпуском. Не переживай, Перри, у них против нее много улик. Отпечатки ее пальцев на бумажнике Прескотта, кровавые пятна на туфлях, обгорелые остатки письма Дресколла, которое она взяла из кармана Прескотта. Помощник прокурора не говорил обо всех фактах, чтобы обрушиться с ними прямо во время самого заседания.

- Призналась ли она, что убила Прескотта?
- Не знаю. По-моему — нет.
- Что еще? Меня интересуют данные о мисс Розе Хендрикс.
- Черт побери, Перри, ты же заранее уверен в том, что я тебе скажу. Если ты хочешь поймать ее с поличным, сегодня у тебя есть все шансы.
- Каким образом?
- Она улетает в Рино.
- Ты имеешь в виду Розу Хендрикс?
- Нет, не Розу Хендрикс, а Диану Морган, богатую молодую разведенную женщину, которая живет в роскошных апартаментах в Велифондоне.
- Ты уверен в этом?
- Да.
- О'кей, что еще?
- Что-то весьма таинственное произошло с грузом, доставленным Трейдером в гараж Прескотта. Сам Трейдер точно не помнит, что там было: два ящика и как будто бочонок. Трейдер уверяет, что он все сложил у самого порога, как ему это было велено.
- Не забрал ли все это помощник прокурора? Как вещественные доказательства?
- Нет. Один из репортеров по моей просьбе разнюхал обстоятельства дела и выяснил, что прокуратура проглядела этот момент.
- Интересно знать, возвращался ли на самом деле Трейдер к дому Прескотта и относил ли груз в гараж?
- Миссис Вейман видела, как он все это проделывал с грузом.
- А как сам Вейман? В этот момент он сам был дома?
- Да, был, но только в совершенно невменяемом состоянии.
- Ладно, Пол. Что у тебя в запасе про Розу Хендрикс?
- Ничего. Роза Хендрикс — славная девчонка, но вот Диана Морган вызывает у меня сильные подозрения. Эта девица из молодых да ранних. И у нее имеется постоянный источник доходов.
- Ну, а Рей не крутит романа с рыжеголовой?
- Внешне — нет. Рей — любитель общества, завсегда-тай в клубах, заядлый картежник, курильщик, весельчак. На все это ему вполне хватает официальных доходов от фирмы «Прескотт и Рей». У меня есть кое-какие интересные данные.

- Например?
- Например, завтра она ужинает с Дресколлом.
- Мейсон долго и молча смотрел на него с весьма задумчивым видом.
- Послушай, Пол, что за багаж у этой дамочки?
- У Розы Хендрикс — дешевый чемодан из искусственной кожи, картонка и...
- Я говорю о ее втором варианте — Диане Морган.
- Багаж, соответствующий прекрасной квартире. Картонки для шляп, саквояжи, чемоданы из натуральной кожи...
- Особые отметки?
- Инициалы «Д. М.». Сегодня вечером ты можешь лично в этом убедиться, Перри. Она будет отправлять все это на аэродром для поездки в Рино.
- Ты считаешь, что она действительно собирается туда отбыть?
- Диана Морган улетит, — усмехнулся Пол Дрейк, — но ее двойник, Роза Хендрикс, завтра будет снова на работе. Не забывай, что она ведь договорилась о встрече с Дресколлом.
- Такого не забывают... Ты, случаем, не знаешь, когда именно она будет отправлять багаж?
- Она велела портье подняться в ее апартаменты в десять тридцать. Грузчик к тому времени уже будет ждать у подъезда.
- А, случайно, ты не знаешь, Чудо-человек, не будет ли грузчиком этого грузовика мистер Трейдер из трейдерского бюро торговых перевозок?
- Усмешка исчезла с лица детектива. Даже сквозь маску непроницаемости на лице Дрейка можно было разглядеть, насколько он изумился. Он вскочил было из кресла, подброшенный, как на пружине, и закричал:
- Черт побери, Перри, не знаю! Но я не успокоюсь до тех пор, пока не буду знать этого наверняка. По-моему, этим самым ты поставил недостающую точку над «i».
- Дай знать, как только ты что-то выяснишь, — крикнул Мейсон, когда детектив уже выбежал из кабинета.
- Мейсон повернулся к Делле Стрит:
- Делла, что с твоим багажом?
- Практически все уже уложено.
- Меня интересуют не твои вещи, а сам багаж.
- Чемоданы и сумки?
- Да.

— Вообще-то мне пришлось взять у приятельницы пару...
— У меня появилась одна интересная мыслишка. Почему бы не заставить Риту Свейн заплатить за все твои чемоданы?

— Слушайте, шеф. Лично я твердо решила ехать этим пароходом, и если вы придумали нечто экстравагантное, благодаря чему я могу угодить в тюрьму, то можете на меня не рассчитывать.

— Нет, все будет в рамках закона.

— Я знаю вас, шеф. Скажите, а внешне у вашего замечательного плана тоже вполне законный вид?

— Ну, — без особой на этот раз уверенности протянул Мейсон, — надо признаться, что все будет выглядеть чуточку не...

— Все ясно. Я сразу вам говорю: нет!

— Делла, не будь такой, — взмолился адвокат. — Это же пустяки. Ты поедешь в магазин дорожных вещей, купишь себе набор самых роскошных чемоданов, картонок для шляп и всего, что тебе заблагорассудится. После этого ты велишь пометить их инициалами «Д. М.». Набей их чем угодно: обломками кирпича, газетами, досками, старыми башмаками так, чтобы они приобрели соответствующий вес. Потом ты распорядишься, чтобы грузчик отнес их в комнаты Риты Свейн на Честнат-стрит. Ее номер 388. А ты назови ему какой-нибудь другой номер. Тогда носильщику придется взять ключ у дежурного, а вещи отнести прямо в ее номер.

Зевнув, Делла сказала:

— Очень сожалею, шеф, но меня все это не интересует. Когда отойдет пароход, я должна стоять на палубе и махать рукой кучке оставшихся, отчаянно завидующих знакомых, которые придут торжественно проводить меня. Мне совсем не хочется сидеть за решеткой. Нет, благодарю вас покорно!

— Тебе нет никакой необходимости сидеть там! Все совершенно законно!

— Меня арестуют?

— Они могут только задержать тебя...

— То, что меня задержат, не считается. Арестуют или нет?

— Ну, зная характер сержанта Голкомба, ни в чем нельзя быть уверенным. Ведь сначала он черт знает что подумает.

— Так что каталажки мне все-таки не избежать?

— Сержант Голкомб — человек импульсивный. Но и на него можно найти управу. Доставай-ка свою записную книжку, я тебе кое-что продиктую.

— О господи! Вижу, что, куда бы вы ни отправлялись, мне все равно придется идти вместе с вами. Ладно, диктуйте!

— По делу Деллы Стрит. Прощение о применении предписания о предоставлении арестованной в суд для рассмотрения законности ареста...

Глава 15

Низкие темные тучи, подгоняемые резким ветром, торжественно выстроились над городскими улицами, изредка бросая вниз крупные капли дождя. Утро было сумрачное, темное, внушающее мысль о неминуемой беде.

Грузчик из бюро перевозок неуклюже переминался с ноги на ногу перед столом дежурного оператора, объясняя:

— Это единственное, что она мне сказала, что она туда въезжает. И велела привезти туда весь багаж, помеченный буквами «Д. М.». Она велела еще передать вам это письмо, если возникнут какие-нибудь недоразумения.

— Ну что ж, прочитаем, — сказал клерк, надрывая письмо.

Прочитав послание, он проворчал:

— Что ж, все в порядке. Рита Свейн заплатила деньги вперед. Она в данный момент в тюрьме. Она разрешает Делле Стрит поставить ее вещи в номер. Это вещи мисс Стрит. Мне думается, она имеет право распорядиться своим помещением. Я сейчас пошлю мальчика отпереть двери.

Носильщик кивнул, вышел на улицу, где в небольшом фургоне были сложены шегольские чемоданы с монограммой «Д. М.». Их было так много, что швейцар у входа с невольным сомнением спросил:

— Каким образом вы собираетесь все это занести в одну комнату?

— Не знаю, но как-нибудь постараюсь. Сложу посреди комнаты, если ничего иного не придумаю. Мне велено занести их в номер. Именно это я и сделаю.

К конторке приблизился негр-лифтер.

— Босс, вы не забывать, полиция-офицер велел звонить, если кто-то хотел входить в этот номер.

— Туда никто и не пытается войти, — возразил клерк. — Этот человек просто доставит туда кое-какие вещи. Все же я сообщу сержанту Голкомбу.

Пока его соединяли с Голкомбом, носильщик и лифтер перетаскали весь багаж в комнаты Риты Свейн.

Наконец в телефонной трубке загудел голос сержанта:

— Слушаю. В чем дело?

Клерк объяснил, что заставило его позвонить в уголовную полицию.

— ...Носильщик занес туда несколько чемоданов, больших сумок и... Одну минуточку, я посмотрю. Совершенно верно, мисс Делла Стрит. Что??? Черт подери!

Клерк со злостью бросил трубку.

В этот момент вошла Делла Стрит в безукоризненно элегантном туалете, энергичная и напористая. Прошла в вестибюль и твердой походкой направилась прямо к стойке администратора.

— Я — мисс Стрит. Произошло досадное недоразумение.

— Это вы прислали свой багаж в комнаты мисс Свейн?

— Да. Но этот багаж привезли сюда зря. Я говорю о чемоданах и баулах, на которых стоят метки «Д. М.». Их следует переправить на склад трейдеровской транспортной компании. Извините, где мой носильщик?

— Сейчас он наверху.

— Прекрасно. Он еще не успел занести туда все вещи. Я видела часть багажа перед входом, — сказала Делла, одарив клерка обворожительной улыбкой, и направилась к лестнице.

Лифт поднял ее на пятый этаж.

Дежурный администратор после некоторого раздумья снова позвонил в полицейское управление и попросил вторично сержанта Голкомба. Ему сообщили, что сержант только что уехал по делам.

Клерк как раз опустил на рычаг трубку, когда снова открылась дверь лифта и взмокший от напряжения носильщик начал выгружать картонки, чемоданы и саквояжи. Пустая кабина снова отправилась вверх. На этот раз она доставила улыбающуюся Деллу Стрит. Она поблагодарила клерка, сверкнув белыми зубами, и тот с восхищением проводил глазами очаровательную девушку, которая исчезла со всем своим многочисленным багажом.

Не прошло и пяти минут после ее отъезда, как в вестибюль влетел сержант Голкомб.

— Где она? — спросил он.

Клерк сделал неопределенный жест рукой:

— Все в порядке, сержант. Извините, что побеспокоил вас. Я пытался дозвониться до вас еще раз, но вы уже уехали. Она ошиблась, но теперь все в порядке.

— Какого черта вы тут болтаете? В каком смысле «все в порядке»?

— Она уехала.

— Кто уехал?

— Мисс Делла Стрит.

— Она была здесь?

— Да.

— Ну а багаж? Вы поместили его к мисс Свейн?

— Да нет. Мисс Стрит передумала, сказала, что ошиблась. Так что нет причин волноваться. Она уже забрала свои вещи.

— Она что сделала?

— Увезла багаж.

— Вы открывали номер мисс Свейн?

— Лично я — нет. Но лифтер — да.

— И положили внутрь вещи?

— Нет. Именно об этом я и хочу вам рассказать, сержант. Багаж не стали туда заносить. Произошла ошибка. Как только я увидел мисс Стрит, я понял...

— Мне это неинтересно, — рявкнул Голкомб. — Скажите, багаж мисс Стрит хотя бы одну минуту находился в комнате?

— Ну, если вы желаете повернуть дело таким образом, то я не знаю. Возможно, что несколько чемоданов и сумки внесли в комнату на две-три минуты. Меня там не было.

— Делла Стрит долго была в комнате?

— Откуда мне знать? Подождите, дайте сообразить. Да, должно быть, она оставалась в номере одна, когда носильщик отвозил вниз чемоданы. Он погрузил первую партию в свой фургон и вернулся за остальным багажом. Так что мисс Стрит...

— Идиот! — застонал Голкомб. — Это же секретарша Перри Мейсона! Перри Мейсон защищает Риту Свейн. Им нужно было заполучить что-то из номера, но они не знали, как туда попасть, вот и придумали весь этот трюк с багажом. Когда никого не было, Делла Стрит сунула искомую вещь в один из своих чемоданов и спокойноенько укатила.

Клерк оторопело уставился на Голкомба:

— Что вы говорите, сержант! Она очаровательная леди, вежливая, воспитанная, прекрасно одетая...

— Ха! Меня тошнит от вашей глупости! Какого черта вы ее не задержали?

— Задержать ее? За что?

— Нужно было ей сказать, что она арестована. Что я сейчас приеду.

— Но вы же сами, сержант, не велели никому упоминать ваше имя.

Сержант Голкомб побагровел, пытаясь подыскать нужные слова, которые могли бы выразить всю глубину его негодования. К счастью, клерк как раз вспомнил слова Деллы Стрит:

— Минутку, сержант. Я могу вам сказать, куда мисс Стрит переадресовала свой багаж. Если вы поторопитесь, то застанете его еще там.

— Где?

— В компании перевозок Трейдера. На складе, я имею в виду.

— Как выглядят ее вещи?

— Роскошные чемоданы, новые, дорогие. Прекрасная настоящая кожа и...

— Сколько их было?

— Трудно сказать. Картонки для шляп, ручные саквояжи, большие чемоданы...

— Особые отметки?

— Решительно на всем имеются буквы «Д. М.».

— «Д. М.»?

— Да.

— Ее зовут Делла Стрит. Какого черта тогда на багаже у нее «Д. М.»?

— Понятия не имею. Я просто описываю внешний вид ее багажа. Она еще что-то говорила, дескать, что «Д. М.» — багаж не ее. Произошла досадная ошибка. Если вам нужно что-то проверить, то вы можете перехватить багаж, если...

Сержант Голкомб повернулся и ринулся к выходной двери, а ровно через минуту послышался вой сирены...

Эмиль Скэнлон внимательно посмотрел на присяжных и заявил:

— Цель нашего расследования — определить, каким образом умер этот человек... Была ли эта смерть результатом несчастного случая или же здесь нечто совсем иное.

Нужно также учесть возможность самоубийства. Поэтому, джентльмены, прошу вас обратить самое серьезное внимание на вещественные доказательства. Я призываю задавать как можно больше вопросов свидетелям. Прошу вызвать первого.

С места поднялся человек, у которого было полностью забинтовано все лицо, так что видны были только один глаз да кончик носа. Человек сказал приглушенно:

— Прошу меня извинить.

— Кто вы такой? — спросил Скэнлон.

— Джексон Вейман. Я был свидетелем на прошлѳм дознании, а сейчас получил повестку явиться в качестве свидетеля и на второе дознание. Но я болен.

— Что с вами?

— У меня на лице воспалились все порезы и ушибы. Попала какая-то инфекция. Мне нужно лежать в постели, а не разгуливать по судам.

Его перебила тощая, свирепого вида пожилая женщина, занявшая место в противоположном конце зала. Она почти завопила пронзительным голосом:

— Ваша честь, то же самое можно сказать и про меня! Я миссис Стелла Андерсон. Я тоже была свидетельницей на прошлѳм дознании. И мне снова приказали явиться и дать показания по этому делу, хотя мне решительно ничего не известно про этого несчастного человека.

— Возможно, вам известно гораздо больше, чем вы можете себе представить, — сказал с добродушным видом коронер. — Но поскольку вы вызваны повесткой, я попрошу вас спокойно сесть и послушать показания хотя бы нескольких свидетелей. Что же касается вас, мистер Вейман, то я вызову вас при первой возможности. Однако первым будет давать показания доктор Боллас.

Доктор Боллас четким шагом прошел на помост для свидетелей.

— Но я требую, чтобы меня вообще отпустили, — повысил голос Вейман. — У меня инфекционное воспаление, которое может кончиться очень плохо, если я не буду соблюдать режим.

— В таком случае вам следовало представить справку от врача, — сказал Скэнлон, — но уж поскольку вы пришли сюда, держите себя в руках и не мешайте суду. Я задам несколько процедурных вопросов мистеру Болласу.

— Доктор Боллас, сколько времени вы работаете в больнице «Доброго Самаритянина»?

- Больше года.
- Вы осматривали останки усопшего?
- Да.
- Вам известен этот человек?
- Да. Это тот самый пациент, которого я приводил в чувство от шока, то есть травматической амнезии, гематомы и порезов тридцатого числа этого месяца.
- Где вы проводили осмотр пациента, доктор?
- В больнице «Доброго Самаритянина». Насколько мне известно, пациент оказался жертвой автомобильной катастрофы. К нему вернулось сознание после того, как его привезли в больницу. Его физические увечья были поверхностными, но он страдал от явно выраженной травматической амнезии. Он...

Далее доктор подробно рассказал о всех предпринятых им мерах, чтобы выяснить имя Паккарда.

— И он вспомнил его?

— Да, он потом вполне осмысленно отвечал на все мои вопросы.

— Известно ли вам, доктор, что, выйдя из больницы, этот человек исчез?

— Именно так мне сообщили.

— Несколько позже его труп нашли под обломками машины на дне глубокого каньона высоко в горах Санта-Моники. Поскольку полученные им физические увечья были очень тяжелыми, можно предположить, что смерть наступила почти мгновенно. Об этом будет говорить патологоанатом.

— Да, — сказал доктор Боллас, — я могу подтвердить то же самое даже на основании простого поверхностного осмотра. Его череп был вдребезги разбит.

— Кроме того, у него были многочисленные серьезные повреждения, включая переломы костей. Доктор, мне нужно знать, возможно ли, что если этого человека не лечили от амнезии, то он мог находиться иногда в состоянии своеобразного бреда?

— Исключено, — без колебаний отрезал доктор Боллас, даже словно с каким-то вызовом. — Если я выпускаю человека из больницы, значит, он здоров. В случае, если бы был хоть один процент вероятности рецидива амнезии, я бы его не выпустил, уж будьте уверены. Разумеется, если после этого повторился новый шок, скажем, еще одно увечье, могла повториться и травматическая амнезия, но уже иная, не зависящая от первой.

— Что вы можете нам сказать об опознании погибшего?

— Принимая во внимание состояние трупа, идентификация, разумеется, могла базироваться только на косвенных доказательствах. Например, до этого было точно установлено, что человек, назвавшийся Карлом Паккардом из Олтвилла, в действительности являлся следователем при правлении противопожарного страхового общества Джексонем Брауном. Имя Карла Паккарда ему облегчало его деятельность, так что, вспомнив в больнице свое амплуа, он немедленно вспомнил и причины, вынуждавшие его скрывать свое подлинное имя. Именно поэтому он при мне ни словом не обмолвился о Джексоне Брауне, а сразу же заявил, что он Карл Паккард из Олтвилла.

В правлении страхового общества хранятся отпечатки пальцев всех сотрудников общества. Несмотря на сильную деформацию головы трупа, рисунок кожи на пальцах сохранился в отличном состоянии. По отпечаткам пальцев точно установили, что это действительно останки Джексона Брауна.

— Мне кажется, что все, что нужно от доктора Болласа, мы узнали, — сказал Скэнлон.

— Одну минуточку, — раздался вдруг голос Перри Мейсона, — не разрешит ли мне коронер задать доктору несколько вопросов?

Коронер кивнул.

— Скажите, доктор, в тот момент, когда к Карлу Паккарду, или Джексону Брауну, вернулось сознание, то есть тогда он вспомнил, кто он такой, не обсуждали ли вы обстоятельства несчастного случая?

— Обсуждали.

— Что он говорил?

— Сказал, что увидел в окне дома по правой стороне нечто такое, на чем его внимание целиком сконцентрировалось. Он совершенно забыл про дорогу и лишь в последнее мгновение почувствовал, что слева на него надвигается огромная машина. Он успел заметить, что это был громадный фургон, заворачивающий на Четырнадцатую улицу. Он пытался пустить в ход тормоза, но было уже слишком поздно. Фургон врезался в легковую, та свалилась в канаву, сам же Браун потерял сознание и дальнейшего не помнит.

Родней Кафф, поднявшись на ноги, заговорил изысканно-вежливым тоном.

— Если коронер разрешит, я протестую против такой формы расследования. Человек по имени Браун, или Паккард, умер, сам он не сможет дать показания, что именно он видел в окне. Попытка выяснить это на основании косвенных показаний и запротоколировать противоречит процедурным правилам.

— Почему? — возразил Скэнлон. — Мы стараемся определить, как погиб этот человек. Был ли он убит, покончил ли с собой или стал жертвой несчастного случая, потому что вел машину в состоянии психической неуравновешенности и это явилось причиной падения с обрыва.

— В таком случае должен ли я считать, что это единственная цель проводимого допроса?

— Повторяю: мы лишь стараемся выяснить, что явилось причиной смерти этого человека. Насколько я знаю, мистер Кафф, вашего клиента пока ни в чем не обвиняют в связи с этой смертью.

— Категорически протестую против вашего последнего замечания, — несколько истерически заявил Кафф, — тем самым вы намекаете, что еще до окончания дознания появятся данные, доказывающие, что мой клиент, мистер Дресколл, имеет отношение к этой смерти.

— Подобных намеков я не делал. Считаю своим долгом заметить, что вы превышаете свои полномочия и тем самым вредите своему подзащитному.

Кафф открыл было рот, но передумал и опустил на место.

— Есть еще вопросы к доктору? — спросил Скэнлон у Перри Мейсона.

— Это, пожалуй, все. — Перри Мейсон тоже сел.

— Имеются ли у представителей прокуратуры вопросы к доктору Болласу?

Овермейер покачал головой:

— Не сейчас, ваша честь. Мы хотели бы спросить полицейского патологоанатома и офицеров транспортной службы, обнаруживших труп... Одну минуточку. Все же у меня есть один вопрос к доктору. Этот человек ничего вам не говорил такого, на основании чего можно было бы предположить, что именно он видел в окне?

— Ничего, кроме того, что это было, по его словам, нечто удивительное или потрясающее. Точного выражения я не помню. Мне показалось, что мистер Паккард был просто ошеломлен виденным.

— У меня все.

Доктор Боллас начал спускаться с помоста, сооруженного специально для свидетелей. Неожиданно Мейсон сказал:

— Одну минуточку, доктор. Я бы попросил вас остаться на несколько минут. Будьте добры, садитесь в это кресло. Ваши услуги нам понадобятся.

Мейсон указал на крайнее кресло в первом ряду.

Доктор нахмурился и взглянул на часы:

— У меня в больнице несколько тяжелобольных, так что я прошу вас освободить меня как можно скорее.

— Непременно, доктор, — сказал Скэнлон. — Посидите немножко.

Доктор Боллас сел. Рядом сидел Джексон Вейман. Он с любопытством воззрился на врача единственным глазом, поблескивающим сквозь бинты.

— Следующий свидетель, — объявил коронер, — Эдвард Вирд, один из офицеров транспортной полиции, который обнаружил тело на месте происшествия.

На Эдварда Вирда было приятно посмотреть: форма на нем сидела как влитая, выправке позавидовал бы любой новобранец.

— Вы были в числе тех офицеров, которые обнаружили труп покойного?

— Да, сэр. Я и мой партнер, Джек Мурр, патрулировали шоссе и проехали напрямик от приморского бульвара на Коньонс-роуд, и тут я случайно заметил, что некоторые ветки обломаны как раз под вершиной холма, то которой проложено шоссе. Мы остановили машину и проверили, в чем дело. С первого же взгляда было ясно, что совсем недавно сверху упал какой-то громоздкий и тяжелый предмет. Мы спустились вниз футов на шестьдесят—семьдесят и оттуда заметили обломки легковой машины, лежавшей на самом дне каньона. Добраться до них было крайне сложно. Лишь через полчаса мы смогли подойти вплотную к автомобилю. Водитель лежал под машиной. Сама легковая в центре изогнулась наподобие подковы, придавив несчастного. Голова у него была расплющена, как яичная скорлупа. Он умер, наверное, несколько часов назад. Уже начался процесс разложения трупа, который пролежал несколько дней под жарким солнцем.

— Что вы сделали?

— Известили коронера, потом вызвали аварийную бригаду. Сначала подняли наверх труп, потом машину.

— Присутствовали ли вы при том, как представители прокуратуры проверяли рулевое колесо на предмет отпечатков пальцев?

— Присутствовал.

— Что они обнаружили?

— Никаких отпечатков не было.

— Присутствовали ли вы при обыске карманов пострадавшего?

— Да.

— Я покажу вам все вещи, найденные у покойного. Посмотрите, все ли на месте?

Офицер проверил самым тщательным образом, потом удовлетворенно кивнул:

— Да, именно эти вещи находились в карманах пострадавшего. Больше ничего не было.

— Вы в этом уверены?

— Да.

— Что вы можете сказать нам о машине, лежавшей на дне каньона?

— Это был украденный автомобиль. Его похитили в половине седьмого вечера тринадцатого числа. В полицию об этом похищении было заявлено через час. Розыски ничего не дали.

— У меня все, — сказал коронер. — Будут ли другие вопросы?

Мейсон медленно встал.

— У вас имеются вопросы, мистер Мейсон?

— Да, у меня есть несколько вопросов к последнему свидетелю. Но мне думается, что коронер забыл про свое обещание, данное мистеру Вейману. Мистер Вейман, очевидно, очень серьезно болен, и я считаю, что его не следует вызывать на место для свидетелей. На мой взгляд, обстоятельства катастрофы в этом деле совершенно очевидны, так что мистера Веймана можно вообще не допрашивать. Я предлагаю освободить его от допроса.

— Нет, — покачал головой коронер, — раз уж мистер Вейман здесь, нет никаких оснований его не допрашивать.

— Но он же тяжело болен!

— У него нет соответствующей справки от врача. Если бы он чувствовал себя настолько плохо, он лег бы в постель и пригласил врача.

— Но ведь каждому ясно, что он нездоров, — настаивал Мейсон, — посмотрите на его повязку. Никто не стал бы накручивать такое количество бинтов без нужды. По-

этому и предлагаю следующее: попросить доктора Болласа осмотреть воспаленные места и дать свое заключение. Лично мое мнение таково, что человек в таком состоянии не может давать показания.

Доктор Боллас вопросительно посмотрел на коронера. Коронер, внимательно посмотрев на Перри Мейсона, усмехнулся и сказал:

— Доктор, осмотрите, пожалуйста, мистера Веймана.

Доктор Боллас повернулся к Вейману, молча потянул за конец бинта. Его ловкие пальцы быстро снимали повязку.

В этот момент Вейман ударил левым кулаком. Удар пришелся доктору Болласу по нижней челюсти. Тот откинул назад голову и пошатнулся, но его пальцы по-прежнему крепко держали бинт.

Вейман метнулся вбок по проходу.

Коронер громко закричал:

— Держите его!

Кто-то попытался схватить Веймана за ногу, но тот другой ногой изо всех сил лягнул и продолжал продираться к выходу. Доктор Боллас, придя в себя от изумления, успел вцепиться в воротник нахала левой рукой, а правой машинально оттягивал бинт. Неожиданно для всех вся повязка спала с лица Веймана, оставив подобие ошейника на его плечах. Доктор Боллас, взглянув на физиономию незадачливого беглеца, отскочил назад и испуганно закричал:

— Великий боже, это же мертвец!

В переполненном зале заседаний поднялся невообразимый шум.

Перри Мейсон повернулся к Роднею Каффу и с легким оклоном сказал:

— Вот вам и дело об убийстве, адвокат.

Задняя половина комнаты, куда все-таки ухитрился пробиться Вейман, превратилась в настоящую свалку. Коронер махнул рукой на какие-либо попытки установить тишину. Сами присяжные заседатели повскакали с мест и пустились в погоню.

Перри Мейсон посмотрел на часы, улыбнулся коронеру и тихонько сказал:

— Благодарю за помощь. В моем распоряжении пятьдесят семь минут. Мне нужно вернуться к себе в контору, взять паспорт и прочие документы и успеть на пароход, отплывающий в Гонолулу, на Восток, Бали, Сингапур и так далее.

Глава 16

Автомашина Перри Мейсона, подгоняемая мощным двигателем, уносила их на предельной скорости из Лос-Анджелеса в Вилмингтон.

— Если нам повезет, — улыбался адвокат, — то мы не опоздаем. Только нам придется отправиться в кругосветное путешествие без багажа. Как жаль, Делла, что твои новые красивые чемоданы достанутся неизвестно кому.

Делла задорно засмеялась:

— Уважаемый шеф, весь наш багаж уже давно на борту «Президента Монро».

— Что ты сказала?

— Следите за дорогой, — лишь предупредила девушка.

— Что за сказки ты мне рассказываешь?

— Это вовсе не сказки. Вы велели мне наполнить чемоданы всякой дрянью. Я подумала, что это не совсем разумно. Вместо этого я уложила туда свои личные вещи. А после того как носильщик все вытащил из комнат Риты Свейн, я приказала ему ехать напрямик в порт и все погрузить в заказанные каюты. Нужно было ведь, чтобы сержант Голкомб подумал, что чемоданы находятся на складе трейдеровской компании. Ну, а в отношении ваших вещей я позвонила вашему слуге, он тоже запаковал самое необходимое и, в свою очередь, отправил на пароход. Я была совершенно убеждена, что у вас на это так и не останется времени.

— Умница, — ласково сказал Перри Мейсон, — мне следовало с самого начала сообразить, что ты подумаешь об всем необходимом... Значит, Голкомб таки решил, что багаж у Трейдера? Я не вполне осведомлен об этом событии, поэтому что подготавливал почву для того, чтобы дознание проходило так, как мне было нужно. Как же все произошло?

— Сержант примчался весь в мыле в контору Трейдера. Ему был до зарезу нужен багаж с инициалами «Д. М.». Такой багаж там действительно имелся, но чем горячий Трейдер уверял, что он не имеет ко мне никакого отношения, тем больше Голкомб убеждался, что Трейдер со мной заодно. Он отбросил всякую деликатность и насильно заставил их открыть чемоданы. Внутри оказались вещи, взятые из одного из зданий, сожженного шайкой преступников. Разумеется, тогда сержант ничего этого не знал, но избитые дорогих мехов зародило в нем подозрение. Он созвонился с детективным отделением, и они приехали и сразу опознали вещи. Естественно, сержант Гол-

комб арестовал меня, но судья Саммервейт подписал прошение. Так что меня выпустили почти в тот же момент, когда Трейдер сделал кое-какие инкриминирующие признания.

— Трейдер впутал Веймана?

— При мне — нет, но зато свалил всю вину на Прескотта и Диану Морган. А теперь, может быть, вы проявите внимательность к несчастной служащей и удовлетворите ее любопытство по поводу случившегося, не ослабляя внимания к дорожным знакам. Лично мне почему-то хочется целой и невредимой добраться до парохода.

— Все начало становиться на свои места, когда я подошел к решению проблемы с точки зрения психологии. Мне сразу стало ясно, что у Вальтера Прескотта было мышление убийцы, а вовсе не жертвы. С этой исходной точки я стал рассуждать, кто же мог быть в действительности его жертвой. Присовокупив к этому факт исчезновения Карла Паккарда, я увидел забрезживший впереди свет. Допустим, что Вальтер Прескотт, работавший в страховом агентстве, сотрудничал (с ведома Рея или без его ведома) с бандой воров-поджигателей. Такие случаи были известны и ранее. А если бы Паккард заподозрил Прескотта и напал на его след, то тогда Прескотт, не задумываясь, убрал бы его с дороги.

Но Карл Паккард, логическая жертва, не мог ею стать, потому что в этот момент он находился в больнице «Доброго Самаритянина», где добровольно признал, что авария произошла исключительно по его вине: он загляделся на что-то в окне дома и позабыл об осторожности.

Вот тут-то у меня в голове все сразу прояснилось.

Паккард вышел на след поджигателей. Они решили его убить, но так, чтобы не было возможности доказать их виновность. Вейман, один из заговорщиков, позволил им так исколотить себя, чтобы создалось впечатление, будто он побывал в аварии. Потом, когда Паккард отправился к Вальтеру Прескотту, Гарри Трейдер поехал за ним на своем фургоне и, воспользовавшись первой представившейся возможностью, врезался в легковую Паккарда. Когда тот потерял сознание, он быстренько погрузил его в крытый фургон и поехал в больницу. Далее мы можем проследить за судьбой пострадавшего уже в самой больнице. Мне кажется, тебе понятно, что по пути жертву успели подменить.

Чем больше я думал над этой схемой, тем яснее мне становилось, что она была легко осуществима. Джексон

Браун, он же Карл Паккард, был положен в фургон в бессознательном состоянии. Возможно, он тогда же и умер. Но одно очевидно: ему по дороге раздробили голову так, чтобы опознание трупа стало невозможным.

Затем фургон приезжает в больницу. Вейман, притворившись потерявшим сознание, прекрасно разыгрывает роль Паккарда. Пока все идет великолепно.

Вейман возвращается назад. Изрядно выпив и дополнительно облившись для запаха виски, он «сознается» жене, что снова подрался по пьянке.

Дома от жены он узнает последние сплетни, рассказанные ей «по секрету» миссис Надоедой о том, что она видела в доме Прескотта.

Вейман моментально соображает, какая ему предоставлена великолепная возможность убить Прескотта и за просто свалить вину на других. Прескотт был настоящей занозой в гангстерской организации поджигателей. Они покупали его молчание за огромные деньги. Кроме того, и Джексон Браун пока только подозревал Прескотта, так что спокойнее было избавиться и от последнего, чтобы тот не успел выдать остальных.

И Вейман, который вернулся к себе сразу же после инсценировки аварии, отправился в дом Прескотта. Розалинда уже успела уехать, а Рита еще не приехала. Вейман надел перчатки, достал револьвер из бюро, отправился в спальню к Прескотту и всадил в него три пули, после чего положил револьвер на место и вернулся домой.

Понимаешь, преступление могло произойти только после того, как Джимми Дресколл отдал револьвер Розалинде Прескотт. Но это если верить показаниям Рея. У нас нет никаких оснований в них сомневаться. Другими словами, Прескотт был еще жив в одиннадцать пятьдесят пять. Ну, а каждая минута в жизни Дресколла после этого времени нам хорошо известна. Конечно, он мог отойти от телефона и убить Прескотта, но я считаю его неспособным быть убийцей совсем по другим соображениям.

Обрати внимание, как был убит Прескотт: в собственной спальне, без признаков не только борьбы, но и без признаков какого-либо сопротивления. Иначе говоря, его мог убить человек, с которым он был в дружеских отношениях. Поэтому-то Вейману и удалось с такого близкого расстояния сделать по нему три выстрела.

Прескотт до этого как раз сообщил в полицию, что кто-то следит за его домом. Он вполне резонно считал, что его

собираются убить. Не исключено, что он видел Брауна, когда тот делал предварительные расследования. Так или иначе, но Дресколл, его лютой враг, не мог бы так спокойно застрелить Прескотта.

Рита Свейн могла бы это сделать, так же как и Стелла Андерсон. Впрочем, миссис Вейман тоже. Только ни одна из них не взялась бы за такое дело. Рита ни за что на свете не взяла бы револьвер из укрытия после того, как она претерпела столько мук, чтобы обмануть миссис Надоеду. А у миссис Надоеды и миссис Вейман не было абсолютно никакого мотива. Не говоря уже о том, что никто из всей этой троицы не мог приблизиться к Вальтеру Прескотту, не возбудив у него подозрений.

Всего лишь один человек знал, где был спрятан револьвер, — это был мистер Вейман. Его жена не могла ему не сообщить о столь сенсационном событии и не спросить у него совета, как ей следует поступить: звонить ли в полицию и так далее.

Когда начинаешь рассуждать таким образом, все становится ясным и очевидным.

Итак, Прескотт участвовал в шайке, узнавая, где можно застраховать имущество на большую сумму и как заранее вывезти оттуда все самое ценное, чтобы после пожара, вызванного поджогом, получить солидную компенсацию. Я понял, что у шайки должен быть какой-то способ реализации похищенных товаров.

Рыженькая секретарша в конторе Прескотта не внушала мне никакого доверия. Нет, в ней не было ничего от работника солидного учреждения. Как только Пол Дрейк мне сообщил о ее двойной жизни, я понял, что мои первоначальные подозрения подтвердились. Под видом Дианы Морган, богатой разведенной женщины, она вполне могла приказать относить к себе в номер чемоданы и картонки, которые доставлял ей Трейдер. В них находился «товар». Ее роскошные апартаменты в Велифонтоне служили великолепным складом краденого. Позднее, когда гангстеры находили покупателя, «товар», аккуратно уложенный в чемоданы и коробки, выносился из номера, когда его хозяйка собиралась в очередное заграничное турне.

— А как же Джимми Дресколл? — поинтересовалась Делла.

— Дресколл или его адвокат Родней Кафф наверняка подозревали, что происходило. Я думаю, Джимми пытался подвести под подозрение Риту, чтобы освободить себя

и Розалинду и потом уже вдвоем распутать дело. К сожалению, у меня не было времени, чтобы предоставить Каффу удовольствие пожинать плоды. Не выяснил я и того, откуда Кафф брал все сведения, которыми он пользовался.

— Значит, Вейман и Трейдер должны были сначала украсть машину, потом на ней отвезти тело Джексона Брауна в горы Санта-Моники и сбросить с обрыва так, чтобы можно было предположить аварию и невозможно было опознать погибшего. Верно?

— Верно. Только я думаю, что деформация лица Брауна была осуществлена в фургоне Трейдера еще по дороге в больницу. О подобных вещах неприятно думать, но...

Несколько минут они ехали молча, потом Делла сказала:

— Почему вы хотели, чтобы сержант Голкомб заинтересовался багажом рыженькой?

— Надеялся иметь доказательства. Я не хотел начинать разоблачение Веймана, пока в моем распоряжении не будет чего-нибудь примечательного. Вейман удивительно умно играл роль законченного осла. Когда мне стала ясна правда, я решил, что он уклонится от вызова в суд, так что мне придется обвинить его совершенно открыто. Понимаешь, Вейман боялся одного человека — доктора Болласа. Зная, что доктор наверняка будет присутствовать на дознании по поводу обнаружения тела Джексона Брауна, я не мог поверить, что у Веймана хватит наглости тоже туда отправиться. Но Вейман оказался куда более умным, чем я предполагал. Если бы он игнорировал повестку, это было бы правонарушение. Тогда Вейман перехитрил всех, заявив, что у него воспалились рубцы, и забинтовал всю голову до неузнаваемости.

Я подумал, конечно, что, если только сержант Голкомб нападет на след, он вцепится в Трейдера и Розу Хендрикс и не отстанет от них до тех пор, пока не получит от них все данные. Но меня поджимал вопрос отплытия на «Президенте Монро». И тогда я решил действовать иначе. В общих чертах я объяснил Скэнлону, чего я хочу, и тот согласился предоставить мне свободу действий в разумных пределах.

— Но почему бы вам было не пойти к Голкомбу и не рассказать ему всю правду?

Мейсон хохотнул:

— Прежде всего, Голкомб присвоил бы себе все лавры, затолкав меня куда-нибудь на задний план. Во-вторых, он

никогда не стал бы со мной сотрудничать. Понимаешь, он ни за что бы не согласился осмотреть багаж Дианы Морган, если бы не надеялся, что в нем есть нечто компрометирующее меня и тебя.

— Когда вы заподозрили Веймана, шеф?

— Не забывай, ведь они с Прескоттом одновременно переехали в дома по соседству. Этот факт сам по себе примечателен. Зная, что замена жертвы была произведена в фургоне, я решил, что у двойника Брауна обязательно должны быть физические увечья, с которыми он мог обратиться в больницу. Отсюда прямая ниточка к Вейману.

— Участвовал ли Трейдер в убийстве Прескотта?

— Нет, лишь уже из газет выяснил про смерть Прескотта, в гараж которого он привез очередной груз «товаров». Он перепугался не на шутку и быстренько переправил его в апартаменты Дианы Морган, где она все сложила в дорожные чемоданы, с которыми собиралась отправиться в Рино.

Нахмурившись, Делла спросила:

— Но зачем же Вейман подтвердил показания Дресколла в отношении телефонного разговора?

Мейсон рассмеялся:

— Чудачка, он старался создать себе алиби. Это был умный ход. И как ловко он воспользовался болтливостью собственной супруги, которая моментально побежала с интересными новостями к миссис Надоеде, которую, как рассчитывал Вейман, непременно будет допрашивать адвокат Дресколла. Да, да, он всех обманул. Я долгое время был убежден, что Вейман стоял на улице против дома Ирескотта, а не ехал в фургоне Трейдера.

— Теперь я знаю достаточно, чтобы разобраться в случившемся и самостоятельно собрать разрозненные звенья. А вы занимайтесь машиной.

Посмотрев на часы, Мейсон нахмурился и прибавил газу:

— Ну, старушка, выручай!

Глава 17

«Президент Монро» подал первый гудок, который оповещал, что до отплытия осталось пятнадцать минут. Всем провожающим было велено немедленно покинуть судно. Возле трапа появились дежурные. Заиграл оркестр.

Облака, затянувшие с утра залив, постепенно рассеивались. Кое-где даже проглядывали кусочки синего неба.

Вдоль всего левого борта столпились пассажиры. Они махали руками, что-то кричали, стараясь перекричать соседей, передавали «очень важные» напутственные слова тем, кто оставался на берегу.

Офицер, облаченный в полную форму, прикрыл рукой широкий зевок. Наступило временное затишье в потоке машин. Еще пять минут они будут прибывать нескончаемой вереницей. Через десять минут поток потечет в обратную сторону.

Но вот завизжали тормоза, и офицер едва успел отскочить в сторону, уступая место машине, которая круто остановилась возле тротуара.

Из машины выскочил Перри Мейсон, крикнув офицеру: «Поставьте где-нибудь машину». Потом он схватил за руку Деллу Стрит и потащил ее по длинным сходням.

Они успели вскочить на пароход в самую последнюю секунду.

Стоя возле борта, они смеялись, запыхавшиеся и счастливые, не в силах отдышаться от сумасшедшего бега.

Неожиданно Мейсон сказал:

— Посмотри вниз, Делла, по направлению поста номер семь.

Делла Стрит взглянула, куда он велел. Тесной кучкой на берегу стояли Родней Кафф, Джимми Дресколл, Розалинда Прескотт и Пол Дрейк. Дрейк что-то говорил. Потом он громко крикнул:

— Перри! Мы летели сюда на всех парах. Мой клиент жадет поручить тебе свое дело. Это как раз в твоём духе. У него куча денег и...

— Я не интересуюсь! — в ответ закричал адвокат.

— Ты можешь возвратиться с лоцманом...

— Не могу! У меня в Сингапуре свидание с дамой!

Кафф закричал:

— Поздравляю от всего сердца! Потрясающая работа!

— Спасибо. Эй, Пол, пусть твой парень поручит дело Каффу. До свидания. Я пришлю открытку из Вайкики!

Пароход постепенно начал набирать ход. Пристань с фигурками провожающих отступила назад.

Мейсон повернулся к Делле Стрит.

— Теперь мы столкнулись с новой проблемой. Весь твой багаж помечен буквами «Д. М.». Буквы вмонтированы в кожу. Однако у меня есть одна мыслишка.

— Какая?

— Если ты станешь миссис Мейсон, инициалы будут правильными, Делла Мейсон. Д. М. Все как следует, без дураков.

— Вы просите моей руки?

Он кивнул.

Она долго смотрела вниз на воду, потом заглянула ему в глаза:

— Став^ьвашей женой, буду ли я продолжать работать секретарем?

— Вряд ли. Я не смогу поручать тебе ничего. Клиентам это не понравится. Но ведь тебе и не потребуется работать: у тебя будет собственная машина и...

— Именно так я и подумала. Мы так хорошо сейчас ладим. А если я буду вашей женой, то вы запрете меня дома, себе же найдете новую секретаршу, которая будет вам помогать во всех делах. Все горести и радости, удачи и трудности вы будете делить с ней, а не со мной. Нет, мистер Перри Мейсон, вы не созданы для семейной жизни. Вы живете на высоких скоростях. Вы полны загадок и тайн. Нет, я предпочитаю разделить с вами вашу жизнь, а не ваш банковский счет.

— Но подумай о своем багаже, — сказал Перри, обнимая ее, — на нем отличные монограммы «Д. М.», которые нам придется испортить.

Девушка лишь теснее прижалась к нему.

— Нет, шеф, я права. Лучше оставаться Деллой Стрит и испортить багаж, чем стать Деллой Мейсон и испортить нашу дружбу и взаимопонимание. Но я знаю, что вам следует сделать: попросите у меня руку и сердце еще раз в Сингапуре.

— Отсюда до Сингапура очень далеко, — вздохнул адвокат. — Может быть, в Вайкики?

Она рассмеялась и немного откинула назад голову, чтобы ветер охладил ее пылающие щеки.

— Нетерпеливый, как всегда! Пойдем прогуляемся по палубе. Я не уверена в том, что вам нужна жена. Но зато я уверена, что вам просто необходима секретарша, которая даже готова иногда попасть в тюрьму, чтобы помочь вам осуществить ваши замыслы.

Рука об руку они двинулись по палубе.

— Скажи, у тебя были какие-нибудь недоразумения с прошением о предъявлении обвинения?

— Нет.

Вторая половина палубы была пройдена в молчании.

— Ты счастлива? — спросил Мейсон.

— Угу.

— Черт побери, о чем это толковал Пол Дрейк. Ведь я его давно знаю, а таким взволнованным видел впервые...

Она зажала ему рот рукой:

— Хватит говорить о делах и думать о делах. Если вы намерены всю дорогу говорить об убийствах, я пересяду на другой пароход, а вы варитесь здесь в собственном уголовном соку.

— Ты права, Делла! Будем считать, что у нас свадебное путешествие.

И он принялся насвистывать «Рай на Гавайях», глядя с неподдельным восхищением на свою стройную хорошенькую спутницу.

Содержание

Предисловие	5
ДЕЛО О ФАЛЬШИВОМ ГЛАЗЕ. Роман <i>Перевод с английского П.В. Рубцова</i>	11
ДЕЛО ЗАИКАЮЩЕГОСЯ ЕПИСКОПА. Роман <i>Перевод с английского П.В. Рубцова</i>	161
ДЕЛО О ХРОМОЙ КАНАРЕЙКЕ. Роман <i>Перевод с английского П.В. Рубцова</i>	351

Литературно-художественное издание

Эрл Стенли Гарднер

«Весь Перри Мейсон»

ДЕЛО О ФАЛЬШИВОМ ГЛАЗЕ

Романы

Ответственный редактор *З.В. Полякова*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.09.2002
Формат 84x108^{1/2}, Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. псч. л. 26,04. Уч.-изд. л. 30,0
Тираж 8 000 экз. Заказ № 2973

73-90

ЗАО «Центрополиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВЕСЬ ПЕРРИ МЕЙСОН

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ДЕЛО
О ФАЛЬШИВОМ ГЛАЗЕ

•
ДЕЛО
ЗАИКАЮЩЕГОСЯ
ЕПИСКОПА

•
ДЕЛО
О ХРОМОЙ
КАНАРЕЙКЕ

ISBN 5-9524-0104-X

9 785952 401044

ЦЕНТРОЛИГРАФ®